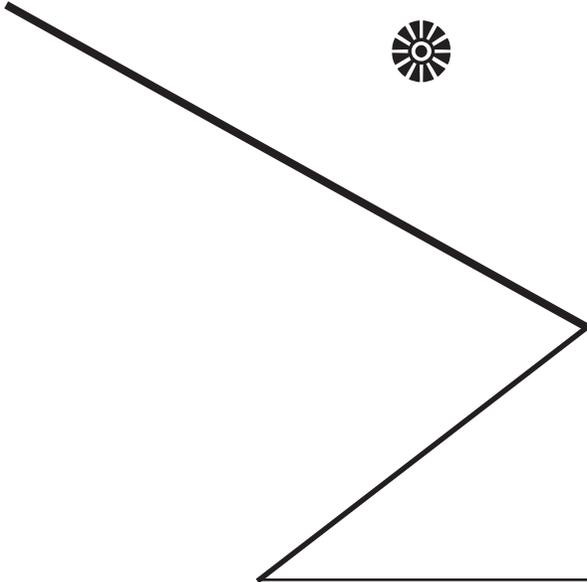

А. А. Сусоколов

КУЛЬТУРА И ОБМЕН

**Введение в экономическую
антропологию**

**МОСКВА
РУССКАЯ ПАНОРАМА
2006**

Подготовлено при содействии НФПК – Национального фонда подготовки кадров в рамках Программы «Совершенствование преподавания социально-экономических дисциплин в ВУЗах» Инновационного проекта развития образования

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

А.А. Белик – доктор философских наук
И.В. Волкова – кандидат исторических наук

Сусоколов А.А.

С90 КУЛЬТУРА И ОБМЕН: Введение в экономическую антропологию. – М.: SPSL–«Русская панорама», 2006. – 446 с.; библ. 140; глоссарий. – (Серия «Профессионалы: просто о сложном»).

ISBN 5-93165-148-9

Книга является введением в экономическую антропологию – научную дисциплину, возникшую в XX в. на стыке социологии, экономики и социальной антропологии. Многие идеи, изложенные здесь, хорошо известны специалистам в соответствующих узких областях. В то же время автор излагает свою оригинальную концепцию, объясняющую культурные особенности России процессом перехода от экстенсивной к интенсивной модели развития. Он исходит из того, что понимание роли культурных особенностей в экономике и менеджменте важнее всего для широкого круга участников рынка, а не только для специалистов-антропологов.

Данная книга написана на базе учебного курса «Экономическая и социальная антропология», читаемого в течение ряда лет на факультете социологии ГУ–ВШЭ и в др. вузах, и может использоваться в качестве основного пособия по указанной теме при подготовке социологов, а также в качестве дополнительного пособия в ряде курсов на факультетах экономики и менеджмента. Кроме того, она представляет интерес для каждого, кому не безразличны проблемы будущего экономического развития России. В отличие от ряда других книг по экономической и социальной антропологии, автор данной работы не стремится излагать абстрактные теории, а пытается ответить на конкретные вопросы, касающиеся влияния культуры на экономические отношения, опираясь на результаты, полученные наиболее авторитетными исследователями.

ББК 60.54

ISBN 5-93165-148-9

© Сусоколов А.А., 2006
© Оформление. SPSL, 2006
© «Русская панорама», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ	12
1.1. Определение культуры	12
1.2. Основные свойства культуры	16
1.2.1. Культура – способ удовлетворения потребностей	16
1.2.2. Культура социальна. Общество и культура	18
1.2.3. Культура формируется и поддерживается с помощью языка	21
1.2.4. Обратная связь как механизм функционирования культуры	28
1.2.5. Культура отражает общественные идеалы	29
1.2.6. Культура есть результат адаптации общества к окружающей среде	30
1.2.7. Культура подчиняется принципу дополнительности. Бинарность («двойственность», диалектичность) культуры	35
1.2.8. Культура задает картину мира с помощью системы категорий, норм и ценностей, а также определяет ритм жизнедеятельности общества	37
1.2.9. Культура общества реализуется через социальные институты	38
1.2.10. Существуют культурные универсалии	41
1.2.11. Тенденции развития культуры в условиях глобализации	44
1.3. Функциональный анализ культур	48
1.4. Типология форм распределения и обмена	52
<i>Вопросы для самопроверки</i>	<i>55</i>
2. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ ПРЕПОЛИТАРНЫХ ОБЩЕСТВ	57
2.1. Типология доиндустриальных обществ	57
2.2. Преполицтарные общества	71
2.2.1. Ранние этапы присваивающего хозяйства	71
2.2.2. Социальная структура и распределение в развитом родовом обществе	76

2.2.3. Поздние этапы присваивающего хозяйства. Переход к производящему хозяйству. Возникновение престижной экономики	87
<i>Выводы</i>	102
<i>Вопросы для самопроверки</i>	102
3. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИТАРНЫХ АГРАРНЫХ ОБЩЕСТВАХ	104
3.1. Политарные общества. Общие черты и особенности	104
3.1.1. Факторы, влияющие на культурные особенности аграрных политарных обществ	104
3.1.2. Сельская община как основа аграрного общества	107
3.2. Экстенсивные культуры. Русская сельская община	111
3.2.1. Миграции в истории русского этноса	111
3.2.2. Основные занятия и технологии	114
3.2.3. Численность и система расселения.	117
3.2.4. Экономические функции русской сельской общины	118
3.2.5. Механизм распределения и перераспределения земли	123
3.2.6. Подбор брачных партнеров как механизм регулирования экономических отношений	125
3.2.7. Социально-демографическая структура русской аграрной общины и тенденции ее изменения	126
3.2.8. Формы социального контроля и страхования	128
3.2.9. Система управления общиной. Общий сход; выборные и назначаемые должности	130
3.3. Интенсивные культуры. Европейское крестьянство	133
3.3.1. Исторические особенности формирования	133
3.3.2. Основные культуры и технологии	135
3.3.3. Социальная структура	136
3.3.4. Правила наследования земель	138
3.4. Интенсивные культуры. Китайская община	140
3.4.1. Некоторые особенности китайской цивилизации	140
3.4.2. Характеристика сельского хозяйства	149
3.4.3. Социальная структура	152
3.4.4. Земельная собственность и наследование	155
3.4.5. Обмен и торговля	156
3.4.6. Экономические функции общины. Взаимопомощь	158
<i>Выводы</i>	161
<i>Вопросы для самопроверки</i>	163
4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ГОРОДОВ В АГРАРНЫХ ОБЩЕСТВАХ	165
4.1. Процессы урбанизации	165
4.2. Горожане как самостоятельная социальная общность	168

4.3. Юридический статус городов и городского населения	176
4.4. Цеховая культура – общие черты и различия	177
4.5. Исторические особенности формирования культуры российских деловых кругов	182
<i>Выводы</i>	188
<i>Вопросы для самопроверки</i>	190
5. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ МИРА	192
5.1. Основные черты процесса глобализации	193
5.2. Альтернативная модель мирового развития. Римский клуб и «Человеческие качества»	199
5.3. Проблемы этики современного бизнеса	202
5.4. Факторы, способствующие сохранению локальных сообществ	206
5.5. Этнос как механизм сохранения традиций	208
5.5.1. Представление об этнических общностях	208
5.5.2. Этнос и информация	212
5.5.3. Структурные уровни организации этноса	219
5.6. Этническое предпринимательство	221
5.6.1. Определение этнического предпринимательства	221
5.6.2. Этническое предпринимательство и культура	225
5.6.3. Пример исследования: вьетнамцы в Москве	226
<i>Выводы</i>	234
<i>Вопросы для самопроверки</i>	235
6. ТИПОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР. МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ	236
6.1. Основные подходы к типологии национальных культур в современной науке	236
6.2. Система индикаторов Г.Хофштеда	252
6.3. Экономическая культура российского общества в XX веке. Традиции и динамика	265
6.3.1. Отношение к прошлому как критерий успешности общества	265
6.3.2. Культура периода строительства социализма	270
6.3.3. Оценка современного состояния деловой и организационной культуры	285
6.4. Межкультурные контакты на личностном уровне	293
6.4.1. Межкультурные контакты как сфера деятельности	293
6.4.2. Основные компоненты межкультурных коммуникаций	298
6.4.3. Этнические стереотипы и этноцентризм	306
<i>Выводы</i>	307
<i>Вопросы для самопроверки</i>	307

7. ЭКОНОМИКА И РЕЛИГИЯ	309
7.1. Основные факторы влияния религии на экономику	309
7.2. Ислам	314
7.2.1. Исторические условия возникновения ислама	314
7.2.2. Основы вероучения	318
7.2.3. Экономические отношения в исламе	322
7.2.4. Ислам в современном мире	328
7.3. Иудаизм	330
7.3.1. Этнос и религия	330
7.3.2. Евреи и иудаизм в России	336
7.3.3. Основные священные книги иудаизма	338
7.3.4. Влияние иудаизма на экономическое поведение	340
<i>Выводы</i>	354
<i>Вопросы для самопроверки</i>	356
8. ИСТОРИЯ ИДЕЙ. ЗАЧЕМ НУЖНО ЗНАТЬ ИСТОРИЮ? .	358
8.1. Задачи исторического очерка идей	358
8.1.1. Школы и направления	358
8.1.2. Устарела ли классика?	359
8.1.3. Основные проблемы	362
8.2. Идеи, предшествовавшие экономической антропологии	365
8.2.1. Эволюция общества и культуры. Классический эволюционизм в антропологии	365
8.2.2. К. Маркс и Ф. Энгельс	371
8.2.3. Миграция элементов культуры. Диффузионизм	377
8.2.4. Географическое направление. Влияние великих рек на развитие цивилизаций	380
8.2.5. Уникальность культур и цивилизаций. Сравнительное изучение цивилизаций	383
8.3. Выделение экономико-антропологических исследований в самостоятельную отрасль социальной антропологии	387
8.3.1. М. Вебер и Школа Анналов	387
8.3.2. Полевые исследования конца XIX – начала XX вв. Первое поколение функционалистов	393
8.3.3. Противостояние «формалистов» и «субстантивистов» ...	399
8.3.4. Некоторые тенденции развития антропологии в последние десятилетия XX века	406
<i>Выводы</i>	410
<i>Вопросы для самопроверки</i>	412
Заключение	414
<i>Использованная литература</i>	419
<i>Терминологический словарь</i>	427
<i>Именной указатель</i>	442

Введение

Название данной книги, на первый взгляд, может вызвать удивление. Действительно, какая связь между таким возвышенным понятием, как «культура», и приземленными правилами повседневного обмена вещами и услугами? Между тем, если понимать культуру так, как ее понимает большинство социологов и антропологов, – а именно, как накопленный и передаваемый из поколения в поколение опыт общества, – то связь эта становится очевидной. Общественный опыт закрепляется, прежде всего, в механизмах взаимодействия между людьми, которые составляют то или иное общество. Основой всякого взаимодействия является обмен (вещами, услугами, информацией). Антропологи давно пришли к выводу, что число принципиально различающихся форм обмена, встречающихся в самых разных обществах, ограничено. Многие общества, как в прошлом, так и в настоящем, весьма заметно различаются, в зависимости от преобладающих в них форм и принципов обмена. И даже процессы глобализации не приводят к полной унификации в данной сфере. Эти различия связаны с историческим опытом обществ, то есть, в конечном итоге, с их культурой. Ошибки, связанные с игнорированием исторического опыта различных обществ, очень болезненно сказываются в экономической и социальной сфере. Это стало особенно заметно в конце XX – начале XXI века. Перечислим только некоторые из таких ошибок: усилия по «модернизации» африканских обществ в 70-е годы XX века по образцу западных обществ и строительство социализма по советской модели в странах Восточной Европы, реформы начала 90-х годов в России и попытка «насадить» демократию в Ираке и Афганистане, и многое другое. Любой экономист, менеджер, социолог, политик, журналист должен хорошо представлять, какой инерцией обладает культура того или иного общества, базирующаяся на определенных принципах обмена. Конечно, нельзя и преувеличивать культурную специфику обществ, считать границы между культурами непроходимыми и отрицать процессы конвергенции культур. Очевидно, однако, что тенденция к конвергенции постоянно присутствовала

на всем протяжении человеческой истории, что не привело к полному исчезновению культурной специфики. Игнорирование этой специфики особенно опасно сейчас, когда от эффективности мирного взаимодействия цивилизации зависит выживание всего человечества.

Предмет данного исследования – влияние культурной традиции обществ и этносов на экономические отношения, прежде всего, отношения обмена и распределения. *Актуальность* исследования обуславливается процессами глобализации рынков, усиливающимися в последние десятилетия. Речь идет не только о розничных и оптовых рынках товаров, но и о рынках рабочей силы. В связи с этим с практической точки зрения очень важным стал ответ на вопрос, подчиняются ли все рынки некоторым универсальным законам, или национальные и этническое культуры накладывают свой неповторимый отпечаток на их функционирование? Попытка ответить на этот вопрос выводит на более широкую постановку проблемы. Какие формы обмена и распределения, помимо рыночных, имели место в истории разных обществ? Как они соотносились друг с другом? Сохраняются ли они в современных культурах, или происходит повсеместное их вытеснение универсальными рыночными схемами, возникшими в Европе и XVIII–XIX веках? От ответов на эти вопросы зависит решение многих практических проблем – стратегии развития рынков в рамках различных культур, принципы управления трудовыми коллективами. Многие исследователи связывают неудачи дорогостоящих программ модернизации стран «второго» и «третьего» мира именно с недоучетом этнокультурного фактора, его способности воспроизводиться на новых технологических уровнях. Вот что пишет по поводу политики администрации Клинтона в отношении России Стивен Коэн, один из наиболее знающих и глубоких исследователей, более 40 лет работавший в СССР и России: «Вся эта политика миссионерства и вмешательства есть почти сплошная ошибка. Она подразумевает, что политическая, экономическая и социальная системы могут быть искусственно имплантированы, причем успешно, в иную, более старую цивилизацию; что мы можем мудро вмешаться в бурлящее противоборство российских идей; и что, в конце концов, Россия будет нам за это благодарна» [50, 105]*.

* В нашей книге принята следующая система ссылок: первое число в квадратных скобках (*выделено курсивом*) указывает на номер источника в списке литературы, далее римскими цифрами обозначается том (если требуется) и арабскими цифрами страница (диапазон страниц – через длинное тире); ссылки на несколько книг отделяются точками с запятой.

Практическая актуальность проблемы обусловила и ее *научную актуальность*. Недаром в течение уже как минимум 150 лет ведутся научные исследования в этих направлениях, количество которых многократно увеличилось в последние годы (подробнее см. главу 8).

В данной работе мы не претендуем на полное освещение сформулированных выше вопросов. *Задачи* настоящего исследования более локальны и состоят в том, чтобы:

- рассмотреть исторические формы обмена и распределения в обществах разного типа;
- выявить взаимодействие культурной традиции (инерции культуры) и принятых форм обмена в различных обществах;
- проследить развитие идей о соотношении культуры и форм обмена.

Таким образом, центральной научной проблемой данного исследования будет проблема единства и многообразия человеческих цивилизаций – одна из главных проблем общественных наук последних 100–150 лет. В применении к нашей теме эта дилемма формулируется следующим образом. Можно ли считать, что в основе всех существующих и существовавших ранее цивилизаций лежат универсальные принципы обмена? Если действительно такие принципы существуют, то сводятся ли они к рыночному обмену? Наконец, если в прошлом между цивилизациями имелись существенные различия в преобладающих принципах обмена, то какими факторами они были вызваны и влияют ли эти различия на их современную культуру? Первостепенное внимание в работе будет уделено проблемам российского общества.

В качестве *источника* мы будем использовать материалы классических антропологических и историко-социологических исследований, а также результаты наиболее популярных в настоящее время работ, посвященных выявлению культурных особенностей различных этносов и цивилизаций. Привлекаются также материалы некоторых исследований, проведенных под руководством и/или при участии автора.

Автор стремился выполнить работу в традициях экономической антропологии. Под «экономической антропологией» («экономической этнологией») понимается раздел социальной (культурной) антропологии, посвященный процессам производства, обмена и распределения в доиндустриальных обществах. Именно в этом значении использовался данный термин с конца 30-х годов XX века, когда он был введен в употребление (см. § 8.3). Термин «социальная антропология» был распространен в основном в британской науке. В Се-

верной Америке то же самое, или, во всяком случае, весьма близкое содержание обозначалось термином «культурная антропология». Развитие общества и науки о нем сделало традиционное понимание предмета социальной и экономической антропологии слишком узким. Во многом это связано с тем, что после II Мировой войны стремительно стал исчезать сам объект исследования – «традиционное» общество и хозяйство. Исследователи 60-х–70-х годов, изучая «незападные» общества, уже практически никогда не могли быть уверенными, что анализируют те самые процессы и отношения, которые имели место в доклассовых и раннеклассовых обществах. Общества, которые изучались в этот период как «традиционные», на самом деле оказывались или результатом деградации более древних и сложных обществ, или плодом взаимодействия «традиционного» и «современного», которое представляют сами исследователи.

Поэтому удержаться в рамках традиционного предмета этой дисциплины не было нашей самоцелью. Актуальность этой дисциплины для современного общества состоит именно в том, что ее результаты теснейшим образом связаны с экономической социологией, экономической историей и некоторыми направлениями менеджмента.

Особенно важен такой подход для российского экономиста, социолога, предпринимателя. В истории XX века, пожалуй, не было ни одного большого общества, которое проходило бы этапы модернизации, перехода от «традиционных» к «современным» отношениям с такой высокой скоростью и со столь большими потерями, как это имело место в условиях российской цивилизации. И одновременно нет цивилизации, которая бы в такой степени, как российская, зависела от межкультурных контактов.

Мы никогда не наладим у себя нормальной экономики, никогда не научимся торговать и зарабатывать деньги, пока не поймем, чем и как определяется специфика нашей экономической культуры, что в ней действительно устарело, а что из ее арсенала требует бережного отношения и развития. Ибо стремление любой ценой стать всем поголовно «человеками экономическими» упирается в вопрос, – а будет ли такая модель поведения превалирующей в человеческом обществе будущего? Или в глубинных тайниках культуры найдутся механизмы, позволяющие более эффективно организовать жизнь, как в локальном, так и в общепланетарном масштабе?

Во многих учебных пособиях значительное внимание уделяется разграничению предметных областей наук, в частности, антропологии, социологии, социальной психологии, экономической науки. Если исходить из сути дела, то важнее что и о чем ты хочешь сказать,

чем то, где провести границу между предметными областями. Недаром большинство классиков социологии широко использовали этнографические данные, а многие из них считаются основоположниками как научной социологии, так и научной антропологии (Маркс, Дюркгейм). Социологи – это те, кто больше внимания уделяет современному им обществу, а антропологи – историческим или межкультурным сравнениям. В лучших работах по социологии широко используют антропологический материал. Так, учебник Э. Гидденса «Социология» столь богат антропологическими данными, что вполне может использоваться как пособие не только по социологии, но и по антропологии.

Социальная (культурная) антропология преподается сегодня не только будущим специалистам по этой дисциплине, но и будущим социологам, менеджерам, экономистам, политологам. Учебная литература по антропологии, этнологии и этнографии, изданная к настоящему времени на русском языке, рассчитана в основном на этнологов и антропологов. Поэтому большинство учебников ориентировано либо на изложение теоретических подходов (теоретическая и историческая антропология), либо на описание народов (этнография). В результате теоретические разделы излагаются без всякой связи с проблемами российского общества. Кроме того, во всех известных нам учебниках отсутствуют разделы по межкультурному общению.

Эта книга написана, прежде всего, для россиян и для тех, кто всерьез интересуется проблемами развития российской цивилизации. Излагая общетеоретические проблемы социальной и экономической антропологии, мы стремились, главным образом, рассмотреть эти проблемы на примере российского и советского опыта. Книга адресована студентам, специализирующимся в области социологии (прежде всего экономической социологии), а также экономики и менеджмента. Она основана на курсе лекций по экономической и социальной антропологии, читавшейся студентам факультета социологии Государственного Университета – Высшей Школы Экономики (1997–2005), а также факультета социологии и социальной антропологии Московского Государственного Университета дизайна и технологий (2002–2005).

1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Для корабля, не знающего своего курса, не бывает попутного ветра.
Сенека

1.1. Определение культуры

Почти все тексты, посвященные определению понятия «культура», начинаются с рассуждения о необычайном разнообразии дефиниций этого термина, заимствованного из классической работы Кребера и Клакхона [135]. Некоторые авторы даже иронизируют, что число определений культуры примерно равно числу социологов и антропологов, пытавшихся дать такое определение.

Однако эта ирония в настоящее время вряд ли оправдана. Если бы теоретическое изучение феномена культуры напоминало строительство Вавилонской башни, то ни о каких позитивных результатах эмпирических исследований не могло быть речи. Однако за последние десятилетия в изучении культур различных обществ достигнуты несомненные успехи. Знания эти широко используются в практических сферах. Очевидно, что многие исследователи (как «теоретики», так и «прикладники») все же нашли общие подходы к определению значения категории «культура» [5; 6].

Наиболее эффективной оказалась модель культуры, основы которой заложил выдающийся английский антрополог польского происхождения, основатель функционализма в антропологии и социологии *Бронислав Каспар Малиновский*. Именно развитие функционального определения позволило исследователям разных стран и школ операционализировать такое сложное и многогранное явление, как культура, успешно выявлять его закономерности и использовать результаты исследований в практических целях.

До работ Малиновского культуру определяли в основном через отличие результатов человеческой деятельности от чисто природных явлений, то есть давали «определение через отрицание». При таком подходе понятие «культура» практически сливалось с понятием «об-

щество». Когда же авторы «дофункционального» периода пытались дать содержательное определение, то, как правило, оно представляло собой набор эпитетов, ассоциируемых у европейца или североамериканца с понятием «культурность». В качестве примера можно привести формулировку Э. Тайлора (E. Tylor), одного из основателей эволюционизма и всей научной антропологии: «С идеальной точки зрения на культуру можно смотреть как на общее усовершенствование человеческого рода путем высшей организации отдельного человека и целого общества с целью одновременного содействия развитию нравственности, силы и счастья человека. Это теоретическое определение цивилизации в немалой степени соответствует действительной цивилизации, какой она выступает при сравнении дикого состояния с варварством и варварства с современной цивилизацией» [98, 36]. Таким образом, с одной стороны, культурные европейцы и североамериканцы, с другой – некультурные или малокультурные «дикари».

Правда, Тайлор тут же оговаривается: «Как в высших, так и в низших слоях человеческой жизни можно встретить примеры того, как следствием успехов культуры редко является одно только полезное и доброе» [98, 38]. Однако это суждение остается всего лишь оговоркой, а не главным принципом методологии изучения культуры. Тайлор, как и большинство ранних антропологов, уверен, что *суть «культур» и «цивилизаций»* (а многие из них не различали эти термины, как и Тайлор в приведенном фрагменте) *это то, что отличает «цивилизированные народы»* (то есть граждан Европы, США и Канады) *от «дикарей»* (основной массы остального человечества).

Подобные определения более-менее удовлетворяли потребности академической среды и читающей публики, которой в диковинку были странные нравы «примитивных» народов, но совершенно не годились, когда от антропологии потребовались конкретные практические рекомендации. Функционалисты были, пожалуй, первыми антропологами, перед которыми их работодатели (в данном случае колониальные власти территорий, подвластных Великобритании) поставили практическую задачу – дать рекомендации по эффективному управлению обществами «аборигенов». И хотя в полной мере эта задача так и не была реализована, тем не менее общепризнано, что именно Б. Малиновский заложил основы действительно научного подхода к изучению культуры.

Приводим его определение в авторской формулировке:

«А. Культура представляет собой, по существу, инструментальный аппарат, благодаря которому человек получает возможность лучше справляться с теми конкретными проблемами, с которыми он стал-

живается в природной среде в процессе удовлетворения своих потребностей.

Б. Это система объектов, видов деятельности и установок, каждая часть которой является средством достижения цели.

В. Это интегральное целое, все части которого находятся во взаимосвязи.

Г. Эти виды деятельности, установки и объекты, организующиеся вокруг жизненно важных задач, образуют такие институты, как семья, клан, локальное сообщество, племя, а также дают начало организованным группам, объединенным экономической кооперацией, политической, правовой и образовательной деятельностью.

Д. С динамической точки зрения, то есть в зависимости от типа деятельности, культура может быть аналитически разделена на ряд аспектов – таких, как образование, социальный контроль, экономика, система знаний, верований и морали, а также различные способы творческого и артистического самовыражения.

Культурный процесс ... всегда предполагает существование людей, связанных друг с другом определенными взаимоотношениями, т. е. определенным образом организованных, определенным образом обращающихся с артефактами и друг с другом при помощи речи или символики какого-либо иного рода. Артефакты, организованные группы и символизм являют собою три тесно связанных измерения культурного процесса» [5, 684].

Об эффективности данного подхода говорит тот факт, что авторы, придерживавшиеся самых разных, зачастую очень далеких от функционализма, подходов к изучению культуры, фактически в той или иной степени воспроизводили и развивали это определение, которое послужило в дальнейшем основой для большого количества теоретических разработок. Приведем примеры лишь нескольких определений, встречающихся в научно-популярной и учебной литературе. «Культура – система ценностей, представлений о жизни, общих для людей, связанных общностью определенного образа жизни». «Такое поведение, особенности которого усвоены всей группой, которое передается от старших поколений потомкам или в какой-то мере воспринимается от других групп людей, называется культурой». Попытку компактного изложения основных итогов теоретических дискуссий по поводу определения сущности культуры предпринял известный американский антрополог Дж. Мердок [5, 49–56], руководитель одного из наиболее значимых проектов, известного в науке как «Этнографический атлас» Мердока. Он выделил 7 основных параметров культуры как социального явления. Наш анализ опирается на подход

Мердока, хотя и дополнен некоторыми характеристиками культуры, не упомянутыми в его работе.

Десятилетия эмпирических и теоретических исследований, напряженных дискуссий значительно продвинули понимание сущности культурных явлений.

Если проанализировать наиболее распространенные подходы к определению культуры, принятые в современной науке, можно выделить следующие составляющие:

Культура – это:

- опыт общества и составляющих его социальных групп, накапливаемый в результате деятельности по удовлетворению потребностей и адаптации к окружающей природной и социальной среде;
- это не любой опыт, а только тот, который становится достоянием всей группы или всего общества. Опыт, которым индивид не поделился с членами своей группы, не входит в состав культуры;
- это опыт, который передается с помощью языка, а не через биологические механизмы (генофонд);
- наконец, лишь тот опыт входит в культурный багаж, который не остается в пределах одного поколения, а передается из поколения в поколение.

Говоря кратко:

Культура – это групповой опыт, который передается из поколения в поколение данной группы посредством второй сигнальной системы (языка).

Основные элементы культуры:

Ценности – разделяемые в обществе (группе) убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться, и основных средств их достижения (терминальные и инструментальные);

Правила поведения, включающие нормы и санкции. Нормы социальные – стандарт (правило), регулирующий поведение в социальной обстановке.

Образцы поведения – устойчивые комплексы поведенческих актов, которые принято демонстрировать в каком-либо обществе в ответ на стандартный отдельный социальный стимул и/или социальную ситуацию.

Знания – представления о свойствах природы и общества и закономерностях, управляющих ими, функционирующие в данном обществе или социальной группе.

Навыки – практические приемы манипулирования природными и социальными объектами, распространенные в данном обществе (группе).

Символы – знаки, в которых связь между ними и отображаемыми ими значениями является условной. К символам каждой конкретной культуры принадлежат различные знаки, позволяющие классифицировать явления природы и общества, а также алфавит письменности.

Артефакты – совокупность предметов, произведенных в рамках какой-либо культуры, и отражающих ее нормы, ценности, содержащиеся в ней знания, достигнутые технологические приемы, и служащие символами данной культуры*.

1.2. Основные свойства культуры

Рассмотрим некоторые важнейшие свойства культуры. В данном параграфе мы в целях экономии места не будем злоупотреблять конкретными примерами, поскольку неоднократно будем обращаться к ним в ходе дальнейшего изложения.

1.2.1. Культура – способ удовлетворения потребностей

Большое значение для определения сущности культуры имеет классификация человеческих потребностей. Сам Б.Малиновский выделял первичные и производные (вторичные) потребности.

Под первичными потребностями он понимал те, которые возникают в обществе в связи с необходимостью физиологического поддержания каждого отдельного индивида и сообщества людей в целом:

- потребность в обмене веществ, то есть в питании (метаболизм);
- потребность в воспроизводстве популяции, выражающаяся на индивидуальном уровне в сексуальном влечении;
- потребность в поддержании оптимального температурного режима;
- потребность в защите от вредных климатических воздействий (сырости, ветра, и т. д.), а также от животных и других людей;
- потребность в периодическом отдыхе;
- потребность в периодическом тренинге мышечной и нервной систем, то есть недопущения их длительного бездействия или «недогрузки»;
- потребность в обеспечении развития человека в соответствии с его индивидуальными особенностями [5, 698–701].

* Отметим, что в ряде естественных наук под *артефактом* понимается «искусственный» факт, выходящий за рамки закономерного течения событий, например, фальсифицированный или ошибочный результат эксперимента. – *Прим. ред.*

Производные потребности возникают одновременно с возникновением человеческого общества и базируются на первичных потребностях. Например, первичная потребность в сексуальном общении дополняется производными потребностями, которые удовлетворяются институтами ухаживания, многочисленными сексуальными табу, институтом брака. Потребность в безопасности реализуется через сложную систему вторичных потребностей, удовлетворяющихся с помощью политических институтов. У Малиновского вторичные потребности не второстепенны по отношению к первичным, поскольку они необходимая форма проявления первичных в сложном обществе; человек, если он действительно человек, не может удовлетворять потребность в пище, как и другие потребности, вне социальных институтов, то есть вне культуры.

Идеи Малиновского получили затем развитие в работах Абрахама Маслоу, американского социального философа, который выдвинул концепцию иерархии человеческих потребностей, заметно отличающуюся от подхода Малиновского. Б. Малиновский не ставил вопроса о приоритете одних потребностей над другими – все первичные потребности важны в одинаковой степени. В отличие от этого, А. Маслоу выделял три уровня потребностей – базовые физиологические, психологические и потребности в самореализации. Потребности более высокого уровня не могут играть в обществе значительной роли, пока не удовлетворены более фундаментальные базовые потребности.

Исследования европейской школы социальной психологии (Г.Таджфел) показали, что к фундаментальным потребностям человека относится потребность в самоидентификации, то есть принадлежности к социальной группе. Таджфелу и его коллегам на базе многочисленных эмпирических исследований (как лабораторных, так и «натурных») удалось показать, что стремление человека принадлежать к какой-либо группе и «внутригрупповой фаворитизм» (поддержка членов своей группы) возникают даже тогда, когда это само по себе не приносит непосредственной пользы индивиду [115, 258–273].

Дискуссии, ведущиеся в последние годы вокруг концепции человеческих потребностей, касаются следующих вопросов:

- можно ли выделить минимальный набор потребностей, удовлетворение которых составляет фундаментальное условие существования любого общества, и если «да», то какие потребности (в качественном и количественном отношении) входят в этот набор;
- в какой степени потребности, формируемые СМИ у граждан современных обществ, можно считать естественными потребностями

ми, а в какой – искусственными феноменами массовой психологии, создаваемыми в интересах производящих компаний [26, 67]?

Теория человеческих потребностей – один из краеугольных камней не только теории культуры, но и всей современной социологии и антропологии. Приходится с сожалением констатировать, что дискуссии по этому вопросу носят зачастую преимущественно идеологический характер, добавляя мало новых фактов к позитивному осмыслению проблемы.

1.2.2. Культура социальна. Общество и культура

Культура всегда принадлежит определенной социальной общности (группе, обществу, этносу и т. д.). Нельзя понять культуру, не изучив данной общности. Любые изменения границ социальной общности, ее структуры ведут к изменению культуры, и наоборот.

Культура как целостное явление принадлежит наиболее крупным социальным группам, называемым «обществами».

Культура – свойство общества в целом. Любая группа, входящая в общество, обладает лишь частью культуры. Поэтому, строго говоря, культура отдельной социальной группы должна называться субкультурой. Однако для краткости часто говорят о культуре отдельных социальных групп.

Например, группа студентов вместе с преподавателем образуют социальную группу. У этой группы есть собственный опыт, принадлежащий только ей. Этот опыт может сохраняться даже при изменении ее состава (самых студентов или преподавателя), и поэтому он образует основу *субкультуры* данной группы. Однако основная часть культурных норм, управляющих этой группой, принадлежит обществу, частью которого она является. Социальные группы создаются людьми в конечном итоге для того, чтобы обеспечить выживание, удовлетворить ряд базовых биологических и социальных потребностей и по возможности удовлетворить их наилучшим способом.

Общество – объединение людей, имеющее определенные географические границы, общую законодательную систему и определенную национальную (социально-культурную) идентичность.

Наиболее полное и подробное определение общества дано американским социологом Эдуардом Шиллзом. В этом определении можно выделить 4 основных компонента:

1. Демографический – общество, это большая группа людей (не менее нескольких сотен человек), которая обеспечивает свое собственное воспроизводство, то есть включает в себя как мужчин, так и женщин, вступающих в браки преимущественно в пределах данной

общности (эндогамия), причем дети от этих браков также являются членами данного общества; длительность существования этой общности должна существенно превышать длительность человеческой жизни, то есть составлять не менее 150–200 лет.

2. Географический – группа, составляющая общество, занимает определенную территорию, имеющую собственную четкую территориальную границу (политическую или географическую); представители данной группы должны составлять абсолютное большинство среди постоянного населения этой территории.

3. Нормативный – группа должна обладать собственной системой управления и системой социальных норм, в значительной степени независимой по отношению к другим аналогичным системам или более широким сообществам.

4. Социально-культурный – общность должна обладать собственной культурой, осознаваемой ее членами как общая культура всего населения; у нее должен быть общий разговорный язык (что не исключает наличия локальных языков и диалектов); члены общности должны иметь самосознание своей групповой идентичности, неотъемлемой частью которой является исторический миф (в научном смысле слова), трактующий события, связанные с формированием и развитием данной общности.

Структура культуры и структура общества, которому она принадлежит, тесно взаимосвязаны. Поэтому при раскрытии содержания этих понятий используются одни и те же категории (роль, норма, ценности и т. д.). Быстрые и кардинальные изменения в структуре и составе общества неизбежно ведут к изменению его культуры. Утрата обществом качеств, перечисленных в приведенном выше определении, сопровождается распадом культуры как целого. И, наоборот, распад культуры ведет к распаду общества.

Почему же именно общество является носителем целостного комплекса культуры? Почему в строгом смысле слова нельзя говорить о целостном автономном культурном комплексе таких социальных групп, как класс, страта, политическая партия, население территориально-административной единицы (области, города)?

Прежде всего, потому, что ни одна из перечисленных групп не обеспечивает полного цикла удовлетворения потребностей индивидов и групп, входящих в их состав. Население города, многие социальные классы и тем более совокупность политических единомышленников, составляющих партию, не могут обеспечить себя продовольствием без участия других социальных групп. Население области не может быть гарантировано от вооруженного вторжения без

участия всего государства. Многие большие социальные группы в современном обществе не могут обеспечить демографического и культурного воспроизводства, и тем более гарантировать соблюдение определенного нормативного порядка в своей среде. Полноту удовлетворения этих потребностей гарантирует именно общество как целое.

По мере роста населения Земли, усложнения и развития технологий, развития потребностей, численность таких групп возрастала, усложнялась их структура. На самых ранних этапах существования человечества коллектив, который позволял бы решать эти задачи, составлял несколько соседних *очажных групп* и образовывал племя, которое и было примитивной формой общества. Численность первобытных племен, внутри которых осуществлялся весь жизненный цикл, редко превышала несколько десятков, иногда – сотен человек.

Особую роль в сохранении культуры играет такая социальная общность, как *этнос*. Поэтому он выделяется в качестве специального объекта в антропологии.

Даже самые устойчивые и замкнутые общества рано или поздно распадаются или меняют свои границы; резко меняется состав граждан – вливаются новые миграционные потоки, происходит эмиграция, разделение некогда единого общества или, наоборот, объединение некогда самостоятельных обществ. Все эти изменения приводят к формированию *этносов* – больших социальных категорий, групп или квазигрупп, представители которых не обязательно образуют целостное общество (то есть, эта категория, как правило, не обладает всеми свойствами общества). Например, этнос не обязательно занимает компактную территорию или обладает политическим суверенитетом. В то же время культурные и демографические характеристики этноса соответствуют характеристикам общества. Этнос может быть частью какого-либо общества или входить в состав нескольких обществ. Очень часто он образует основу какого-либо общества, включающего в себя, наряду с ним, относительно малочисленные этнические группы («меньшинства»).

Не менее важным проявлением социального характера культуры является то, что она *организует* социальную группу (в том числе и такую большую социальную группу, как общество). Хорошо известно, что для уничтожения какой-либо социальной общности совсем не обязательно прибегать к геноциду. Достаточно разрушить базовые ценности и особенно символы – идентификаторы, вывести их из коллективной памяти. Конечно, такая «операция» далеко не всегда проходит успешно, и ее результаты во многом зависят от реакции самой общности, над которой она производится.

1.2.3. Культура формируется и поддерживается с помощью языка

Культура передается посредством научения, то есть это тот опыт группы, который закрепляется не на уровне генофонда, а посредством языка. Язык как совокупность символов, обеспечивающих накопление и передачу культурных ценностей, всегда в той или иной степени отражает основные свойства данной конкретной культуры, носителем которой он является.

Групповой опыт может накапливаться и передаваться из поколения в поколение не только посредством языка, но и через биологические механизмы, через генофонд.

Например, расовые признаки есть результат накопления группами опыта на биологическом (генетическом) уровне. У отдельных человеческих популяций вырабатываются ферменты, повышающие сопротивляемость организма к определенным видам наркотиков или ядов. И расовые признаки, и устойчивость к различного рода наркотикам тесно связаны с элементами культуры популяций, в которых они проявляются, но сами по себе в культуру не входят.

В чем же состоит принципиальная разница в характере закрепления и передачи информации между генетическим кодом и языком?

Культура и язык – то, что отличает человека от животного мира, – значительно более гибкие и способные к перестройке коды по сравнению с генетическими кодами, и именно за счет этого они значительно увеличивают адаптивность человеческих сообществ по сравнению с сообществами животных. Генетический код жесткий. Культура значительно более вариабельна и позволяет социальным системам быстрее и эффективнее адаптироваться к изменяющимся условиям, не меняя генетического кода.

Генотип, закрепляющий индивидуальные особенности организма и приемы группового поведения сообщества животных, меняется чрезвычайно медленно – для его существенного изменения требуется смена многих поколений. Поэтому сообщество животных, столкнувшись с резким изменением среды своего обитания, вынуждено либо мигрировать туда, где эти условия близки к тем, к которым приспособлен их организм и групповые формы поведения, либо вымереть. Некоторые популяции выживают за счет мутаций. Но это касается лишь небольшой части популяций и лишь в том случае, если произошедшие изменения не слишком радикальны.

Человеческие сообщества, приспособляемость которых в меньшей степени определяется генетическими особенностями организма и набором генов в популяции, способны изменять свою «групповую

память» (культуру) гораздо быстрее, то есть они способны остаться на прежнем месте обитания, приспособившись к новым условиям. Более того, они способны менять эту среду, приспособлявая ее не только к своим физиологическим особенностям, но и к требованиям своей культуры. Эту способность человеческим сообществам придает именно язык.

Рассмотрим более подробно, что такое язык.

Между индивидами, входящими в любое сообщество (людей либо животных), существует взаимодействие. Взаимодействие в любой сложной системе, в том числе и в сообществах живых организмов, имеет две стороны: энергетическую и информационную. Любой контакт между живыми организмами есть одновременно контакт энергетический (то есть, связанный с непосредственной передачей энергии) и информационный. Любое взаимодействие включает в себя обмен информацией, или коммуникацию.

Коммуникация – это процесс передачи информации от отправителя к получателю.

Отправитель, цель которого заключается в том, чтобы оказать на получателя определенное воздействие, передает то или иное сообщение с помощью определенного кода.

Чем же отличаются информационные контакты (сообщения) от энергетических?

Прежде всего, тем, что в энергетических контактах два или более существ непосредственно взаимодействуют друг с другом, в то время как информационные контакты (сообщения) основываются на том, что посредником между ними оказывается знак, или система знаков.

Знак – это некоторое физическое тело, звук или изображение, заменяющее собой какой-либо предмет или явление, о котором идет речь в сообщении. Например, я посылаю свою визитную карточку тому человеку, которого хочу навестить. В данном случае карточка – это предмет, который является знаком меня как индивида, то есть на определенном этапе заменяет меня самого в процессе общения.

Когда пес метит столб, остающийся запах является знаком пса, и в определенных ситуациях информирует других собак о том, кто здесь был, какого он возраста и роста и т. д.

Знаковые системы, используемые животными и людьми, заметно отличаются друг от друга.

Самые простые знаковые системы основаны на том, что знаки информируют партнеров по контактам о физиологическом состоянии организма, то есть знаки представляют каждого из участников контактов, и только. Именно такие знаковые системы действуют у жи-

вотных. Сохраняются они и у человека, хотя и теряют свое главенствующее значение.

Более сложные знаковые системы, возникающие у высших животных, позволяют в процессе контактов передавать информацию не только о собственном состоянии, но и о каких-либо «третьих» предметах, существах, которые важны для участников контакта.

Человеческая речь принципиально отличается от знаковых систем, используемых животными. Человек с помощью системы символов может передавать информацию о взаимосвязях между предметами «внешнего» по отношению к участникам контакта мира.

Символ – это такой знак, который не связан непосредственной физической связью с обозначаемым им предметом или явлением.

Вспомним, например, сцену на птичьем дворе из знаменитой сказки Г.Х. Андерсена «Гадкий утенок», в которой «население» птичьего двора обсуждает странности внешнего вида и поведения маленького лебедя.

Что в этой сцене является нереальным, фантастическим? То, что птицы общаются друг с другом с помощью звуков? Но любой, кто имел дело с животными, прекрасно знает: общаются, да еще как! В том числе и представители разных видов. То, что они с помощью своего «языка» передают друг другу информацию о появлении в их кругу чуждого им существа и о необходимости изгнания его? Достаточно прочесть любую популярную книжку по этологии – науке о поведении животных, – чтобы убедиться – и это не исключение, а обычная практика среди всех животных сообществ.

А фантастична в этой сцене лишь одна деталь – что птицы *собирают сплетни*, то есть обсуждают между собой взаимоотношения третьих лиц, которые к говорящим прямого отношения не имеют. От кого ребенок у утки? Реальных животных это не интересует. А вот человека интересует. У него есть возможность обсуждать подобные вопросы, потому что у него есть язык – система символов, не связанных никакой непосредственной физической связью с предметами, которые они обозначают. В развитом языке связанное или написанное слово (например, «пылесос») физически никак не связано с реальным пылесосом, в то время как «метка», оставляемая псом на столбе, очень даже конкретно связана именно с данным псом.

Кроме того, человек использует множество знаковых систем, дополняющих друг друга. Это только кажется, что люди, как правило, разговаривают на одном языке. На самом деле, мы общаемся друг с другом на многих языках одновременно, даже если владеем лишь одним разговорным («речевым») языком. К таким «языкам» относят-

ся: язык жестов; язык одежды; язык «мушек» – наклеек на лице, имитирующих родинки; язык татуировок и т. д. (см. подробнее § 6.4).

Человек отличается от животных, прежде всего, тем, что он создал язык, вернее, множество языков, включающих в себя систему символов, физически никак не связанных с реальными предметами, которые эти символы обозначают, а также правила «работы» с этими абстрактными символами.

Сейчас уже экспериментально доказано, что высшие приматы могут изготавливать простейшие орудия труда. Более того, они могут их «запасать» и использовать вторично; могут они и обучить на конкретных примерах других членов своей группы – показать им, как они это делают.

Но приматы, в отличие от людей, не могут двух вещей:

– рассказать своему сородичу, как сделать палку-копалку, или каменное рубило, если его собственный «экспериментальный образец» оказался потерянным, а ничего подходящего для демонстрации технологических приемов его изготовления под рукой нет;

– объяснить (да и понять), что один и тот же технологический прием, который был использован для добычи банана с дерева (удлинение конечности с помощью палки), может использоваться и при ловле рыбы, и при обороне от врагов. Для этого необходимо, чтобы конкретная палка в межгрупповом общении была заменена абстрактным знаком-символом палки, относительно которой вечером у костра можно обсудить разные способы ее использования, то есть необходим язык.

Человек – существо физически слабое и по сравнению со многими другими животными было мало приспособлено к выживанию в агрессивной среде. Поэтому даже на самых ранних этапах развития люди стремились держаться группами, примерно как современные обезьяны-приматы – шимпанзе, орангутаны, гориллы. Такая группа могла складываться вокруг старшего мужчины или вокруг старшей женщины и включала обычно 5–8 человек.

И язык был нужен человеку в том числе и для того, чтобы поддерживать существование своей группы:

– во-первых, общаться, передавая важные сообщения;

– во-вторых, отличать членов своей группы;

– в-третьих, различать другие такие же группы, живущие или косящиеся по соседству.

Для последних двух целей использовался не только разговорный язык, но и другие символические системы: татуировки, украшения, формы одежды и т. д.

Уже на самых ранних этапах развития человечества сложилась форма объединения людей, называемая сейчас «социальной группой». Люди, образующие какую-то социальную группу, постоянно обмениваются сообщениями и как-либо реагируют на эти сообщения. Их действия в процессе общения мы и будем называть «поведением».

Знаки используются для двух целей: во-первых, обозначать какие-либо предметы или явления; во-вторых, передавать информацию, сообщения об этих предметах или явлениях другим индивидам.

Символ – это знак, в котором связь между ним и значением является в большей степени условной, чем естественной.

Опыт группы фиксируется не только в содержании передаваемых сообщений, но и в структуре языка. Давно замечено, что одни и те же явления в разных языках отражаются совершенно по-разному. В языках народов, использующих верблюдов в качестве средства передвижения, есть несколько десятков терминов для обозначения верблюда. Народы, живущие на побережье Северного Ледовитого Океана, используют множество понятий для обозначения оттенков белого цвета (цвета снега), а живущие в лесах Амазонии – зеленого цвета (цвета листвы). Для успешной жизнедеятельности этих народов умение различать оттенки снега, тундры или сельвы представляется чрезвычайно важным. Для большинства европейцев – лист – просто зеленый, снег – просто белый, а верблюд... – он и есть верблюд.

Верно и обратное утверждение – в языках этих народов отсутствуют многие понятия, кажущиеся естественными для европейца.

То же самое относится и к понятиям, отражающим социальные отношения. Например, в языках народов, у которых продолжают иметь значение традиционные (классификационные) системы родства, обозначение многих родственников заметно отличается от того, к чему мы привыкли в европейских языках.

Таким образом, разные языки по-разному классифицируют окружающий мир. Эти различия обусловлены различиями в культуре народов, то есть, в конечном счете, особенностями их исторического опыта, закрепленного в языке.

Поскольку опыт всех народов (и всех культур) неизбежно различается, постольку одной из главных проблем практической антропологии является эффективность повседневного (в том числе и делового) общения представителей разных культур, которая весьма существенна даже тогда, когда люди говорят на одном языке-посреднике. При межкультурном общении, как правило, хотя бы для одного из говорящих (а часто и для обоих) язык-посредник не яв-

ляется родным. А в этом случае говорящий обычно подсознательно «навязывает» этому языку нормы, системы классификации своего родного языка, что вызывает трудности коммуникаций.

Другой аспект взаимосвязи культуры и языка – *зависимость размеров и структуры общества, характера культурных процессов в нем от организации каналов языкового общения*. С этой точки зрения можно выделить 4 этапа развития языка как средства коммуникации:

- 1) возникновение устной речи;
- 2) создание письменности;
- 3) возникновение книгопечатания;
- 4) формирование современной системы средств массовой информации.

Каждое из перечисленных событий, связанных с языком, вызывало коренную перестройку всей системы накопления и трансмиссии информации в обществе и соответственно меняло механизмы функционирования культуры.

Любое эпохальное изменение системы хранения и передачи информации в обществе вызывает глубокие изменения в культурных процессах. Ведь культура сама по себе есть ни что иное, как информация, соответствующим образом закодированная, отфильтрованная и передающаяся по различным каналам в рамках данной общности.

В ранних человеческих общностях процессы формирования культуры опирались на устную традицию. Базовые элементы культуры должны были передаваться в неизменном виде – иначе социальная группа просто не могла существовать. Древние мифы и эпические сказания исполняли именно эту функцию – они должны были передавать из поколения в поколение некоторый фиксированный опыт всего сообщества. Поэтому древние сказания запоминались дословно, по крайней мере, в основных блоках. Для облегчения запоминания и гарантии идентичности воспроизводимых в поколениях текстов необходимы были мнемонические приемы. Существует гипотеза, что первоначально поэтическая форма эпоса была ни чем иным, как способом запоминания текстов в их канонической редакции.

Выполнение этой функции возлагалось на специальные группы – поэтов ашугов, скальдов. Таким образом, сама по себе необходимость сохранения культуры влияла на социальную структуру общества.

Устная традиция, однако, содержала в себе подводные камни. Она не позволяла создавать достаточно многочисленные коллективы на больших территориях. Формировались новые племена, они добавляли новые тексты, изменяли старые. Фольклористам хорошо

известно, что сказки, мифы, предания многих народов, живущих на расстоянии сотен и тысяч километров друг от друга, часто имеют в основе один и тот же мифологический комплекс. Но выявить это могут только специалисты. Рядовой член этноса и даже поэт-профессионал могут об этом даже не догадаться, настолько мифы двух удаленных народов будут различаться внешне.

Появление письменности создавало совершенно новые условия для поддержания групповой идентичности, а также накопления и осмысления группового опыта, составляющего основу культуры. Появилась возможность не запоминать текст, а фиксировать его на папирусе, глине, камне, бумаге. Это, в свою очередь, позволило сохранять культурную идентичность группам, попавшим в самые различные социальные и природные условия. Хороший пример тому – евреи, поддерживающие идентичность в диаспоре в течение почти двух тысяч лет.

Рукописные тексты, существовавшие, как правило, в одном, реже – в нескольких экземплярах были доступны лишь узкому кругу «просвещенных». К тому же рукописное копирование неизбежно приводило к большому числу ошибок, а часто и намеренных искажений первоначальных текстов.

Книгопечатание позволяло:

- 1) воспроизводить идентичный текст в большом количестве экземпляров и в течение длительного времени;
- 2) получить доступ к «начальным текстам» большому числу рядовых членов общества что было результатом распространения грамотности и значительного удешевления книг.

Данный факт сильно повлиял и на механизмы функционирования культуры, и на социальную структуру общества. Широкие слои населения получили возможность непосредственного приобщения к тем слоям культуры (как идеологии, так и технологии), которые раньше были доступны только избранным. Вследствие этого значительно уменьшилась социальная роль «хранителей истины»; стали формироваться слои «образованной публики», то есть людей не только способных, но и заинтересованных в развитии культуры.

Новый этап в развитии культуры связан с возникновением системы средств массовой информации. Строго говоря, он начался с возникновения массового и относительно дешевого книгопечатания, с развитием массовой грамотности. Но расцвет его, качественно новая стадия, несомненно, приходится на период, когда телевизор стал предметом повседневного быта для абсолютного большинства человечества.

Общий итог двух последних стадий состоял, прежде всего, в том, что размеры общества, которое в принципе может разделять единую систему культурных ценностей, значительно выросли. На устной традиции может базироваться общество численностью в несколько десятков тысяч, может быть – сотен тысяч человек. Возникновение письменности дает возможность поддерживать культурную традицию и сохранять идентичность в обществах численностью в миллионы человек. Книгопечатание позволяет создавать общества, включающие десятки и даже сотни миллионов человек. Наконец, развитие современных средств массовой информации ставит вопрос о возникновении глобального общества, культура которого охватывает все человечество. Другое дело, что реализация этой возможности – это тема специального разговора, и в настоящее время далеко не очевидно, что такая возможность должна превратиться в реальность.

1.2.4. Обратная связь как механизм функционирования культуры

Поскольку культура является накопленным и передаваемым из поколения в поколение групповым опытом, она базируется на коммуникативных связях между индивидами и группами, входящими в общество, а также между различными обществами.

Важнейшим элементом коммуникации является обратная связь.

Элементами процесса коммуникации являются источник и приемник информации (индивиды и группы, составляющие общество, или само общество и факторы внешней среды), само послание, канал его трансляции, а также кодирующее и декодирующее устройства. Любой реальный процесс коммуникации находится под влиянием шумов, то есть неупорядоченных сообщений, воздействующих на процесс коммуникации. Наконец, как при передаче, так и при приеме сообщения источник и приемник информации сознательно или бессознательно учитывают контекст, в котором происходит передача сообщения, то есть обстоятельства, не входящие непосредственно в содержание сообщения, но влияющие на его восприятие. Например, сообщение о том, что у вас расстегнулась пуговица на рубашке, должно быть передано совсем по-разному, в зависимости от того находитесь ли вы в дружеской компании или на официальном приеме.

Сообщение имеет значение не само по себе, а лишь с учетом того, как на него реагирует получатель, то есть с учетом обратной связи. Собственно, культура есть не что иное, как система устойчивых обратных связей в обществе, то есть ожидаемых реакций на определенным образом закодированные сообщения. В ответ на каждое «сообщение», которое может выражаться через разговорный язык или лю-

бую другую знаковую систему, используемую в данном обществе, получатель отвечает встречным сообщением. Отсутствие какой-либо реакции также является сообщением. Таким образом, осуществляется механизм обратной связи.

Представим себе, что на Ваше приглашение сходить в кино Ваша подруга один раз согласится, в другой раз бросит трубку, третий раз согласится, но не явится на встречу, а в четвертый – явится на нее, но со своим новым другом, а затем позвонит Вам и устроит сцену, потому что Вы ее совсем забыли. Вряд ли Вы захотите долго встречаться с такой девушкой, и ваша маленькая группа распадется. Любая социальная группа, как и общество в целом, может существовать лишь тогда, когда реакция на каждое «сообщение» находится в каких-то определенных рамках, то есть когда отправитель сообщения примерно ожидает, какие могут быть реакции и что именно означает каждая из них. Степень «предсказуемости» реакции в рамках какой-либо группы является одним из главных показателей развития культуры этой группы.

Принцип обратной связи действует при формировании культуры не только на микро-, но и на макроуровне. Наиболее последовательно этот принцип сформулировал английский историк А. Тойнби как «исторический вызов цивилизации» (см. п. 8.2.5). В соответствии с принципом культурной инерции, любое общество стремится сохранить основные принципы своей культуры в неизменном виде до тех пор, пока внешние обстоятельства не вынуждают кардинально изменить эти принципы. Совокупность этих внешних обстоятельств и является «историческим вызовом». Цивилизация, которая сумеет привести свои культурные нормы в соответствие с внешними условиями, выживает и продолжает функционировать на мировой арене. Цивилизация, не сумевшая это сделать, неизбежно исчезает как культурная целостность. Отметим, что это исчезновение совсем не обязательно означает физическое уничтожение индивидов и групп, составляющих цивилизацию. Исчезает система норм и ценностей, а также ряд ключевых социальных институтов, составляющих основу общества; сохранившиеся институты полностью или частично переориентируют свою деятельность в соответствии с новой системой норм и ценностей.

1.2.5. Культура отражает общественные идеалы

Культура – это не *реальное* (в том числе и модальное) поведение, демонстрируемое членами данного сообщества, а представление о том, как *должен вести* себя человек, принадлежащий к сообществу, в определенных стандартных ситуациях.

Одна из типичных ошибок массового сознания, нередко поддерживаемого исследованиями и учебниками по антропологии, социологии, культурологии, состоит в том, что норма поведения, признаваемая в данном сообществе, воспринимается, как правило, соблюдаемое всеми его членами без исключения и в любых ситуациях. Однако это не так.

Например, коллективистский характер культуры не означает, что каждый индивид в каждой ситуации ведет себя исключительно как «коллективист». Во-первых, его коллективизм проявляется только по отношению к представителям своей культуры и только в ситуациях, определенных в данной культуре. Во-вторых, и внутри каждого общества или этноса люди могут очень заметно различаться по уровню «коллективизма».

Чтобы различать общекультурные требования коллективизма и склонность к коллективизму как индивидуальное качество, используется специальная шкала – «идиоцентризм–оллоцентризм» – характеристики индивидуального уровня индивидуализма – коллективизма [53, 36–39].

Коллективизм как свойство культуры обозначает лишь то, что в рамках данной культуры считается правильным (социально одобряемым) в определенных ситуациях ставить интересы какой-либо социальной группы (семьи, клана, сословия, профессионального объединения, политической партии, государства) выше своих личных интересов. Естественно, что в разных культурах порядок предпочтения групп заметно различается, и представители двух «коллективистских» культур могут просто не понять друг друга, столкнувшись в ситуации, где от каждого из них потребуется проявить свой коллективизм.

1.2.6. Культура есть результат адаптации общества к окружающей среде

Культура формируется на основе отбора определенных образцов поведения и опыта, закрепления их в языке.

Любое индивидуальное и/или коллективное поведение есть всегда процесс приспособления к окружающей социальной и природной среде. Каждый акт поведения (индивидуальный или коллективный) всегда происходит в определенной ситуации и в значительной степени обусловлен ею. Столкнувшись с новой, незнакомой ситуацией люди, принадлежащие к одной и той же культуре, могут повести себя очень по-разному. Какие-то из этих поведенческих актов (индивидуальных или групповых) приводят к успеху (выживанию группы,

достижению какой-либо важной цели), какие-то – к неудаче. Удачные акты, если они закрепляются в групповой памяти, становятся образцами поведения («behavior patterns»). Если данное сообщество устойчиво и в нем существуют надежные информационные каналы, способные передавать опыт от одной подгруппы к другой (например, между родовыми поселениями, территориальными общинами или отдельными предприятиями народнохозяйственного комплекса), тогда эти образцы поведения обобщаются, общественное сознание формулирует нормы, ими управляющие, на основе норм «выкристаллизовываются» ценности.

Культура есть результат адаптации группы к трем типам условий:

- к природной среде;
- к социальной среде (окружающим группам);
- к внутригрупповым отношениям (конфликтам).

Изменения происходят в культуре как в результате адаптации ее группы-носителя к изменяющимся внутренним и внешним условиям (климатические процессы, уменьшение плодородия почв, завоевания, увеличение численности населения), так и за счет заимствований из других культур.

Большинство современных исследователей признает, что важнейшую роль в изменении основных характеристик культуры играют процессы самостоятельной адаптации данной культуры. Заимствования из других культур могут эффективно «вписаться» в систему культуры лишь тогда, когда они соответствуют потребностям в изменении, четко оформившимся в «принимающей» культуре и находят место в системе ее ценностей. Например, никакие прогрессивные и эффективные агротехнологии не могут быть восприняты в относительно отсталой земледельческой культуре, пока в ней самой, в силу экологического кризиса или других причин, не возникнет потребность в выработке таких приемов. Китайские крестьяне в начале XX века наотрез отказывались использовать на своих рисовых полях механические насосы, предпочитая традиционные «колесные» черпалки, так как данная техническая модернизация разрушала всю веками отработанную систему ведения хозяйства.

Исключение из этого правила составляют лишь распадающиеся культуры, переставшие соответствовать новым обстоятельствам. В этом случае элементы других культур полностью или почти полностью замещают собой «традиционные» ценности.

В классическом эволюционизме предполагалось, что изменение содержания культур происходит постепенно, посредством медленной непрерывной замены отдельных элементов, перестройки институтов

(см. п. 8.2.1). Однако исторический опыт доказал справедливость гипотезы о прерывности, скачкообразности этого процесса.

В целом нам представляется наиболее адекватной трактовка социальных изменений классическим марксизмом. В рамках этой концепции не отрицается постепенное накопление мелких изменений в культуре. При этом, однако, предполагается, что сами по себе такие изменения не ведут к коренному изменению типа культуры. Накапливаясь, они вызывают формирование в рамках единой культуры как минимум двух различных, а затем и во многом противоположных культурных систем. Соответственно в рамках единого общества формируются противостоящие друг другу социальные группы, являющиеся носителями этих культурных систем. На наш взгляд, поляризация культурных систем и поляризация социальных групп – не обязательно одновременные процессы. *Контркультура* может долгое время существовать в скрытом состоянии, будучи дисперсно распределенной, как бы рассеянной во всем обществе. Но рано или поздно она неизбежно сформирует свою группу-носителя и превратится в полноценную контркультуру.

Борьба двух противоположных субкультур в рамках единой культуры приводит в конечном итоге к возникновению новой культуры, более соответствующей исторической ситуации, чем старая доминантная культура.

Единственное, что вызывает сомнение в классической марксистской трактовке диалектики культурного процесса – это то, что, согласно ей, «противоборствующими субкультурами» в обществе всегда являются социальные классы (в ленинском их определении). Например, приведенная схема хорошо описывает культурную и социальную революцию, произошедшую в СССР в 90-х годах XX века. Между тем никакого противостояния классов как носителей противоборствующих культур не было.

Культура какой-либо социальной общности (общества, этноса), возникнув однажды как целостный комплекс, начинает воспроизводиться из поколения в поколение, часто вопреки меняющимся природным и социальным условиям ее жизнедеятельности. В этом выражается важнейшее свойство культуры – она устойчива, или *инерционна*.

Причина относительной устойчивости культуры, ее инерционности, коренится в самой человеческой психике. Как отдельный индивид, так и сообщество индивидов не могут с произвольно высокой скоростью реагировать на внешние стимулы. Это обусловлено, во-первых, тем, что человеческая психика способна в единицу времени реагировать лишь на ограниченное число стимулов. Во-вторых,

различная реакция индивидов, составляющих социальную общность, на одни и те же социальные стимулы и непредсказуемость этих реакций делает невозможным существование социальных общностей. А потребность чувствовать свою принадлежность к социальной общности (потребность солидарности) является, как уже говорилось выше, одной из фундаментальных для человека.

Другим основанием устойчивости культуры является ее системность. Свойством системности обладает культура самостоятельного общества. Принцип системности как фундаментального свойства культуры целостного общества впервые четко сформулировал Б. Малиновский. Системность означает, прежде всего, целостность культуры, то есть тот факт, что любая культура как целое обладает свойствами, не сводимыми к сумме отдельных ее элементов. Таким свойством является ее устойчивость как целого к изменению как отдельных ее элементов, так и внешних условий ее функционирования.

Системность культуры базируется на том, что основные элементы культуры образуют структуру, то есть взаимосвязаны и взаимообусловлены. Наличие структуры сводится к двум основным принципам:

- каждый элемент культуры связан с каждым другим;

- изменение любого существенного элемента культуры неизбежно влечет за собой изменение всех других элементов культуры.

Эти абстрактные принципы на самом деле описывают очень простой и понятный принцип, хорошо известный всем антропологам. Представим себе общество земледельцев, обрабатывающих землю с помощью примитивной мотыги. Совокупность технологических приемов обработки почвы образует определенный сегмент данной культуры. Низкая производительность труда и зависимость от природных условий требуют согласованной работы достаточно больших коллективов людей, связанных определенными признаваемыми всем обществом отношениями. Такими отношениями, в отсутствие юридических институтов, могут быть только связи родства. Следовательно, в основе социальной структуры такого общества должны лежать довольно многочисленные группы родственников, называемые кланами. Система классификации кланов и терминология родства образуют другой сегмент культуры, обусловленный в конечном итоге уровнем и характером производства.

В условиях бесписьменного общества необходима какая-то информационная система, которая позволяла бы воспроизводить клановую структуру из поколения в поколение. Это особенно важно, если за каждым кланом закрепляется определенный участок земли, так как отсутствие подобной системы неизбежно будет вести к конф-

ликам по поводу права на распоряжение угодьями. Такой информационной системой становится мифология, образующая еще один сегмент культуры. Каждый клан имеет свой тотем – обычно это какое-либо животное, имя которого присваивается всему клану. В мифах в иносказательной форме взаимоотношений между разными животными отражается история взаимодействия кланов в течение многих поколений.

Таким образом, *три сегмента культуры – технология, система родственных отношений и мифология* – оказываются тесно связанными друг с другом. Невозможно изменить один элемент, не нарушив равновесия и не вызвав изменения других.

Эта тесная взаимообусловленность является важнейшим фактором устойчивости культуры, так как общество – носитель культуры – будет более активно сопротивляться изменению всего образа жизни, чем если бы речь шла об изменении отдельных его элементов.

Конечно, устойчивость культуры не абсолютна. Если изменения условий функционирования общества переходят определенный критический рубеж, то неизбежно меняется и его культура, либо это общество просто гибнет. Однако, как показывает исторический опыт, «запас прочности» многих культур весьма велик.

Понятие «системность культуры» относится только к целостному культурному комплексу, то есть к культуре общества. Субкультура, то есть культура отдельно взятой группы, не обладает свойством системности в полной мере именно потому, что многие ее элементы представляют более широкие социальные общности и не обязательно меняются вместе с изменением отдельных элементов данной группы. Например, если в группе абитуриентов изменяются способы контроля усвоения знания (вводятся домашние работы или эссе), это не меняет в принципе норм общения преподавателя и абитуриентов или форму договора и оплаты.

Точно так же, далеко не всегда обладает свойством системности культура этноса, если границы этноса не совпадают с границами общества. Например, этнос, составляя относительно небольшую часть какого-либо общества, может полностью или почти полностью поменять свою экономическую нишу, но при этом сохранить основы религии. Целостное общество, в корне меняя систему жизнеобеспечения и социальную структуру, как правило, в значительной степени меняет и свою идеологическую систему.

Инерция культуры (*традиция*) может проявляться в разных формах, от самых «жестких» до относительно «мягких». В «жестком» варианте основные нормативные и ценностные элементы культуры

воспроизводятся из поколения в поколение до тех пор, пока их соблюдение не приводит всю систему (сообщество людей и соответствующую культуру) к кризису. Кризис этот обычно проявляется в том, что способы освоения среды, сочетающиеся с данными нормами и ценностями, приходят в противоречие с ограниченностью ресурса, на котором базируется данный способ освоения, что приводит к внутренним противоречиям внутри всей системы.

Однако существуют и «мягкие» варианты, когда культура постепенно адаптируется, сохраняя при смене поколений преемственность лишь некоторых черт.

Одним из самых ярких примеров инерции культуры при изменении внешних условий ее существования служит хорошо известный в науке факт, когда новые нарождающиеся социальные институты первоначально трактуются как возврат к старым, традиционным формам отношений.

На первый взгляд, два свойства культуры – адаптивность и инерционность – противостоят друг другу. Однако это не так. Культура неизбежно приспосабливается к меняющимся условиям, однако изменение ее качеств происходит не мгновенно – она имеет тенденцию сохранять основные свои параметры до тех пор, пока изменение становится неизбежным, так как сохранение прежних образцов поведения ведет к гибели всей культуры, а иногда и к физической гибели самого сообщества.

1.2.7. Культура подчиняется принципу дополнительности. Бинарность («двойственность», диалектичность) культуры

Принцип дополнительности впервые был сформулирован в 20-х годах XX в. выдающимся датским физиком Н. Бором. Сущность его сводится к тому, что для описания поведения какой-либо системы объектов недостаточно одной логически непротиворечивой теории. Необходимы, по крайней мере, две теории, аксиомы которых могут противоречить друг другу. В определенных условиях один и тот же объект будет подчиняться то одной, то другой теории.

Так, элементарные частицы в некоторых условиях могут вести себя как материальные точки («корпускулы»), а в некоторых – как волны. Таким образом, две теоретические схемы, объясняющие поведение объекта, как бы дополняют друг друга.

В течение XX века постепенно осознавалось, что принцип дополнительности является не частным положением философии естественных наук, а всеобщим принципом взаимодействия субъекта и объекта в процессе познания.

Поскольку культура в известной степени также представляет собой модель мира, содержащуюся в коллективном сознании, принцип дополнительности распространяется и на нее.

Культура есть совокупность правил поведения (норм и ценностей), которые могут быть выражены системой суждений. Такая система суждений называется «этикой». В нормативных суждениях этики используются одни и те же понятия и категории (например, «добро», «зло» и т. д.). Поэтому вполне естественно возникает вопрос о логической непротиворечивости такой системы суждений. В общем виде эта проблема может быть поставлена следующим образом: являются ли нормативные требования, действующие в любой живой культуре, системой взаимонепротиворечивых суждений? Более мягкая формулировка этого принципа – может ли существовать (или существовала ли когда-либо) социальная общность (общество, этнос, конфессия), обладающая такой непротиворечивой системой норм.

Попытку построения этики как непротиворечивой логической системы по примеру Геометрии Эвклида предпринял в XVII веке Б. Спиноза – голландский философ, выходец из потомственной семьи теологов иудаистов. Он, как и многие философы-просветители, считал, что система этики едина для всего человечества и вытекает из естественных свойств человеческой природы. Все противоправные и безнравственные поступки являются следствием либо непонимания «девиантами» «естественных оснований» этики, либо несовершенства систем законодательства и повседневной морали.

Опыт человечества показал, однако, идеалистичность этого взгляда, по крайней мере, для прошедшего со времен Спинозы промежутка времени. В рамках одной и той же культуры сосуществуют целые комплексы норм, ценностей, образцов поведения, не только несовместимых друг с другом, но противоречащих друг другу.

Более того, высказывается мнение, что такая «дополнительность» – это не недостаток культуры как системы, а ее неотъемлемое свойство, обеспечивающее ей возможность развития. Эта внутренняя противоречивость культуры может проявляться в деятельности отдельных индивидов и целых социальных групп, приводя к таким явлениям, как внутрикультурный межролевой конфликт.

Взаимодополняющие подсистемы этики могут действовать во всем обществе и в отдельных его сегментах. Другими словами, в обыденной жизни одни и те же люди часто подчиняются разным нормативным системам.

Крайней формой проявления принципа дополнительности в культуре является формирование *контркультур*, то есть субкультур

в рамках культуры «большого» общества, которые по сути своей противоречат ее основным положениям. Понимание того, что девиации являются не аномалией в развитии общества, а необходимым элементом его развития, лежит в основе типологии отклоняющегося поведения Р. Мертон. Согласно Мертону, аномия и девиантное поведение могут возникать не только в результате отклонения отдельных индивидов или групп от общепринятых социальных норм, но и из-за внутренней противоречивости ценностных систем, то есть из-за того, что в этих системах действует принцип дополнительности. Девиантное поведение, таким образом, является необходимым элементом любого общества [26, 127].

Следовательно, девиантное поведение – это не всегда негативное явление, точно так же, как конформизм – далеко не всегда благо для культуры. Так, например, на ранних этапах развития капитализма девиантами являются многие группы предпринимателей; протестантизм вначале был девиантным религиозным движением. Девиантные контркультуры – естественное и необходимое дополнение, элемент каждого нормально функционирующего общества.

1.2.8. Культура задает картину мира с помощью системы категорий, норм и ценностей, а также определяет ритм жизнедеятельности общества

Одна из главных функций культуры состоит в том, что она задает картину мира, разделяемую большинством членов общества. Эта картина неизбежно упрощает мир. Тем самым она позволяет гораздо быстрее и эффективнее реагировать на внешние воздействия и внутренние коллизии, организовывать членов общества на массовые акции. «Культурная» картина мира формируется с помощью системы категорий, описывающих мир, а также с помощью системы норм и ценностей, определяющих приоритетные цели деятельности и допустимые способы их достижения. Результативность реакций общества на внешние и внутренние вызовы определяется тем, насколько картина мира соответствует реальности.

Важнейшей информационной функцией культуры является то, что она задает определенный ритм жизнедеятельности человека, тесно связанный с системой категорий, норм и ценностей. Изначально этот ритм формируется под воздействием естественных природных ритмов. Это относится и к каждому отдельному дню, и к году, и ко всему жизненному циклу. Наиболее яркие примеры организации времени дают такие религии, как иудаизм и ислам. В той или иной степени все религии и вообще все существовавшие куль-

туры мира организуют жизнедеятельность человека в соответствии с природными ритмами – и культуры собирателей, и культуры земледельцев.

Привычка к соблюдению природных ритмов является внутренней потребностью человека, не порожаемой, а лишь закрепляемой культурой. «В настоящее время организационные, технологические и культурные процессы, характеризующие новое, возникающее общество, решительно подрывают этот упорядоченный жизненный цикл, не заменяя его альтернативной последовательностью. Я предлагаю следующую гипотезу: сетевое общество характеризуется уничтожением ритмичности, как биологической, так и социальной, связанной с понятием жизненного цикла» [46, 414]. Является ли этот «вызов времени» необратимой тенденцией, которая в скором будущем охватит все общества Земли, или сложившаяся в течение миллионов лет биологической и социальной эволюции человека «ритмика жизни», закрепленная всеми существовавшими до сих пор культурами, окажет сопротивление и включит механизмы обратной связи, которые предотвратят саморазрушение человеческого общества? И означает ли кардинальное изменение культурных парадигм именно саморазрушение, или это переход глобального общества в принципиально новое состояние? Не секрет, что именно разрушение привычных жизненных ритмов и системы социального контроля является одной из причин многих бед современного общества – наркомании, роста немотивированного насилия, тоталитарных сект и т. д.

1.2.9. Культура общества реализуется через социальные институты

Уже из сказанного выше очевидно, что культура не является аморфной массой норм и ценностей, рассеянных в среде общества, так же, как не является она и незыблемым монолитом логически связанных норм, ценностей, категорий.

Культура общества представляет собой сложную систему, основным блоком которой является социальный институт. Понятие социального института в его современном значении, как и понятие культуры в целом, ввел Б. Малиновский [5, 691–696].

Социальный институт – организованная система связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества. Институты создают устойчивые формы совместной деятельности людей по использованию общественных ресурсов ради удовлетворения одной или нескольких социальных потребностей.

Таким образом, институты выполняют в обществе две основные функции:

- 1) повышение эффективности удовлетворения данной потребности или группы потребностей;
- 2) поддержание общественного порядка, предотвращение хаоса и неконтролируемой конкуренции между группами и индивидами в процессе удовлетворения потребностей.

Структура институтов. Институт включает в себя:

– социальную группу (или группы), осуществляющую удовлетворение данной потребности. Разновидностью таких групп являются социальные организации, призванные удовлетворять данные потребности;

– устойчивую совокупность норм, ценностей, образцов поведения, технологических приемов, обеспечивающих удовлетворение данной потребности или группы потребностей, а также систему символов, регулирующих отношения в этой сфере деятельности (фирменная марка, флаг, обручальные кольца и т. д.);

– зафиксированное в общественном сознании идеологическое обоснование деятельности данного института, которое сам Малиновский называл хартией. Хартия может оформляться как специальный документ (например, программа политической партии, устав и учредительные документы фирмы), а может существовать в устной традиции (например, система мифов, обосновывающих вражду или, наоборот, дружбу между соседними племенами);

– социальные ресурсы (строения, деньги, техника и т. д.), используемые в деятельности данного института.

На каждом этапе развития общества выделяется свой набор институтов. Основные институты современного общества: экономика, политика, образование, право, религия, семья и т. д. Список институтов велик и неограничен, хотя основные из них встречаются в разных обществах.

На ранних этапах развития человеческих обществ многие из перечисленных видов деятельности не выделялись в качестве самостоятельных институтов, а как бы растворялись в других институтах. Так, институт образования появляется лишь с появлением групп людей, основным занятием которых является профессиональная и общесоциальная подготовка значительной части населения, то есть когда сам процесс социальной и профессиональной подготовки выделяется из процесса воспитания. В Европе этот момент принято относить к появлению и развитию системы общедоступных школ и профес-

сиональных учебных заведений (XVII–XVIII вв.). На более ранних этапах подготовка молодежи к жизни осуществлялась в рамках других социальных институтов – семьи, клана, цеха, церкви. Многие исследователи считают, что в доиндустриальных обществах не существовало самостоятельного института экономики, а процессы производства и обмена регулировались другими социальными институтами (кланом, семьей, институтами ритуального обмена).

С другой стороны, многие институты, существовавшие в обществах прошлого и определявшие отношения в них, в современных обществах либо исчезли вовсе, либо потеряли свое прежнее значение (например, институт клана, институт кровной мести и т. д.).

Многочисленные теоретические и эмпирические исследования социальных институтов в самых разных обществах позволили сделать наиболее общие выводы относительно их структуры, функций и исторических судеб. Приведем некоторые из них, имеющие значение для нашего дальнейшего изложения.

Институты и общество. Социальные институты возникают вместе с возникновением общества. Количество социальных институтов не ограничивается каким-либо жестким списком; однако в каждом обществе есть основные институты, определяющие функционирование данного общества и его культуры.

Существуют социальные институты разного уровня – большинство из них являются частью более крупных институтов. Например, биржа – социальный институт, являющийся частью экономики.

Многие, привычные нам институты, не существовали в обществах прошлого, хотя соответствующие потребности удовлетворялись (например, экономика, государство, парная семья, и т. д.).

Одни и те же институты в разных обществах устроены по-разному, нецелесообразно и невозможно копировать способы функционирования институтов одних обществ в других.

Институты и потребности. Каждую конкретную потребность в одном обществе одновременно могут удовлетворять несколько социальных институтов.

Каждый конкретный институт может удовлетворять несколько социальных потребностей, однако среди всех потребностей, на которых базируется тот или иной институт, всегда есть одна–две центральные для него.

Один и тот же институт в конкретном обществе может со временем заметно менять свою функциональную нагрузку. Одни и те же

потребности в обществах разного типа или даже в разных однотипных обществах могут удовлетворяться разными институтами.

Динамика институтов. Хотя сущность института есть достижение стабильности, однако сами институты очень изменчивы: стабильность общества достигается не за счет абсолютной неизменности каждого конкретного института, а скорее за счет их гибкости, способности адаптироваться к новым условиям деятельности.

Для нормального функционирования общества необходимо оптимальное сочетание устойчивости и изменчивости институтов. С развитием каждого конкретного общества меняется как набор представленных в них институтов, так и содержание деятельности и организация каждого института. В то же время, для того чтобы общество сохранялось как целое – необходимо, чтобы между двумя последовательными этапами его истории наблюдалась определенная преемственность институтов.

Ни один институт общества не остается неизменным в течение всего периода существования общества, – структура и способы функционирования каждого института со временем меняются, приспосабливаясь к новым условиям.

Устойчивость/изменчивость институтов определяется следующими факторами:

- изменением внешних условий функционирования института (как социальных, так и природных);
- процессами внутри группы, на которой базируется институт, в частности, тенденцией к самосохранению группы несмотря на коренное изменение системы потребностей.

1.2.10. Существуют культурные универсалии

В различных культурах можно выделить общие явления, процессы, системы понятий, которые позволяют:

- проводить межкультурные сравнения;
- находить общий язык с представителями других культур;
- понимать реалии чужих культур, оставаясь в рамках своей собственной.

Данный принцип касается не только бытия культуры и взаимодействия между разными культурами, но и процесса познания культурных явлений. Подробно мы остановимся на нем в главах, посвященных типологии культур и межкультурным контактам (главы 5, 6).

При кажущейся очевидности данного суждения, оно неоднократно подвергалось сомнению в полном объеме или по отдельным пунк-

там. Так, один из самых популярных социальных философов XX в. О. Шпенглер с большими оговорками мог бы согласиться лишь с первым тезисом (возможны определенные хронологические сравнения этапа развития культур), но категорически не принял бы двух последних. Такая позиция называется «культурным релятивизмом».

Ученые-эмпирики, занимавшиеся изучением конкретных культур, тем не менее в течение многих десятилетий упорно ищут «культурные универсалии». Поиски эти ведутся в самых разных направлениях.

Такой попыткой фактически является описанная выше концепция потребностей как «стержневых факторов» культуры, принадлежащая Б. Малиновскому (см. п. 1.2.1). Схемы типологизации культур, разработанные Ф. Клакхоном, Г. Хофшtedом и др. (см. § 6.1), также служат примером поиска культурных универсалий. Авторы этих типологий исходили из результатов предварительного теоретического анализа различных культур. Они выделяли некоторые теоретические переменные, которые, по их мнению, наиболее адекватно отражают объективно существующее культурное многообразие человечества. Среди этих переменных упоминаются такие факторы, как: отношение ко времени, коллективизм-индивидуализм, отношение к природе (хозяйское или потребительское), отношение к власти и т. д.

Иного подхода к выделению культурных универсалий придерживался Дж. Мердок [5, 49–57]. Он преследовал прагматическую цель – создание «Этнографического атласа» – эмпирического описания нескольких сотен культур, изученных к тому времени (середина 40-х годов XX в.) этнографами по стандартным методикам. Поэтому под «универсалиями» Мердок понимал фиксируемые на эмпирическом уровне показатели наличия или отсутствия, а также характера развития конкретных элементов культуры, таких как способ добычи пищи, обряды инициации, характер используемых орудий труда, спортивные игры, и т. д. Всего у него насчитывается более 60 «универсалий». Такой подход вполне соответствовал поставленной задаче, однако с теоретической точки зрения он не вполне удовлетворителен, так как не содержит какой-либо систематизации эмпирических признаков, опирающихся на теорию культуры.

Наконец, весьма перспективными представляются попытки выявления культурных универсалий через изучение структуры языка. Самая известная из таких попыток предпринимается с середины 60-х годов коллективом под руководством американского психолога и лингвиста Ч. Осгуда [140, 101]. Гипотеза Осгуда состояла в том, что оценка объектов в разных культурах осуществляется на основе не-

большого количества универсальных латентных переменных. В повседневной жизни эти переменные не осознаются, однако они могут быть выявлены с помощью формального анализа оценочных суждений, высказываемых представителями разных культур.

Для проверки этой гипотезы была разработана сложная и трудоемкая процедура, включавшая в себя три основных этапа:

- выявление набора прилагательных, используемых в различных языках для оценки серии «ключевых» существительных, часто употребляемых во всех изучаемых языках и выделение пар таких прилагательных (теплый – холодный, близкий – далекий и т. д.);
- факторный анализ корреляционных зависимостей частоты употребления каждой пары прилагательных внутри каждого языка в связи с конкретными существительными;
- изучение степени близости между культурами по выделенным факторам, а также оценка расположения различных изучаемых объектов в семантическом поле каждой культуры.

Изучение каждого языка опиралось на опрос по стандартной методике нескольких сотен экспертов. К настоящему моменту с помощью этой методики в той или иной степени изучены более 80 культур; исследования продолжаются.

Наиболее фундаментальный результат был получен на втором этапе. Осгуду удалось эмпирически доказать, что во всех изученных языках (и соответствующих им культурах) присутствуют три скрытые переменные, которые он условно обозначил латинскими буквами:

P – Power (Сила)

A – Activity (Активность)

E – Estimation (Оценка)

Проще говоря, китаец, мексиканец, египтянин или еврей, оценивая с помощью письменной или устной речи любой объект (ландшафт, политика, произведение искусства, новый товар), подсознательно использует три оси координат. Он определяет, насколько данный объект производит ощущение силы, или мощности; насколько он активен, то есть способен быстро реагировать на ситуацию; и, наконец, в какой степени он способен вызывать у зрителя положительные эмоции (нравится – не нравится).

Для измерения каждого из этих трех параметров в разных языках могут использоваться разные пары антонимичных прилагательных; однако сами по себе три фактора присутствуют во всех изученных языках.

На основе этих трех факторов строятся так называемые «Шкалы Осгуда», представляющие собой набор антонимических пар прила-

гательных; количество этих пар обычно кратно трем (9, 12, 15). Использование этих шкал позволяет более обоснованно проводить межкультурные сравнения, изучать специфику различных культур, давать рекомендации по межкультурному общению.

Шкалы Осгуда в настоящее время – один из наиболее часто используемых инструментов анализа в социологии, лингвистике, социальной психологии, искусствознании, политологии. Они подтвердили свою эффективность в ходе исследований, ведущихся уже не одно десятилетие.

Главная проблема их использования состоит в том, что, строго говоря, для их применения в каждой новой культуре необходимо проводить исследование, аналогичное тому, что делал сам Осгуд при их разработке.

Для использования шкал в каждой новой культуре надо:

- доказать, что в данной конкретной культуре представлены три выделенные фактора, которые доминируют при оценке объектов;
- выявить пары прилагательных, ассоциирующихся в данной культуре с каждым из этих факторов.

К сожалению, нам неизвестны попытки проведения этой процедуры в русской культуре. В многочисленных русскоязычных исследованиях, содержащих шкалы Осгуда, обычно просто используются переводы англоязычных шкал.

Даже из нашего краткого очерка проблемы культурных универсалий очевидно, что она далека от разрешения. Можно говорить лишь о ее постановке и получении некоторых предварительных результатов.

1.2.11. Тенденции развития культуры в условиях глобализации

До сих пор мы рассматривали классическую антропологическую трактовку концепции культуры, возникшую на основе изучения доиндустриальных и ранних индустриальных обществ. Однако развитие общества в XX в., возникновение постиндустриального общества, глобализация вызвали новые тенденции в развитии культуры, которые следует учитывать при антропологическом анализе общества. Среди множества этих тенденций две имеют принципиальное значение и определяют собой все остальные:

1. Резко возросшее влияние средств массовой информации на формирование культуры;
2. Глобализация экономических и культурных процессов. До появления всеохватывающей системы средств массовой информации концентрация группового опыта происходила в процессе межлич-

ностного общения. Элемент опыта становился элементом культуры и воспринимался как соответствующий ее требованиям, в том случае, если его признавали таковым большинство членов данной общности (общества). Конечно, и в этих условиях существовали возможности манипулирования «общественным мнением» со стороны духовных лидеров или вождей общества, но любая неадекватная информация наталкивалась на повседневный опыт людей. Можно сколько угодно доказывать, что ловить рыбу острой более эффективно, чем сетью. Но в критической ситуации кто-нибудь из племени попробует-таки сеть, и все аргументы шамана, вождя или «бигмена» окажутся, очевидно, несостоятельными. В групповом опыте закрепится технологический прием ловли сетью.

В больших обществах накопление и поддержание группового опыта осуществляется уже не столько за счет межличностных контактов, сколько за счет информации, собираемой, обобщаемой профессионалами (журналистами, аналитиками, идеологами, специалистами по технологиям, педагогами и т. д.) и транслируемой затем уже в виде готовых культурных форм (норм, ценностей, образцов поведения, технологических приемов) на все общество.

С одной стороны, такая ситуация упрощает, ускоряет накопление культурной информации, способствует прогрессу. С другой стороны, элементы культуры уже не являются только результатом селекции на «низовом» уровне. В значительной степени они распространяются «сверху», их трансляторами являются социальные группы, интересы которых могут заметно отличаться от интересов «низов». Яркий пример тому – рекламная кампания «МММ». Через средства массовой информации пропагандировались образцы поведения, которые никоим образом не вытекали из личного опыта самого населения. Интересы авторов этих информационных потоков, несших определенные культурные ценности, были диаметрально противоположны интересам рядового потребителя этой информации. В результате восприятие через СМИ образцов поведения, не опирающихся на длительный личный опыт, привело к тому, к чему и должно было привести.

Конечно, сказанное не означает, что в информационном обществе опыт и интересы «трансляторов» информации всегда расходятся с интересами и целями ее «потребителей». Однако такая возможность существует, и вероятность такого расхождения значительно выше, чем в обществах с преобладанием межличностных коммуникаций (такие общества не вполне точно принято называть «традиционными»).

Влияние процессов глобализации во многом также базируется на возросшей роли средств массовой информации, которые зачастую

носят не национальный, а международный характер. Содержание информации, передаваемой через СМИ, во многом определяется политикой крупных национальных (AP, France Press) и частных (CNN) информационных агентств, интересы которых далеки от интересов большинства потребителей, поскольку они представляют в основном точку зрения правительств развитых в экономическом отношении стран «золотого миллиарда» и крупнейших монополий, базирующихся в этих же странах.

Влияние процессов глобализации гораздо глубже и выходит далеко за рамки влияния СМИ. Напомним, что единицей, поддерживающей комплексный характер культуры, согласно классической функционалистской теории, является общество – относительно автономное объединение людей, способное к самовоспроизводству в демографическом, экономическом и культурном отношении. Однако интенсивность и кажущаяся необратимость современных процессов глобализации дает основания некоторым исследователям усомниться в том, что общество как самостоятельная единица сохранится в пост-индустриальном мире. Одна из наиболее популярных прогностических моделей развития состоит в том, что уже в ближайшие десятилетия все население Земли превратится в единое общество, разделяющее так называемые «западные» ценности. Надо сказать, что такая концепция имеет под собой весьма веские основания.

Во-первых, происходит формирование единых общемировых рынков, основанных на производственном потенциале относительно небольшого количества транснациональных корпораций (ТНК). Обратной стороной этого процесса является утрата многими некогда самостоятельными обществами своей экономической независимости. Экономика многих стран фактически не может обеспечить даже условий для физического выживания собственного населения, так велика их зависимость от международного разделения труда.

Во-вторых, многие общества в значительной степени утрачивают культурную автономию. Как уже говорилось, средства массовой информации во многих странах, находясь под влиянием ТНК, отражают не столько опыт и культурные ценности данного общества, сколько транслируют ценности и образцы поведения, условно называемые «западными». Эти нормы и ценности, образцы поведения очень часто не соответствуют не только историческому опыту «незападных» обществ, но и не способствуют решению задач, стоящих перед этим обществом. Другими словами, средства массовой информации перестают играть роль канала формирования и трансляции национальных культур.

Справедливости ради надо отметить, что ценности, транслируемые через СМИ, как правило, не соответствуют и реалиям западного общества. Например, нет ничего более нелепого, чем судить об американском обществе по американским фильмам, захлестнувшим мировой экран. Американское общество лучше, чем пытается себя показать.

Но суть проблемы от этого не меняется – национальные СМИ во многих случаях перестают быть каналом формирования национальной культуры.

Поэтому главный вопрос антропологии (как и других наук, занимающихся изучением культуры) состоит в том, сохранится ли в ближайшем будущем роль обществ и этносов как основных единиц формирования культуры, или мы присутствуем при историческом событии – превращении всего человечества в единое гомогенное в культурном отношении общество, базирующееся на ценностях рыночных отношений и приоритете индивидуальных ценностей над групповыми?

Кардинальное изменение в соотношении культуры и ее носителей проявляется и в повышении активной роли культуры по отношению к ее носителю – обществу, этносу, социальной группе.

В классической модели культура рассматривается как опыт социальной группы (общества), накопленный и институционализированный этой группой (обществом) в процессе жизнедеятельности. В последние десятилетия все чаще наблюдается ситуация, когда социальные категории, группы, квазигруппы и даже целые общества создаются или воссоздаются на основе искусственно сформированного культурного комплекса. Примеры мы наблюдаем практически ежедневно. Религиозные секты формируются вокруг «хартии», разработанной идеологическими лидерами. Нация государства Израиль воссоздана вокруг идеологической доктрины сионизма через привлечение евреев диаспоры, многие из которых к моменту своей миграции фактически утратили связь с традиционным иудаизмом.

Конечно, «конструирование» социальных групп на базе «культурных артефактов» существовало и в прошлые века (например, раннее христианство). Однако развитие средств массовой информации, активизация культурной деятельности различных национальных и международных организаций сделали это явление повседневным элементом жизни. Недаром в последние годы «конструктивистская» модель культуры привлекает все большее внимание исследователей [42].

Тем не менее развитие и усложнение процессов накопления и трансмиссии культуры не отрицает фундаментальных закономерностей

тей. На них как на основу нанизываются новые механизмы, также требующие глубокого и последовательного изучения. Но понять эти последние невозможно, не освоив того базиса, на котором они выросли.

1.3. Функциональный анализ культур

Когда возник функциональный анализ? В некоторых публикациях утверждается, что авторами функционального метода являются Б.К. Малиновский и А.Р. Рэдклифф-Браун, а посвященные ему работы появились в конце 30-х – начале 40-х годов XX века. В принципе это так, но сами «отцы» функционализма вряд ли согласились бы с подобным утверждением. По их мнению, функциональный подход является естественным взглядом на культуру, и многие исследователи, начиная с Геродота, фактически пользовались им, сами того не осознавая, подобно тому, как герой Мольера господин Журден говорил прозой (см. главу 8).

Для достижения каких целей предназначался функциональный анализ? Первоначально функциональный подход использовался, по выражению Малиновского, для понимания сущности «чужих – а следовательно, диких и варварских – культур» [5, 681]. Впоследствии, усилиями Т. Парсонса, Р. Мертона, С. Липсета и других социологов он стал использоваться для изучения современных обществ. С точки зрения Б. Малиновского, функциональный подход имел двойное предназначение. Во-первых, он *играл роль метатеории*, то есть способа организации теоретического знания о какой-либо культуре. Во-вторых, функциональный подход должен был служить *основанием для методики сбора информации* о культурах других народов в ходе полевых исследований.

Поскольку функциональный анализ изначально возник как метод межкультурных исследований, в настоящее время он может найти новое применение. Последние десятилетия отмечены значительным всплеском исследований и публикаций, посвященных практическим аспектам межкультурного взаимодействия. В частности, значительное внимание уделяется формированию межнациональных коллективов и межкультурному деловому общению. Несмотря на богатый эмпирический материал и массу полезных практических советов, содержащихся в этих публикациях, большинство из них страдает одним очевидным недостатком. Культура этноса рассматривается в них как совокупность отдельных своеобразных норм, ценностей, артефактов, правил поведения, отличающих ее от культурных норм

тех людей, для которых написана книга или статья (обычно от североамериканской или английской культуры). Такой подход, однако, представляется недостаточным. Обучение основам функционального анализа может дать инструмент для самостоятельного освоения реалий другой культуры и для налаживания эффективных межкультурных контактов.

Против каких взглядов на природу культуры и способы ее моделирования был направлен функциональный анализ? Как уже отмечалось, основатели данного направления ставили себе в заслугу лишь то, что они сформулировали его принципы в явной форме. Представители многих теоретических направлений антропологии и социологии использовали основные принципы функционального анализа. Поэтому не вполне корректным является встречающееся иногда упрощенное мнение о том, что функциональный анализ был направлен против эволюционизма и диффузионизма в целом. Малиновский и Рэдклифф-Браун были антропологами, обладавшими очень хорошей теоретической подготовкой и богатым опытом полевых исследований. Естественно, что они не могли отрицать роль диффузии в распространении элементов культуры и целостных культурных комплексов, так же, как их эволюционное развитие. Однако они считали неправильным абсолютизацию некоторых методологических принципов, использовавшихся отдельными авторами, принадлежавшими к этим направлениям.

В частности, Б. Малиновский критиковал эволюциониста Л. Моргана за предложенную последним типологию развития семьи (см. пункты 8.2.1, 8.3.2). Критике подверглась не сама по себе идея разработки исторической последовательности типов семей. Морган критиковался за то, что предложенные им типы не согласовывались ни с одной известной культурной системой. Отсутствовала мифология, отражавшая подобные системы родства; не были зафиксированы соответствующие ей правила обмена, и так далее. Согласно постулатам функционализма, все институты, составляющие культуру общества, тесно связаны друг с другом. Невозможно понять истинное значение какого-либо института, если не проанализировать его взаимосвязь с другими.

Критика диффузионизма также касалась вполне конкретных положений некоторых теоретиков диффузионизма, прежде всего, немецкого исследователя Ф. Гребнера, разработавшего концепцию географического распространения элементов культуры, получившей известность как концепция «культурных кругов» (8.2.3). Малиновский критиковал Гребнера по двум причинам. Во-первых, Гребнер рас-

сматривал каждый культурный комплекс как совокупность отдельных элементов. Он не стремился выявить глубинную функциональную связь между этими элементами (хотя и не отрицал того, что они составляют устойчивый комплекс). Во-вторых, Гребнер считал *форму* элемента культуры относительно независимой от его *функции* в рамках данной культуры. Такое разделение формы и функции непосредственно вытекало из основных положений концепции Гребнера. Для него важно было определить, какой именно артефакт относится к тому или иному культурному кругу. Однако, сделать это, исходя из функциональной нагрузки, практически невозможно. Например, лук или топор могли возникнуть независимо друг от друга в самых разных регионах ойкумены. Как определить, что именно этот лук или именно этот топор принадлежат к данному «культурному кругу»? По их функциональным характеристикам это сделать невозможно, поскольку представители самых разных племен, выбирая оптимальные приемы охоты или рубки деревьев, могли додуматься до одних и тех же технологических характеристик данных артефактов. Следовательно, заключает Гребнер, для решения данной задачи необходимо обращаться к тем характеристикам орудия, которые не связаны непосредственно с его функциональной нагрузкой. К таким характеристикам, по мнению автора, относятся некоторые количественные пропорции и элементы формы предмета, не связанные жестко с его основной функцией. К таким чертам он относит, например, элементы орнамента, которым украшаются орудия, соотношения длины рукояти и лезвия топора, и так далее.

Б. Малиновский категорически не согласен с этими тезисами. Во-первых, он считал совершенно необоснованной попытку анализа принадлежности того или иного артефакта к культурному комплексу вне его взаимосвязи с основными институтами данного общества. Во-вторых, Малиновский считал *форму* предмета тесно связанной с его функцией. Так, орнамент может означать, что топор принадлежит члену того или иного клана, или что он относится к разряду престижных ценностей и не может использоваться при рубке деревьев. В то же время функциональный анализ не противоречит ряду других методологических принципов. В частности, это относится к диалектическому подходу, свойственному марксизму.

Сущность и этапы функционального метода. Согласно позиции основателей, функциональный анализ является естественным подходом при изучении социальных явлений и вытекает из самой природы общества. В полном объеме этот метод может использоваться при всестороннем изучении целостных обществ. Однако подобные ис-

следования встречаются достаточно редко. Обычно антрополог (или социолог) изучают отдельную локальность (китайская деревня у Фэй Сяотуна – см. § 3.4) или отдельный институт («Социология религии» М. Вебера).

К сожалению, Б. Малиновский в своей классической статье не выделил основные этапы применения функционального метода. Возьмем на себя смелость «операционализировать» функциональный метод в том виде, как он изложен самим автором:

1. Идентификация института;
2. Выявление потребностей, удовлетворяемых данным институтом. Определение его функций;
3. Идентификация социальной общности (или социальных общностей), связанных с деятельностью данного института. Здесь необходимо выделить две разновидности общностей. Во-первых, ту общность, представителей которой обслуживает данный институт. Во-вторых, социальную общность (обычно – группу), которая непосредственно занята деятельностью по выполнению функций данного института (условно назовем ее «профессиональной группой»). Фиксация интересов, которые преследуются представителями различных общностей, и, в первую очередь, представителями «профессиональной группы»;
4. Выявление и анализ хартии института;
5. Изучение общих ценностей и норм, связанных с деятельностью данного института. Отметим, что реально действующие нормы и ценности, как правило, не полностью совпадают с теми, что зафиксированы в хартии. Во-первых, они шире по содержанию, поскольку регулируют отношения, которые могут игнорироваться хартией. Во-вторых, могут противоречить тем, которые провозглашаются в хартии;
6. Определение и анализ символов, артефактов, навыков и знаний, на которые опирается институт. Анализ соотношения «формы» и «содержания»;
7. Изучение соотношения данного института с другими институтами общества. Совмещение и пересечение функций. Противоречия между институтами.

Помимо работ самих функционалистов, образцом функционального анализа в исторической социологии и антропологии могут быть работы М. Вебера («Протестантская этика и дух капитализма», «Социология религии», «Город»), труды Школы Анналов (Ж.Ле Гофф «Средневековая цивилизация»), работы Э. Тайлора по истории религии («Первобытная культура») и многие другие (см. главу 8).

1.4. Типология форм распределения и обмена

Все культуры в конечном итоге базируются на производстве, распределении и перераспределении производимого продукта.

В антропологии выделяется 6 основных форм организации обменных и распределительных отношений.

Принципы распределения внутри группы:

– *общий разбор* («Communal sharing» – CS) – принцип, согласно которому какая-либо ценность (или все основные ценности) распределяются в данной группе в соответствии с потребностями каждого отдельного входящего в нее индивида;

– *статусное распределение* («Authoruty ranking» – AR) – распределение в зависимости от статуса, занимаемого индивидом в группе;

– *дележ поровну* («Equality matching» – EM) – одинаковое распределение между всеми членами группы, вне зависимости от потребностей и статуса.

Принципы обмена между индивидами (группами):

– *дача* (*дачеделег*, *безвозмездная передача*, «Gift giving» – GG) – безвозмездная передача части продукта от одного члена группы, в распоряжении которого он находится, к другому члену той же самой группы;

– *дарообмен*, (обозначаемый, вслед за К.Поланьи, термином «реципрокный обмен» от слова reciprocity – взаимность). В отличие от безвозмездной передачи, реципрокный обмен предполагает взаимность (получатель дара обязан сделать отдар), квазиэквивалентность (отдар должен быть примерно той же ценности) и нестрогую своевременность (с отдаром нельзя долго тянуть). В качестве синонима понятия *реципрокный обмен* мы предлагаем использовать принятый в отечественной антропологии термин «дарообмен», или словосочетание «*внерыночный обмен*» (подробнее см. п. 2.2.2);

– *рыночный обмен* (Market pricing – MP) – система, при которой ценности получают в результате обмена на другие ценности, с учетом эквивалентности их стоимости в денежном выражении.

Принципиальное отличие дарообмена от рыночного обмена сводится к двум пунктам:

– во-первых, при дарообмене участвующие в нем *ценности не имеют* точно выраженного *денежного эквивалента*;

– во-вторых, при дарообмене существуют *качественные ограничения*, так как обмену подлежат лишь продукты определенного типа (обычно это так называемые «*престижные ценности*»).

В каждой культуре, в каждой группе действуют все или почти все из этих принципов. Однако культуры можно классифицировать в

зависимости от того, какие принципы распределения преобладают в каждой из них, а какие занимают подчиненное положение. В одном и том же обществе разные принципы распределения действуют в разных сферах общения, в разных социальных группах, по отношению к разным видам продуктов и услуг. Поэтому сама по себе типология форм обмена является необходимым, но не достаточным критерием классификации обществ.

Кроме этого фактора необходимо также учитывать:

1. *Что распределяется с помощью той или иной формы обменно-распределительных отношений* (объект обмена).

Бурное развитие рыночных отношений в XIX–XX вв., в рамках «европейской» модели капитализма привело к убеждению, что основой всех социальных обменов в обществе является принцип рыночных отношений, пронизывающему обыденное сознание («common sense») и нашедшему отражение в социологической теории.

Этот принцип заключается в том, что:

– *деньги как эквивалент* в обменных операциях *существуют и имеют хождение* во всех слоях общества;

– *каждый артефакт данной культуры*, а также многие образцы поведения («услуги») *имеют свою стоимость*;

– *деньги универсальны*, то есть через их посредство можно осуществлять обмен любых вещей и услуг на любые другие.

Однако знакомство с так называемыми «неевропейскими» культурами убеждает, что этот принцип реализовывался далеко не во всех обществах. В частности, на определенных этапах развития самых разных обществ господствовал принцип, согласно которому все материальные ценности делились на *жизнеобеспечивающие и престижные*. Распределение этих двух видов ценностей подчинялось совершенно разным правилам.

2. *Кто выступает в качестве активной стороны в обмене или распределении*.

Согласно той же самой европоцентристской точке зрения, конечным «звеном» рыночных отношений выступает индивид. На многих рынках «актерами» являются не индивиды, а фирмы и даже целые государства. Но при этом предполагается, что индивиды, образующие эти фирмы или государства, также состоят с последними в рыночных отношениях.

Альтернативный подход состоит в том, что в процессе взаимодействия разных субъектов могут использоваться совершенно разные принципы. Например, обмен ритуальными престижными ценностями, как правило, совершается не между отдельными индивидами,

а между большими группами родственников – кланами (родами). Принципы распределения ценностей внутри рода (так же, как внутри фирмы, государства) могут заметно отличаться от того, что происходит на «макроуровне».

3. В каких социальных ситуациях действуют те или иные правила.

Между партнерами в одном и том же обществе могут действовать разные принципы взаимоотношений в зависимости от того, имеют ли они одинаковый социальный статус, или их социальный статус существенно различается, а также в зависимости от того, находятся ли они в дружественных или конфликтных отношениях, и т. д.

4. Каковы функции и социальные последствия данного института обмена – распределения в обществе.

Один и тот же принцип взаимодействия и обмена может иметь неодинаковое значение на разных этапах развития общества. Так, например, институт ритуального обмена первоначально, видимо, возник как средство поддержания межродовых брачных связей, а впоследствии превратился в свою прямую противоположность – источник межродовых конфликтов. Институт внутриродовой взаимопомощи изначально исполнял функцию сдерживания процесса расчленения общества; впоследствии он стал использоваться как один из механизмов эксплуатации.

Как мы покажем ниже, разные формы обмена и распределения различных ценностей возникают и доминируют на разных этапах исторического развития. Такие формы, как разбор, дележ, статусное распределение, возникают, видимо, на самых ранних этапах развития общества, еще до формирования родоплеменных структур. Передача части продукта от индивида к индивиду, по всей видимости, возникает на более поздних этапах присваивающего хозяйства, возможно даже одновременно с дарообменом. Дарообмен, в свою очередь, развивается только тогда, когда складывается родовое общество. Наконец, рыночный обмен возникает на этапе аграрных политарных обществ.

Переход от одних способов обмена и распределения продукта к другим вызывается такими факторами, как масштабы общества, в рамках которого осуществляется обмен, и уровень разделения труда. Каждая из вновь возникающих форм обмена обслуживает данное общество, является необходимым элементом его существования. Родовое общество точно так же не может существовать без дарообмена как развитое аграрное, а тем более – индустриальное, без рыночного обмена. Возможно, главная ошибка К. Маркса состояла в том, что он предполагал, что возможно построить макро-общество, лишенное денег (коммунизм). Общество может устойчиво функцио-

нировать, обходясь разборными и распределительными отношениями, если его численность не превышает нескольких десятков, от силы – нескольких сотен человек, а избыточный продукт, производимый в нем, незначителен по сравнению с жизнеобеспечивающим. Когда численность обществ составляет от нескольких сотен до нескольких десятков тысяч человек, складывается дарообмен как необходимый в данном обществе институт распределения продукта и поддержания социальной структуры. Наконец, в обществах, насчитывающих сотни тысяч человек и более, при условии, что в них существует разделение аграрного и ремесленного труда, также неизбежно возникает рыночный обмен. Одной из причин возникновения более сложных форм распределения и обмена является невозможность прямого контроля эффективности распределения ресурса в достаточно сложных обществах. В частности, попытка построения индустриального и постиндустриального общества, в основе которого лежат распределительные отношения (советская модель социализма), окончилась неудачей.

Вместе с тем возникновение новых форм обмена и распределения не означает, что прежние теряют свое значение. Во-первых, они сохраняются в относительно малочисленных и тесных кругах. Во-вторых, они могут действовать и на уровне всего общества. Так, ни одно современное государство, экономика которого базируется на рыночных отношениях, не обходится без распределительных и дарообменных отношений. Однако, как показывает опыт, не существует универсальных принципов сочетания рыночных и вне рыночных механизмов. Каждое общество должно само выбирать для себя оптимальную модель, опираясь на собственный исторический опыт и реальные ресурсы. Попытки «трансплантации» инородных моделей ничего, кроме потерь, принести не могут.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Почему функциональный подход к изучению культуры, предложенный Б. Малиновским, способствовал развитию прикладных исследований культуры? Чем он принципиально отличался от подходов более ранних авторов?

2. При составлении словарей малочисленных народов лингвисты нередко сталкиваются с трудностью, состоящей в том, что понятие, выражаемое на данном языке одним словом, приходится передавать с помощью длинной цепочки слов на европейских языках. Почему так происходит?

3. Как известно, одним из важнейших свойств культуры является ее системность. В чем состоит это качество? Может ли обладать системностью культура какого-либо социального слоя (например, предпринимателей)?

4. Может ли выступать в качестве символа предмет, не затронутый непосредственным физическим воздействием человека (включая воздействие с помощью инструментов)?

5. Можно ли считать проявлением дуализма культуры тот факт, что в Европе – правостороннее движение, а в Великобритании – левостороннее, поскольку в обоих случаях используются разные нормативные системы? Можно ли на том же основании считать проявлением дуализма культуры тот факт, что, передвигаясь по улице, мы руководствуемся правилами дорожного движения, а придя на работу – правилами внутреннего распорядка предприятия (учреждения)?

6. Реформаторы российской экономики в начале 90-х гг. XX века рассчитывали на то, что система норм, ценностей, образцов поведения россиян претерпят быстрые изменения под влиянием новых экономических условий. Как показали исследования (см. п. 6.3.3), этого не произошло. Какие свойства культуры не были учтены реформаторами?

7. С какой целью используется функциональный анализ: для описания культуры, для изучения статистических распределений, для построения теории и т. д.? Каким подходам к изучению культуры он противостоит? Можно ли считать его единственно верным методом, заменяющим собой все остальные?

8. Припомните основные этапы функционального анализа. Попробуйте применить его для описания какого-либо знакомого Вам явления (например, сдачи экзаменов или распределения семейного бюджета).

9. Чем принципиально отличается дарообмен от рыночного обмена?

10. Известно, что различные формы обмена и распределения возникают не одновременно: некоторые из них существуют с момента возникновения человечества, а некоторые возникают лишь на достаточно поздних этапах его развития. Возможно ли существование общества, целиком базирующегося на какой-либо одной форме (например, на статусном распределении, дележе, дарообмене или рыночном обмене)?

2. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ ПРЕПОЛИТАРНЫХ ОБЩЕСТВ

Бывает нечто, о чем говорят: «Смотри, вот это новое»;
но *это* было уже в веках, бывших прежде нас.

Екклесиаст

2.1. Типология доиндустриальных обществ

Культура доиндустриальных обществ (так же, как и любых других) теснейшим образом связана с принятой в них системой хозяйства (жизнеобеспечения). Рассмотрим основные принципы типологии этих обществ и присущих им систем хозяйствования.

В антропологии при изучении хозяйственных систем и культуры доиндустриальных народов учитывается, прежде всего, то, в условиях какого общества они функционируют.

Важнейшим является деление обществ на *политарные* (имеющие хотя бы зачатки государственного устройства) и *преполитарные*, или *потестарные* (не имеющие таковых). Этот фактор считается столь существенным потому, что условия жизнедеятельности (а соответственно и культура) сходных хозяйственных единиц в значительной степени зависят от того, входят ли они в состав государства, или являются автономными. Например, земледельческие общины восточных славян возникли задолго до появления государства. Однако понять закономерности функционирования русской передельной общины совершенно невозможно, если не учитывать того влияния, которое оказывало на неё государство через систему сбора налогов, переселенческую политику, юридическое оформление собственности, кредиты, и т. д. Поэтому мы, вслед за Ю.И. Семеновым, рассмотрим хозяйственные системы сначала преполитарных, а затем политарных обществ [91].

Преполитарные общества в русскоязычной традиции принято называть родовыми или родоплеменными.

Важнейшими факторами классификации хозяйственных систем доиндустриальных обществ являются:

- присваивающий или производящий характер хозяйства;
- экстенсивный или интенсивный характер освоения среды.

Эта классификация применима как к преполитарным, так и к политарным обществам. Конечно, не существует политарных обществ, основанных на присваивающем хозяйстве. Однако весьма часто субкультуры, основанные на охоте и собирательстве, являются частью политарных обществ (именно так было в России практически на протяжении всей ее истории).

Традиционной и наиболее распространенной типологией традиционных систем хозяйствования является их деление на *присваивающие и производящие*.

Критерием, по которому различаются эти два типа хозяйства, является способ добывания пищи.

Собирательство, рыбная ловля, охота относятся к присваивающим типам хозяйств.

Собирательство может приобретать самые разные формы, в зависимости от того, какой именно ресурс наиболее доступен в данной среде – это могут быть морские животные, выброшенные приливом; корни растений, дикорастущие злаки и др.; мед, грибы, личинки насекомых.

Охота также весьма многообразна. Некоторые разновидности охоты (например, на крупных сухопутных или морских млекопитающих, «загонная» охота на стадных животных) предполагают использование усилий достаточно больших коллективов – до нескольких десятков человек. Другие виды охоты (на мелкого нестадного зверя) вполне могли производиться одной семьей и даже отдельным охотником. То же самое относится и к рыбной ловле.

В науке не известны (или почти не известны) примеры присваивающих хозяйств, которые базировались бы только на одном виде промысла, только на одном ресурсе. Как правило, присваивающее хозяйство носит комплексный характер. Например, лесная или степная охота дополняется сбором дикоросов, охота на морского зверя – сбором «плодов моря» и т. д. Это позволяет не только разнообразить стол, но и обеспечить «подстраховку» в случае дефицита или исчерпания какого-либо одного ресурса.

К производящим видам хозяйства относятся земледелие и животноводство.

Увеличение плотности населения, освоение пригодных для обитания человеческих сообществ ландшафтов ведут к необходимости

перехода от присваивающего к производящему хозяйству. Непосредственными предпосылками к этому являются:

- ограниченность земель и закрепление их за определенными коллективами;
- накопление опыта и возникновение элементарных приемов животноводства и земледелия в процессе охоты и собирательства.

Первичными формами земледелия являются:

- подсечно-огневое;
- переложное;
- залежное.

На более позднем этапе развития общества (обычно совпадающем с периодом становления политарных обществ) формируются:

- трехполье и многополье (в степной и лесостепной полосе);
- система террасного земледелия (в предгорьях);
- ирригационные системы (в поймах великих рек).

Первичными формами животноводства (скотоводства) являются

- отгонное;
- кочевое.

Первичные формы развиваются в систему оседлого, стационарного скотоводства, в которой не скот следует за кормом, а корм поставляется скоту.

Деление на скотоводов и земледельцев также достаточно условно. Вероятно, в истории почти не было обществ, которые бы потребляли и производили только животную или только растительную пищу. Даже в рационе степных кочевников-монголов злаки присутствовали, хотя выращивали они их не сами, а приобретали у соседних земледельческих народов. Коневоды, а затем скотоводы-якуты издавна сами занимались растениеводством, хотя и в очень ограниченных масштабах.

А хозяйство земледельцев в большинстве случаев не обходится без использования волов, коров, лошадей, которые являются и тягловой силой, и источником белковой пищи, и, самое главное, источником удобрений (навоз), без которых оседлое земледелие вообще невозможно.

Поэтому во многих случаях следует говорить не о «чистом» земледельческом хозяйстве, а о хозяйственном комплексе, в котором ведущая (но не исключительная и даже не подавляющая) роль принадлежит земледелию (как правило, выращиванию злаков).

На первый взгляд, различие между производящим и присваивающим типами хозяйства довольно очевидно: в условиях присваивающего хозяйства происходит потребление пищевых ресурсов, на-

ходящихся в самой природе; в производящем хозяйстве ведущее значение приобретает самостоятельное производство пищи с помощью орудий труда.

Однако эта трактовка не вполне точна и требует пояснения. Нельзя представлять себе присваивающее хозяйство как Эдем, где не надо прилагать никаких усилий и остается только срывать дары Божии.

Добывание пищи и в присваивающем и в производящем хозяйстве требует большого искусства, а также значительных затрат энергии и времени. Любой собиратель или охотник в известном смысле также «обрабатывает» свою территорию – следит за тем, чтобы поддерживалась численность эксплуатируемого вида (растений, животных). Обе системы опираются на использование орудий труда. В присваивающем хозяйстве они нередко более совершенны, чем в производящем. Изготовление и использование лука и стрел охотника основано на более сложных технологиях по сравнению с примитивными орудиями обработки почвы – палкой-копалкой и безлемешной сохой. В присваивающем хозяйстве, так же, как и в производящем, почти всегда присутствует определенная система землепользования. Территории собирательства или охоты маркируются, могут закрепляться за конкретными родами или общинами, так же, как участки пашни или пастбища в производящем. Например, каждый род у хантов и манси – коренного населения среднего и нижнего течения Оби – имел собственную маркировку лыж – стилизованное изображение тотема. По следу охотника каждый житель мог определить, не нарушил ли представитель какого-либо рода границ собственных родовых угодий. Нарушение правил жестко преследовалось.

Стоянки охотников и собирателей меняют местоположение не хаотично, а по маршрутам, закрепленным в коллективной памяти (то есть в культуре) многих поколений.

Наконец, даже в самом примитивном присваивающем хозяйстве создаются запасы, так же как в производящих хозяйствах. Как будет показано ниже, размер и характер запасов пищи являются одним из ведущих факторов формирования культуры и социальной структуры общества.

Принципиальное различие между производящим и присваивающим хозяйством сводится как минимум к трем пунктам:

– *в производящем хозяйстве происходит селекция наиболее продуктивных растений, животных, дающих максимальное количество потребляемой продукции в данных природных условиях (зерна, плодов, мяса, молока, и т. д.), в результате чего увеличивается количество продукта на «душу населения»;*

– *производящее хозяйство в большей степени, чем присваивающее, обеспечивает страховку от природных катаклизмов и их последствий – неурожаев, уменьшения количества животных, используемых в пищу;*

– *в производящем хозяйстве значительно большая часть усилий, времени и самого продукта уходит на поддержание и восстановление природного ресурса, являющегося основным источником пищи.*

Существует масса переходных форм ведения хозяйства (оленоводство, злаки у якутов). Охота, рыбная ловля и собирательство сохранялись у некоторых народов, ведущих производящее хозяйство, в качестве важного дополнительного источника ресурсов либо специального промысла, имеющего товарный характер. Так, например, такой элемент собирательства, как сбор грибов и ягод, в условиях аграрной культуры сохранился только у восточно-славянских и финно-угорских народов. В большинстве земледельческих культур «дикие» грибы в пищу не употребляются (Западная и Центральная Европа, Кавказ).

В некоторых традиционных культурах, в зависимости от состояния окружающей среды и прочих факторов, периодически происходило изменение типа хозяйства с присваивающего на производящее и наоборот. Например, на Северном Урале и в Зауралье, когда корма было достаточно, оленей пасли в стадах, а когда близлежащие пастбища почему-либо оскудевали, их отпускали «на вольные хлеба», чтобы затем снова отловить в тундре.

Другим важнейшим принципом классификации систем хозяйствования является их подразделение на экстенсивные и интенсивные.

Любое сообщество использует некоторые ресурсы. Основным ресурсом является территория; территория представляет ценность постольку, поскольку обладает возобновляемыми (леса, животный мир, чистая вода, почвы) и невозобновляемыми (полезные ископаемые) природными ресурсами. Специфическим видом ресурса является демографический потенциал, то есть прирост населения, который также «потребляется» системой в ходе освоения территории и природных ресурсов.

Интуитивно понятно, что каждый вид ресурсов в каждый момент времени бывает дефицитен, достаточен или даже избыточен для данного сообщества. Каков *практический критерий* этой *избыточности*, как отличить «дефицит» от «недефицита»? Таким критерием является *способность сообщества сохранять нынешний способ освоения ресурсов*, то есть способ производства с его основными технологиями, системой межличностных отношений и вообще всем комп-

лексом культуры, понимаемой в широком смысле слова как накопленный и передаваемый из поколения в поколение опыт адаптации к данной социальной и природной среде.

Экстенсивные системы и соответствующие им культуры – это те, которые могут сохранять данный способ жизнедеятельности практически без изменения, потому что в любой момент могут привлечь для этого необходимое количество ресурсов. Признаком экстенсивной культуры является не само по себе стремление к непрерывному вовлечению ресурсов – без этого ни одна культура существовать не может. Условием экстенсивного развития и одновременно признаком экстенсивной культуры является реальная возможность привлечения достаточного количества природных ресурсов в течение короткого периода, необходимого для того, чтобы снять противоречия внутри социума, возникающие в результате дефицита этих самых ресурсов.

Характерным признаком экстенсивной культуры является ограниченность круга используемых ресурсов. На данной территории в хозяйственном обороте находится, например, лес, или почва, или водные богатства (рыба); другие же виды ресурсов не используются вообще, или используются крайне ограниченно. В экстенсивных культурах, как правило, не вырабатываются способы и соответственно критерии наиболее эффективного освоения ресурсов, так как в этом просто не возникает необходимости. В экстенсивных культурах менее развито разделение труда, то есть проще социальная структура общества.

Наоборот, *интенсивные системы, развивающиеся в условиях постоянного дефицита основных видов ресурсов, вынуждены ориентироваться, прежде всего, на максимально эффективное их использование, вырабатывая соответствующие приемы и критерии. Из этой потребности развивается разделение труда и возникает сложная социальная структура. Именно необходимость адаптации в условиях постоянной ограниченности ресурсов обуславливает универсализм интенсивных культур в отношении ресурсов, то есть стремление максимально полно использовать самые разнообразные ресурсы, находящиеся на данной территории.*

Для понимания сущности различия между экстенсивным и интенсивным способами освоения среды весьма полезным оказывается понятие *антропогеоценоз*, предложенное выдающимся советским ученым антропологом В.П. Алексеевым, по аналогии с понятием *антропобиогеоценоз*, предложенного академиком В.П. Казначеевым [3, 315].

Каждое общество базируется на некоторой территории, обладающей определенными биологическими и минеральными ресурсами. *Антропобиогеоценоз – это сложная система, включающая в себя в качестве элементов совокупность всех видов животных и растений, в том числе человека, обитающих на определенной, относительно изолированной территории, все неорганические ресурсы, а также все потоки вещества и энергии между этими элементами.*

Для характеристики конкретного антропобиогеоценоза как системы, необходимо знать не только динамику численности человеческой популяции и популяций других видов, но и то, сколько и каких ресурсов потребляет каждый вид, и как его деятельность связана с деятельностью других видов (то есть каким образом различные виды потребляют продукты жизнедеятельности друг друга и какую роль в этом круговороте играет человек). В дальнейшем для краткости мы будем использовать термин «антропогеоценоз».

Как и любая система, *антропогеоценоз может находиться в равновесном и неравновесном состоянии. Первое означает, что он может существовать неограниченно долго (по крайней мере, теоретически), если не будет разрушительного внешнего воздействия или не исчерпается какой-либо невозполнимый ресурс. Неравновесное состояние системы означает, что ее функционирование не может гарантировать выживание всех или большинства видов и для сохранения основных популяций, включая человеческую, необходим приток ресурсов, не содержащихся в самом ценозе. Фактором нарушения равновесия в антропогеоценозе обычно служит либо деятельность самого населения, либо изменение природных условий, либо внешние завоевания.*

Не бывает абсолютно равновесных, так же, как и абсолютно неравновесных ценозов – это всего лишь «идеальные типы». Тем не менее большинство обществ в истории человечества на каждом этапе своего развития в той или иной степени соответствовало одной из этих моделей.

Интенсивным можно считать такое освоение среды человеческого сообщества, обитающего на данной территории, которое гарантирует равновесие антропогеоценоза на протяжении длительного периода (по крайней мере, нескольких десятков поколений). Экстенсивным является такая система освоения среды, которая предполагает либо непрерывный приток ресурсов из-за пределов данной территории, либо постоянное расширение границ осваиваемой территории, либо удаление значительной части отходов жизнедеятельности за ее пределы, либо постоянный отток населения. Очевидно, что могут действовать различные сочетания этих факторов.

Деление хозяйственных систем на *экстенсивные и интенсивные* достаточно условно, и в рамках каждого общества можно говорить лишь о преобладающей тенденции к интенсивному или экстенсивному характеру его развития. Хозяйство ни одного общества в течение всего периода его существования не бывает только интенсивным или экстенсивным. Как правило, на начальных этапах развития в любом обществе преобладают экстенсивные механизмы. С течением времени, по мере исчерпания возможностей экстенсивного развития усиливаются интенсивные механизмы. Однако длительное, в течение жизни многих поколений, а иногда и десятков поколений функционирование хозяйственной системы в качестве экстенсивной или интенсивной ведет к закреплению ее особенностей в культуре общества. Эти особенности становятся как бы ее генетическими признаками; отказ от глубинных качеств культуры очень болезненно сказывается на ее устойчивости и может угрожать существованию общества в целом.

Общества, развивающиеся экстенсивным путем, в конечном итоге сталкиваются с *кризисом экстенсивного развития*. Главной причиной его возникновения является дефицит или исчерпание основного ресурса, на котором базируется общество. Возможны разные варианты стратегии преодоления кризисного состояния.

Первая группа стратегий предполагает сохранение основ прежней технологии. К таким стратегиям относятся следующие меры.

- 1) Замедление естественного прироста и в дальнейшем сокращение численности населения.
- 2) Понижение норм потребления для основной массы населения. Это может вести к резкой дифференциации общества по уровню материального благосостояния при сохранении, а иногда и увеличении роскоши «элитных» слоев.
- 3) Внешняя экспансия, то есть попытка перемещения части населения на новые территории, при сохранении прежних технологий и социальной организации.

Другая группа стратегий опирается на изменение технологий.

- 1) Технологический скачок и повышение эффективности производства, позволяющие увеличивать численность населения, проживающего на той же самой территории.
- 2) Увеличение разнообразия используемых ресурсов.
- 3) Сохранение основ прежней технологии при *повышении значимости ресурсосберегающих ее составляющих* и усилении контроля над использованием основного ресурса.

Обычно используются различные сочетания этих стратегий, но одна из них становится доминирующей. Общества, как правило, пе-

реходят к технологическому скачку, «испробовав» предварительно ту или иную из альтернативных стратегий, прежде всего, сокращение естественного прироста (например, за счет инфантицида), внешнюю экспансию, режим жесткой экономии. Но даже попытка «законсервироваться» приводит в конечном итоге к тому, что рано или поздно общество сталкивается с другим обществом, которое пошло путем технологического скачка, и вынужденно или намеренно заимствует его достижения.

Особенностью современного этапа развития человеческой цивилизации, принципиально отличающей его от всех предыдущих этапов, является *формирование глобального антропогеоценоза*. Этот признак глобализации имеет гораздо большее значение, чем международное разделение труда или формирование сети Интернет. Суть его состоит в том, что в наше время ни одно общество не существует в основном за счет ресурсов его собственной территории. Подробнее на значении этого фактора мы остановимся в главе 5.

Иногда присваивающее (а также раннее производящее) хозяйство идентифицируется с экстенсивным, а производящее – с интенсивным типом освоения среды. Несомненно, что собирательство или подсечно-огневое земледелие чаще всего бывают экстенсивными. Тем не менее их полная идентификация неправомерна.

Присваивающее/производящее хозяйство и экстенсивность/интенсивность освоения среды – это два разных принципа классификации хозяйств, культур и обществ.

Так, например, антропологам хорошо известно, что далеко не все культуры охотников и собирателей были способны на протяжении длительного времени поддерживать необходимую численность ресурса, на котором базировалась их культура. Животный и растительный мир истощался нередко в течение жизни двух-трех поколений, после чего сообщество вынуждено было перекочевывать на новое место. С другой стороны, в рамках того же присваивающего хозяйства известны антропогеоценозы, существовавшие столетиями, если не тысячелетиями, без нарушения экологического баланса.

Примером экстенсивного освоения среды в условиях присваивающего хозяйства является первоначальное расселение аборигенных народов Америки. Проникнув на континент примерно за 20 тыс. лет до н. э. через сухопутный мост в районе современного Берингова пролива, они в течение примерно 5 тыс. лет достигли южной оконечности материка, проделав путь около 15 тыс. км. Нетрудно подсчитать, что скорость распространения популяции человека достигала 300 км в течение 100 лет. Даже широтная миграция составляла примерно

150 км за сто лет. Это означало, что практически каждое второе поколение мигрировало в новые, неосвоенные места. Конечно, их гнала не жажда новых впечатлений, а элементарный голод, связанный с исчерпанием или ограниченностью пищевых ресурсов.

Примером интенсивного присваивающего хозяйства являются охотники на морского зверя северного побережья Евразии и Америки. Дальние родственники тех, кто тысячелетия назад двинулись на восток, а затем на юг в поисках лучшей доли, все эти годы продолжали охотиться на морского зверя, обеспечивая выживание своей популяции. Для этого им пришлось разработать целый культурный комплекс, не только обеспечивавший воспроизводство поголовья морских млекопитающих, но и ограничивающий рост собственной популяции (например, инфантицид). Этот антропогеоценоз не надо идеализировать – колебания численности морского зверя, связанные с природными факторами, нередко приводили к почти полному вымиранию популяции людей. Тем не менее выживание в течение десятков тысяч лет, безусловно, свидетельствует об эффективности этой системы.

Точно так же нельзя отождествлять развитые системы земледелия с интенсивным освоением среды. Так, например, достаточно продвинутая система земледелия в тропиках в течение многих столетий составляла основу Российского государства – одной из самых экстенсивных систем освоения среды в истории человечества.

Между обществами, основанными на присваивающей и производящей организации хозяйства, на интенсивном и экстенсивном способе освоения среды, существуют коренные различия, которые влияют буквально на все формы культуры, включая верования, обрядность, социальную организацию, нормы поведения, эстетические ценности. Поэтому можно говорить не только о различиях в способе освоения среды, но и об экстенсивных и интенсивных культурах.

Остановимся на некоторых важных моментах, по которым различаются общества и их культуры.

1) Огромную роль в развитии культуры играет *демографический фактор*. Возникновение нового способа производства многократно увеличивает объем жизнеобеспечивающих ценностей, увеличивая тем самым плотность населения. Соответственно резко поднимается естественный прирост, как за счет увеличения детородного периода женщин, так и за счет уменьшения детской смертности. Однако плотность населения при данном уровне производства не может возрастать бесконечно. Рано или поздно наступает момент, когда сложившийся уровень производства не может обеспечить сохранение преж-

него уровня потребления. Наступает кризис технологии, а с ним и кризис культуры.

В большинстве случаев присваивающее хозяйство позволяет прокормить лишь очень немногочисленное население. Так, по данным этноэкологов, *максимальная допустимая плотность населения охотников и собирателей побережья Северного Ледовитого Океана* составляла 1–2 чел. на кв. км; примерно такая же плотность населения была у аборигенов Австралии до вселения туда европейцев. Небольшая очажная группа (не более 10 человек) обычно кормилась с площади в несколько десятков квадратных километров. В более благоприятных климатических условиях плотность населения была выше; однако она была того же порядка.

Переход к производящему хозяйству (земледелие, скотоводство) позволял увеличивать плотность населения на тех же самых территориях на 1–2 порядка. Это изменение имело решающее значение для всей социальной организации и культуры. В условиях присваивающего хозяйства небольшие группы людей были отделены друг от друга значительными расстояниями, составлявшими от нескольких километров до нескольких десятков километров. Это затрудняло развитие сколько-нибудь сложных социальных структур и институтов и, кроме того, не давало возможности накапливать социальный опыт (то есть формировать культуру) достаточно многочисленных популяций. Наиболее наглядно это отражается в языке – этнографы давно заметили, что соседствующие группы охотников-собирателей часто говорят на похожих, хотя и отличных языках. В результате в географически удаленных друг от друга точках единого пространства люди вообще с трудом могут понимать друг друга. На основе этих наблюдений была сформулирована гипотеза «лингвистической непрерывности», согласно которой в обществах присваивающего хозяйства каждое из локальных сообществ, включавших в себя несколько очажных групп, имело свой язык. Два соседствующих сообщества говорили на разных, но понятных друг другу языках. Чем больше было расстояние между двумя группами, чем больше было между ними «посредников», тем меньше было сходство языков. В результате два локальных сообщества, находившихся на удаленных точках одного и того же ареала (например, на противоположных «берегах» австралийской пустыни или на разных концах побережья Северного Ледовитого Океана), имели совершенно разные языки.

2) Важнейшее влияние на протекание культурных процессов оказывал *характер расселения*, в частности, такой показатель, как устойчивость населенных пунктов. Присваивающее хозяйство охотников

и собирателей дает меньше оснований для формирования устойчивых поселений, чем оседлое земледелие. Действительно, данные археологии показывают, что их стоянки редко носили долговременный характер – им постоянно приходилось менять место обитания в поисках новых ресурсов.

В меньшей степени это относилось к ранним формам скотоводства и земледелия. Племена, занимавшиеся подсечно-огневым земледелием, как правило, вынуждены были раз в несколько лет перебираться на другое место по мере истощения почв на старом пожоге. Скотоводы должны были перекочевывать на новые пастбища по мере истощения старых.

Однако решающее влияние на устойчивость поселений оказывал не столько тип хозяйства, сколько интенсивный или экстенсивный характер освоения среды. Например, на берегах Амазонки существовали постоянные поселения рыболовов, поскольку ресурсы великой реки позволяли выживать в течение многих столетий, не меняя местоположения (в рамках того же самого антропогеоценоза). Охотники, рыболовы и собиратели среднего и нижнего течения Оби до прихода туда русских купцов также имели достаточно стабильные поселения («города»), где они проводили зиму. Население таких «городов» могло составлять до нескольких сотен человек. Летом же значительная часть семей и, прежде всего мужчины, уходила на рыбный или охотничий промысел в отдаленные (но определенные, закрепленные за каждым родом или семьей) «летние» поселения.

Примерно так же был организован быт отгонных скотоводов в горной местности. Еще в первой половине XX в. в Горном Алтае зимние поселения в нижнем течении рек летом практически пусты – семьи, включая женщин и старших детей, уходили вместе со стадами на «верховые» пастбища и возвращались на зимние стоянки только поздней осенью. Именно эти зимние стоянки уже при Советской власти превратились в постоянные поселения, а кочевать со стадами выпало на долю мужчин. Вероятно, несколькими веками раньше подобные же процессы протекали в горах Кавказа.

Миграции скотоводческого и земледельческого населения совсем не обязательно означали полной смены антропогеоценоза. Как пастбища, так и пожоги, могли в течение нескольких десятилетий перемещаться по маршрутам, близким к кольцевым. Кочевники с определенной периодичностью возвращались на одни и те же стоянки (якуты-коневоды в XVI–XVII вв.). А лесные земледельцы могли вообще не менять положения своей деревни, сделав ее как бы центром циркуляции полей.

Зато экстенсивное освоение территории однозначно требовало постоянной миграции, часто связанной не просто с изменением местоположения поселения, но и со сменой климатических поясов. Примеров тому в истории более чем достаточно. Это и уже упоминавшееся первоначальное освоение охотниками и собирателями Америки (20–15 тыс. лет до н. э.), и расселение русского крестьянства на необъятных просторах Евразии в XVI–XX вв. от Архангельска до Тихого океана, Турции и Афганистана.

Очевидно, что «линейные» миграции, свидетельствующие об экстенсивном характере культуры, затрудняют и замедляют формирование устойчивого культурного комплекса, так как локальные общности при этом менее устойчивы по составу. В процессе расселения группы обычно делятся, в них могут вливаться новые члены, что также препятствует формированию устойчивых локальных сообществ, а, следовательно, и формированию устойчивых культурных комплексов.

Технологические кризисы наблюдались не только при переходе от присваивающего хозяйства к производящему, но и на более поздних этапах. Так, относительно примитивные технологии ранних обществ производящего хозяйства на определенных этапах переставали обеспечивать потребности возросшего населения в Европе (XIV–XVI вв.), Китае (X–XI вв.), России (XIX в.). Подобные ситуации складываются и в современном мире. В частности, прирост численности населения Земли в пять–шесть раз, произошедший в течение XX века, создает проблемы, затрагивающие уже не отдельные общества, но все человечество в целом.

3) От типа хозяйства во многом зависит *система норм, регулирующих отношения обмена и распределения*, соответствующая уровню производства, историческим традициям, социальной структуре и внешним связям данного общества. Любое нарушение антропогеоценоза вызывает необходимость изменения системы норм, регулирующих обмен и распределение. Так, переход от присваивающего хозяйства к раннему производящему потребовал развития системы дарообменных межродовых отношений, дополняющих, а впоследствии и замещающих, распределительные отношения, превалировавшие в рамках очажных групп. Становление индустриального общества, основанного на разделении труда и массовом производстве, привело к тому, что рыночный обмен, игравший до этого далеко не ведущую роль в антропогеоценозе, превращается в одну из ведущих форм распределения не только престижных, но и жизнеобеспечивающих ценностей.

Вместе с тем новые формы обмена и распределения, как правило, не отменяют более ранних форм. Инерция культуры сохраняет их в отдельных сферах жизнедеятельности. Как отмечают многие исследователи, в современном мире не существует обществ, основанных исключительно на одной из форм обмена и распределения. В недрах наиболее «рыночных» обществ в качестве их важнейших элементов сохраняются дарообменные и распределительные отношения. Каждое относительно самостоятельно общество обладает собственным специфическим набором норм, регулирующих обмен и распределение. Эта система норм определяется историческими особенностями развития общества. Она довольно устойчива. Невозможно в исторически короткий срок поменять эту систему без того, чтобы не разрушить общество. Попытки «внедрения» чуждых систем всегда заканчиваются тем, что в форме новых распределительных систем продолжают проявляться старые. Так, попытка широкой инкорпорации рыночных отношений, занимавших относительно небольшую нишу при социализме, в постсоветскую экономику привела к тому, что распределительные отношения были воспроизведены в псевдорыночных формах (пресловутая «приватизация»). Это не означает, что система распределительных отношений неизменна и вечна. Но это значит, что рыночная экономика не может возникнуть в течение одного-двух лет. Требуется достаточно длительный период для ее постепенного формирования.

4) Тип хозяйства определяет *социальную структуру* общества. В зависимости от того, является ли хозяйство присваивающим или производящим, базирующееся на нем общество состоит из очажных групп, родов, расширенных или парных семей. Разную роль в нем играют территориальные группы. Интенсивный или экстенсивный характер хозяйства влияет на то, насколько жестко определены границы между основными элементами социальной структуры. В экстенсивных обществах границы между элементами социальной структуры более проницаемы; по мере интенсификации они становятся более жесткими. Это связано с тем, что в интенсивных системах хозяйства усиливается конкуренция из-за основных ресурсов и каждая социальная группа, составляющая это общество, стремится контролировать свою часть ресурса.

5) Наконец, в зависимости от типа хозяйства находится *характер социальных норм*, господствующих в обществе. В интенсивных культурах основные нормы, регулирующие взаимоотношения индивидов и групп, носят более четкий и определенный характер, чем в экстенсивных. Это также связано с необходимостью регулирования конку-

ренции по поводу основных ресурсов. Эти особенности мы рассмотрим в последующих главах.

2.2. Преполитарные общества

2.2.1. Ранние этапы присваивающего хозяйства

Примерно 12–15 тыс. лет назад на значительной территории Ойкумены произошла так называемая *неолитическая революция*, означавшая переход от присваивающего к производящему хозяйству. Она охватила далеко не все население Земли – многие популяции не вступили в этот этап и к началу XX века.

В результате этой революции на тех же самых территориях Европы, Центральной и Восточной Азии, Северной Африки, Восточного Средиземноморья численность населения возросла примерно на два порядка – настолько более эффективным стало производство пищи. Аналогичные изменения в Америке, ввиду ее более позднего заселения человеком, произошли примерно на 10 тыс. лет позже.

Но изменилась не только численность населения. Вместе с ней окончательно сформировалась *родоплеменная структура* общества, не потерявшая в некоторых обществах своего значения по сей момент. Формирование этой структуры было тесно связано с возрастанием объема производимой пищи и других продуктов, с развитием распределительных и обменных отношений. Родоплеменные структуры преобладают в обществах развитого присваивающего хозяйства и раннего производящего хозяйства. Развитие производящего хозяйства приводит к возникновению аграрных политарных обществ, появление которых связано с возникновением городов. Однако и в политарных обществах родовые структуры не сразу утрачивают значение, а иногда (как, например, в Китае) в модифицированной форме сохраняются на протяжении всей их истории.

Условно можно выделить три этапа развития родоплеменной структуры:

1. Этап *формирования*, когда на базе очажных групп начинают складываться родовые и локальные группы;
2. Этап *развитого* родоплеменного общества;
3. Поздние этапы, *переход к политарному обществу*.

Несмотря на огромное разнообразие природно-климатических и социальных условий, принципы организации родоплеменного общества у разных народов, в разных регионах Земли, в разные времена в значительной степени сходны. Еще основатель научного эволюционизма Л. Морган в 70-х годах XIX в. отмечал, что социальная

структура аналогична у современных ему американских индейцев-ирокезов, в древнегреческом обществе периода расцвета и в германском обществе раннего Средневековья. Это глубинное сходство у народов, которые не могли контактировать друг с другом на протяжении многих сотен и даже тысяч лет, позволяет говорить о существовании универсальной или почти универсальной системы организации различных обществ на определенных этапах исторического развития.

Для характеристик этих структур необходимо ввести два понятия – *жизнеобеспечивающий и прибавочный («избыточный») продукт*.

Наиболее распространенная трактовка понятия «жизнеобеспечивающий продукт» – это продукт, необходимый для биологического выживания (простого воспроизводства) данной популяции в течение определенного отрезка времени (например, сезона). Сюда включаются, прежде всего, пищевые продукты, а также топливо, необходимое для приготовления пищи и защиты от влияния внешней среды. Объем жизнеобеспечивающего продукта подсчитывается в калориях и допускает достаточно точное вычисление для каждой климатической зоны и типа хозяйства. Такое определение не учитывает, однако, естественного прироста населения, и поэтому лучше использовать термин *минимальный жизнеобеспечивающий продукт*. *Оптимальный жизнеобеспечивающий продукт* – это продукт, необходимый для расширенного воспроизводства популяции, не ведущего к нарушению антропогеоценоза. *Избыточный (прибавочный) продукт* – это продукт, производимый сверх оптимального жизнеобеспечивающего продукта. В любой даже самой примитивной культуре производятся вещи, строго говоря, не являющиеся необходимыми для чисто физического выживания, но имеющие огромное значение для поддержания социальной структуры, для отправления культа и т. д.

В экономической антропологии используются специальные методы для измерения объемов жизнеобеспечивающего продукта и его соотношения с избыточным продуктом. Жизнеобеспечивающий продукт измеряется в калориях. Его объем представляет собой сумму калорий пищи и топлива, необходимых для выживания популяции в режиме простого (расширенного) воспроизводства. В основе измерения *соотношения* этих двух видов продукта лежат временные затраты на производство продуктов каждого вида.

Следует подчеркнуть, что относительно строго данные величины могут быть определены только для присваивающего и раннего производящего хозяйства. Но даже и там возникают проблемы. Изготовле-

ние лука, безусловно, можно отнести к затратам на обеспечение выживания. А как можно расценивать время, затраченное на нанесение узора на древко лука? Выделять его в «отдельную статью» или включать в общие затраты на изготовление лука? Если использовать шкалу времени, то для поздних аграрных, а также для индустриальных обществ эти понятия вообще вряд ли можно строго определить, а соответствующие переменные – измерить. Действительно, изготовление железнодорожного локомотива – это затраты на обеспечение жизненного цикла или «избыточные» затраты? Однако в практических целях для развитых обществ также рассчитываются объемы энергии, необходимые для биологического выживания (в калориях); следует, однако, понимать условность данных расчетов.

Социальная структура *раннего присваивающего* хозяйства изучена плохо, поскольку такие общества почти не сохранились к середине XIX века, когда начались систематические антропологические исследования. Выводы о ней делаются по наблюдениям за отдельными сообществами в экстремальных условиях (полупустыни Австралии, побережье северных морей, глубинные районы тропического леса Америки – сельвы), а также на основе археологических раскопок и данных этноэкологического анализа. По этим источникам удастся составить общую картину указанных обществ.

Как уже отмечалось, плотность расселения на ранних этапах развития присваивающего хозяйства была крайне низка. Относительно эндогамные сообщества («племена») численностью от десятков до нескольких сотен человек (200–400) кочевали на огромных территориях, составлявших от нескольких тысяч до десятков тысяч квадратных километров. Ячейками таких обществ были небольшие группы (5–8 человек), концентрировавшиеся либо вокруг мужчины охотника, либо вокруг женщины хранительницы очага. Основной технологией, кроме охоты и сбора, было приготовление пищи. Им в основном занимались женщины. Поэтому естественно складывались *очажные группы*, включавшие в себя старшую женщину-мать, ее детей и внуков.

Очевидно, что уже на самых ранних этапах развития человеческого общества действовали социальные механизмы, ограничивающие близкородственные браки. Женщины и мужчины, вступающие в брак, должны были принадлежать к разным территориальным группам. Глубина ограничения инцеста зависела от глубины социальной памяти. В условиях неразвитости языка, малочисленности популяций и огромных расстояний, разделявших отдельные группы, такие ограничения сохранялись, очевидно, только до тех пор, пока

были живы представители старшего из живущих поколений, или немногим дольше, то есть реально в течение жизни 3–4 поколений (до 100 лет).

В особо благоприятных условиях даже в обществах ранних собирателей могли создаваться временные относительно многочисленные поселки (до 50 чел.), включавшие в себя несколько очажных групп.

Эта протосоциальная организация, как видим, была жестко обусловлена экологическими факторами, то есть требованиями физического выживания популяции. Естественно, что ни о каком индивидуализме и рыночных отношениях в таких сообществах не могло быть и речи – все подчинялось интересам популяции (сообщества) в целом.

Практически всё, производимое в таких обществах, составляло минимальный жизнеобеспечивающий продукт. Одним из принципов распределения на этом этапе, скорее всего, был *разбор* и *дачеделез* (см. § 1.4). Разбор предполагает немедленное потребление всего произведенного и тем самым исключает какие-либо отношения, опосредованные передачей продуктов, дарением или другой формой обмена. Добытчик при разборных отношениях не только не имеет преимущественного права на «лучший кусок» добытого им продукта; наоборот, он зачастую получает свою долю в последнюю очередь.

Разбор является наиболее полным, когда добыча едва покрывает текущие нужды или даже ниже их. Даже в самых отсталых обществах, сохранившихся до начала XX века, разборные отношения нигде не наблюдались как исключительные или преобладающие – они возобновлялись в экстремальных условиях (голод). Каждый может взять столько, сколько надо для пропитания, независимо от того, участвовал ли он в охоте. При этом запасы, орудия, личные вещи находятся в распоряжении отдельной семьи.

Разбор мог реализоваться в разных формах, в зависимости от физических свойств продукта – в форме передачи по кругу общего котла или поочередного кусания.

Преобладание отношений разбора было вызвано двумя факторами. Во-первых, необходимостью сохранения группы как социальной единицы, поскольку в одиночку не только индивид, но и брачная пара выжить не могли. Во-вторых, тем фактом, что значительная часть пищевых продуктов не могла сохраняться, поскольку технологии консервирования не были известны, или слишком трудоемки. Например, копчение требует большого количества топлива, которое могло быть в дефиците. Поэтому обычно *предметом разбора* становились продукты, добытые в результате рыбалки или охоты, но не

собираательства. Продукты собирательства (семена, корни, грибы и т. д.) могли храниться значительно дольше, поэтому к ним обычно применялись другие принципы распределения.

Даже в более развитых обществах, где преобладали иные принципы распределения (статусное распределение, дарообмен и т. д.) отношения разбора сохранялись и проявлялись в следующих формах:

- совместное потребление пищи в голодные времена;
- потребление уникальной добычи – размерами, редкостью и т. д. (например, поимка очень крупного тюленя);
- обычай повседневного поочередного приготовления пищи;
- система приготовления пищи, при которой котел с пищей стоит на костре, принадлежащем главе рода; все члены локальной общности подходят и бросают в него свою добычу, а затем берут из него сколько нужно.

В обществах, обладавших минимальным количеством избыточного продукта, кроме разборных отношений, присутствовали, видимо, отношения безвозмездной передачи, раздела, статусного распределения (как прямого – чем выше статус, тем больше получаешь, так и обратного, когда первыми к разделу допускались наименее статусные члены группы – дети). В таких обществах совершенно отсутствовали, либо были крайне неразвиты дарообменные отношения. Естественно, не могли в них возникать и рыночные отношения.

Трудовые затраты на добычу жизнеобеспечивающего продукта, по данным исследований, в обществах присваивающего хозяйства были относительно невелики и составляли порядка 2–4 часов в сутки, поднимаясь до уровня 6–8 часов лишь в исключительных случаях. По всей видимости, это связано с тем, что члены таких сообществ не стремились к производству избыточного продукта, отчасти интуитивно ориентируясь на поддержание экологического равновесия, отчасти не имея потребности в обладании избыточным продуктом. Такая потребность, как мы покажем ниже, появляется только с развитием родовых структур.

Наблюдения за отношениями разбора и безвозмездной передачи («жертвования») в родовых обществах, а также их пережитков в родовых обществах, породили теорию *первичного изобилия и первобытного коммунизма*. Многочисленные исследования показали, что *первобытный коммунизм* (то есть отсутствие принципов эквивалентного и квазиэквивалентного обмена) связан не с первичным изобилием, а, наоборот, с крайней ограниченностью ресурсов. Видимо, ни одно из первобытных сообществ не находилось постоянно в ситуации недостатка или избытка жизнеобеспечивающего продукта. Действо-

вавшие в них механизмы распределения были гарантией выживания сообществ в ситуациях неустойчивого и негарантированного притока пищи и топлива.

Пережитки разборных отношений долгое время сохранялись в качестве ритуала даже после того, как переставала существовать породившая их социальная система. У многих народов наблюдался обычай, когда в случае голода можно было брать пищу у соседа, соплеменника. По русскому обычному праву, можно было взять любой плод с соседского огорода, если он употреблялся только для еды, а не для продажи – это не считалось воровством.

Поскольку даже в присваивающих хозяйствах позднего периода такие образцы поведения сохранялись скорее как пережиток, возникали обычаи тайного поедания пищи отдельными семьями и упрятывания орудий труда. Иногда разборные отношения распространялись и на непищевые продукты. Среди эскимосов существовал обычай, согласно которому можно было взять вещь у родственника, поставив хозяина в известность (например, рыболовную сеть, если ею в данный момент не пользуется хозяин). Такое «заимствование» по времени не должно было превышать полудня, хотя жестких норм, приводящих к «формальным санкциям», не было.

2.2.2. Социальная структура и распределение в развитом родовом обществе

Увеличение плотности населения и производства избыточного продукта привело к формированию родоплеменного общества. Родовые группы изначально, видимо, складывались на основе очажных групп, вынужденных расселяться вблизи друг друга. Это способствовало институционализации процессов распределения основных природных ресурсов (угодий) и обмена брачными партнерами. Структура родоплеменного общества наиболее характерна для развитого присваивающего хозяйства и раннего производящего хозяйства.

Формирование этой социальной структуры происходило под влиянием следующих факторов:

- возросший объем производимого избыточного продукта;
- создание устойчивых запасов продовольствия;
- развитие технологий приготовления пищи;
- повышение эффективности использования энергии горения;
- развитие навыков изготовления многократно используемых орудий труда;
- развитие престижной экономики, то есть выделение специального класса продуктов, имеющих символическое значение и исполь-

зуемых исключительно или почти исключительно в качестве подарков;

– увеличение абсолютной численности племенных групп и плотности населения, то есть исчерпание возможностей экстенсивного освоения среды.

Социальная структура в обществах подобного типа многомерна, и опирается на три важнейших признака:

- принадлежность к роду;
- принадлежность к локальной группе;
- половозрастная принадлежность.

Родовая дифференциация

Род – это существующая в течение жизни как минимум нескольких поколений социальная группа, состоящая из прямых потомков по отцовской или материнской линии, внутри которой запрещены браки.

Для институционализации рода необходимо, чтобы осознание принадлежности к данной родовой группе сохранялось и после смерти ее «основателя». Эту функцию выполнял *тотем* – мифический основатель рода, и одновременно его символ. Тотемами обычно были какие-либо животные (орел, медведь и т. д.). Считалось, что дух «изначального» предка переселяется в действующего главу рода. Система верований, основанная на идее переселения душ предков в потомков в рамках рода, и соответствующих этой идее обрядов называется *тотемизмом*.

Наследование принадлежности к роду может происходить по материнской линии (матрилинейный род), по отцовской линии (патрилинейный род). В патрилинейных родах запрещены браки с родственниками по отцовской линии, в матрилинейных – по материнской.

Однако запрещение может по-разному сочетаться с правилами подбора брачного партнера. В матрилинейной системе мужчине может *предписываться* вступление в брак с родственницей по отцовской линии. С другой стороны, выбор может быть *относительно свободным* при условии, что соблюдается родовая экзогамия. Наконец, правила могут запрещать или ограничивать брачные контакты с одними родами и, наоборот, разрешать или приветствовать – с другими.

Экзогамия контролировалась по той линии, по которой считалось родство. Поэтому нередки были браки двоюродных брата и сестры по материнской линии, если определяющим был отцовский род, и наоборот – по отцовской линии, если преобладал материнский род. Более того, эти браки поощрялись, так как позволяли сохранить «свой круг» при передаче материальных ценностей от поколения к поколе-

нию. Этот фактор приобрел особое значение тогда, когда начал формироваться институт родовой, а затем и семейной собственности. Кросскузенные браки позволяли оставлять собственность в распоряжении определенной группы людей на протяжении многих поколений.

На основе межродовых отношений формировалась *система родства*, зафиксированная в терминах *родства*. Та система, которой пользуются русские и другие народы Европы, называется описательной. *Описательная система родства* возникла только после полного распада родового строя, когда основной ячейкой общества стала семья, основанная на браке. Родство в ней определяется по отношению к конкретному индивиду. Определенным термином обозначается каждый отдельный индивид, а не социальная общность родственников или свойственников. Совокупность родственников, обозначаемых одним и тем же термином, представляет собой только социальную категорию, но не социальную общность (группу). Например, братья и сестры матери и отца обозначаются одинаковыми терминами «дядя» или «тетя», независимо от того, являются ли они родственниками отца или матери. Наиболее близкими в социальном отношении родственниками ребенка считаются мать и отец.

В родовом обществе используется *классификационная система родства*, которая, в отличие от описательной, характеризует отношения между родами, а не между индивидами. Это отражается в терминах родства. Все братья по материнской линии, в случае материнского рода, назывались одинаковыми терминами; так же, как все сестры по отцовской. Сестра отца называется «женский отец», брат матери – «мужская мать» и так далее. В обществе с матрилинейным счетом родства ближайшим мужским родственником считается не родной отец, а брат матери (если таковой есть) или другой ее ближайший родственник. Таким образом, в классификационной системе все индивиды, обозначаемые одинаковым термином, составляют реальную социальную общность, то есть связаны друг с другом родственными отношениями и принадлежат к определенной социальной группе (роду). Рудименты этой системы сохраняются во многих языках.

Родовое устройство общества порождает такие обычаи, как *левират* – обязанность старшего из неженатых братьев взять в жены вдову умершего брата, и *сорорат* – обязанность жениться на сестре жены в случае смерти жены. Это делается для того, чтобы сохранить устойчивые межродовые отношения, в частности, чтобы все дети данной женщины принадлежали к одному и тому же роду (либо ее, либо всех ее мужей). Кроме того, такие правила упрощают имущественные отношения между родами и понижают возможность воз-

никновения конфликтов по поводу имущества одного из родов, переданного в процессе свадьбы в распоряжение другого рода.

Многие исследователи считают материнский род более древним, чем отцовский; он преобладал, пока основным продуктом, производимым в сообществе, была пища, а основной технологией – ее приготовление.

С переходом к производящему хозяйству увеличивается доля трудозатрат на производство орудий труда, которым традиционно занимались мужчины. Именно с этим фактором некоторые антропологи связывают возникновение, а затем и превалирование мужского (патрилинейного) рода. Кроме того, переход к мужскому роду, скорее всего, был связан с увеличением плотности населения и необходимостью закрепления родовой собственности на участки для собирательства и на охотничьи угодья. Поскольку оборонительные функции чаще исполняли мужчины, именно родовые мужские дома стали нести основную ответственность за сохранность угодий, и поэтому именно по мужской линии стало передаваться родство.

Однако существует и другое мнение, что отцовский и материнский роды – это не последовательные этапы, а варианты родовой организации, возникающие примерно на одинаковом уровне развития хозяйства.

Материнский род нельзя путать с матриархатом. Наследование по женской линии не означает автоматически власти женщин, поскольку основными добытчиками все равно оставались мужчины. Матрилинейных обществ в истории известно множество, а матриархальных – единицы [69, 57].

Таким образом, род являлся важным элементом социальной структуры развитого преполитарного общества. Вместе с тем род не мог быть ни основной хозяйственной ячейкой, ни ячейкой демографического воспроизводства общества. Для достижения обеих этих целей необходимы брачные пары, а они, ввиду экзогамности рода, в нем отсутствовали.

Локальная (территориальная) дифференциация

Формирование оседлых поселений неизбежно создает территориальную общину, которая становится социальной единицей, наряду с родом. Первоначально территориальные общины формировались по родовому принципу, поскольку происходили они из очажных групп. Мужчины из других родов навещали женщин, но жили в своей среде. По мере укрепления оседлости, перехода к производящему хозяйству и развития института парной семьи «чистые» родо-

вые поселения в большинстве культур исчезли, однако локализация родов в отдельных поселениях сохранялась.

Роды и локальные общности были связаны друг с другом сетью отношений, основой которых был обмен пищевыми и непищевыми продуктами. При этом межродовой и внутривидовой обмен совершался по разным правилам и играл разную роль в жизни общества. Относительно замкнутая система родовых групп и локальных поселений, внутри которой в основном происходил обмен, называется *племенем*.

Простейшей формой организации племени является *дуальная организация*. Основой дуальной организации является существование двух экзогамных родовых групп. Впоследствии роды дробятся, возникает множество родов.

Фратрия – это наиболее крупное объединение родов внутри племени или племенного союза, как правило – экзогамное; обычно в племени было не более 2–4 фратрий, это остатки первоначальных родов, составлявших дуальную организацию. В отличие от рода, который является, прежде всего, социальной категорией, определяющей правила подбора брачного партнера и передачи имущества при заключении брака, фратрия – это результат договора между родами для совместного ведения военных действий. Поэтому общность происхождения родов, входящих во фратрию, могла быть не только реальной, но и фиктивной. Эта общность обычно закреплялась в мифах, повествующих о дружеских отношениях между животными (или другими существами), являвшимися тотемами родов.

По мере институционализации родов, утраты памяти о *давнем* общем предке, появления и закрепления родовых тотемов особое значение приобретает *линидж* – группа прямых потомков *ныне живущего* или недавно умершего предка. Линиджи могут со временем превращаться в род.

Члены одного рода могут жить на больших расстояниях друг от друга и не иметь реальных возможностей для повседневного общения. В отличие от этого, линидж и фратрия – реальные целевые социальные группы. Члены линиджа живут по соседству друг с другом, и поэтому именно они оказывают повседневную помощь друг другу, а также совместно организуют трудовую деятельность.

Половозрастная дифференциация

В родовых обществах четко выделялись две социальные категории – взрослые мужчины и женщины с детьми. Разделение это не было только символическим. Женско-детская и мужская группа за-

частую жили в разных помещениях или в разных «отсеках» одного и того же помещения, если вся община жила в одном помещении. По всей видимости, нередким было и раздельное питание. Это разделение по половозрастному признаку могло быть не постоянным, а охватывать лишь относительно продолжительные промежутки времени, например, сезоны. Причинами такого разделения могло быть то, что мужская и женская части взрослого населения локальной общины представляли разные роды.

Мужчины и женщины были обособлены и в производственном отношении. Хозяйство присваивающей культуры всегда опирается на два источника пищи – охоту и собирательство. У отдельных групп в разные периоды времени одно из этих занятий могло становиться приоритетным, но всегда присутствовали обе эти «отрасли».

Общая закономерность состоит в том, что охота была почти исключительно занятием мужчин, в то время как собирательство – женщин. Причины такого разделения труда до конца не выяснены, однако вряд ли оно было связано с тем, что женщины более слабы. По выносливости женщины нередко превосходили мужчин. Существует даже гипотеза, что это связано с физиологическими особенностями женского организма, в частности, с наличием менструального цикла, поскольку хищные животные остро реагируют на запахи крови.

В некоторых (но далеко не во всех) обществах «половая специализация» распространилась затем и на скотоводство и земледелие: скотоводами чаще были мужчины, в земледелии в гораздо большей степени были задействованы женщины (хотя это правило нельзя абсолютизировать – нередко было и наоборот). Например, в русской деревне второй половины XIX века мужчина в общем сельскохозяйственном цикле выполнял в основном работы, связанные с использованием лошади, – пахоту, вывоз удобрений; на всех остальных процедурах были заняты либо совместно мужчины и женщины, либо почти исключительно женщины.

Наконец, продукты мужского и женского труда играли различную социальную роль и по-разному перераспределялись в обществе. Продукты женского труда (собирательство) шли в основном в личное потребление брачных пар, то есть в межродовой обмен. Продукты мужского труда – в раздел и в дарообмен, то есть выполняли более сложные функции.

Важным элементом социальной структуры родового общества были *мужские союзы*. Этот институт в той или иной форме существовал во всех родовых обществах. Изначально его возникновение было связано с обрядом инициации (посвящением юношей во взрослые).

В родовых обществах инициация мальчиков проводилась обычно не ежегодно, а раз в несколько лет. Когорта юношей, одновременно прошедших обряд инициации, составляла сплоченную группу. В эту группу входили представители разных родов, однако принадлежность к этой группе часто имела не меньшее значение, чем принадлежность к роду или линиджу. Социальные связи внутри мужского союза особенно сильны до вступления в брак; однако они не прекращались и после бракосочетания. Раз в несколько лет, по мере формирования новых когорт, социальный статус более ранних когорт повышался. Таким образом, складывалась иерархия когорт внутри мужского союза. Первоначально эта иерархия связывалась только с возрастом. Однако впоследствии, по мере кристаллизации статусов в родовом обществе и переходе его на поздние этапы развития, статус в мужских союзах приобрел политическое и экономическое значение. Стала возможной «покупка» высокого статуса в союзе за счет внесения определенного количества престижных ценностей. Сын вождя или состоятельного человека (владельца большого количества престижных ценностей) мог даже в юном возрасте оказаться в старшей возрастной когорте.

Основные формы обменных отношений в развитом родовом обществе

Социальные отношения в обществах, основанных на развитом присваивающем и раннем производящем хозяйстве, во многом определяются долей избыточного продукта в общем объеме производимых материальных ценностей, то есть в конечном итоге производительностью труда. Отсутствие избыточного продукта, незначительность его размера, а также нерегулярность пищевых запасов, связанная с колебаниями климата, не позволяют развиваться сложным социальным структурам, да и не вызывают их необходимости.

Производство избыточного продукта влечёт за собой возникновение отношений *дарения* и *дележа*. Невозможность долговременного хранения избыточных пищевых продуктов в коллективных хранилищах порождала необходимость его раздачи отдельным членам общины. Они становились распорядителями определенной части «кратковременных пищевых запасов». Увеличение объема избыточного продукта, превращение его из переменного в постоянный фактор, формируют принципиально новые отношения в сфере обмена и распределения материальных ценностей. К ним относятся:

– *раздел (дележ)* – распределение части (или всего) продукта, добытого отдельным членом группы или какой-либо подгруппой, между всеми членами общины и передача его в личное распоряжение;

– *дача (дачедележ)* – передача части продукта от одного члена группы, в распоряжении которого он находится, к другому члену той же самой группы;

– *дарение (реципрокный обмен)* – передача части продукта члену другой родовой группы.

В таблице 2.1 представлены основные характеристики каждой из форм обмена и распределения, функционирующих на этапе развитого родового общества. Наряду с тремя формами, перечисленными выше, сохраняется и более примитивная форма – разбор, при которой добыча распределяется между всеми членами общины для непосредственного потребления.

Таблица 2.1

Основные характеристики процессов обмена и распределения в племенных сообществах

Характеристики обмена/распределения	Форма обмена/распределения			
	Разбор	Раздел	Дачедележ	Дарение
Характер использования	Потребление	Распоряжение	Распоряжение	Распоряжение
Отправитель	Линидж	Добытчик	Распорядитель	Распорядитель
Получатель	Член своего линиджа	Член своего рода/ линиджа	Член своего рода/ линиджа	Член другого рода/ линиджа
Характер продукта	Жизнеобеспечивающий	Жизнеобеспечивающий	Жизнеобеспечивающий и избыточный	Избыточный
Потребительское качество	Продукты питания	Продукты питания	Продукты питания и престижные ценности	Престижные ценности и продукты питания
Возмездная/ безвозмездная передача	Безвозмездная	Безвозмездная	Безвозмездная	Возмездная, квазиэквивалентная
Добровольность передачи	Обязательная	Обязательная	Добровольная	Добровольно-обязательная

Необходимо подчеркнуть, что перечисленные формы распределения продуктов в развитом родовом обществе тесно взаимосвязаны; они предполагают друг друга и не могут существовать изолированно. В более развитых обществах, основанных на эквивалентном обмене, отдельные элементы этой системы могут сохраняться в виде традиционных обычаев, вне связи с целостной системой, что маскирует их первоначальный смысл. Они приобретают в коллективном сознании совсем иное значение и становятся основой традиционного этикета.

Каждая из перечисленных форм распределения и перераспределения продукта (раздел, передача, дарение) имела особое, специфическое для нее социальное значение, то есть эти формы имели разные функции в обществе и соответственно совершались по разным правилам.

Раздел (дележ)

Дележ отличается от разбора тем, что продукт, поступавший в распоряжение индивида, не обязательно должен был использоваться (съедаться) непосредственно после получения. Дележ как форма распределения продукта отличался следующими характерными чертами.

– *Эндогенность.* Дележ производился только в рамках своей родовой группы.

– *Жизнеобеспечивающий характер.* Дележу подлежал в основном жизнеобеспечивающий продукт.

– *Обязательность.* «Общественный характер собственности на вещи, выделенные обществом в распоряжение индивида, проявляется в его обязанности делиться с другими членами коллектива» [91, 134]. В отличие от разбора, необходимо, хотя бы формально, согласие распорядителя.

При дележе пищевых продуктов соблюдались некоторые правила, сходные с правилами, регулирующими разборные отношения. Например, охотник сам получал меньшую часть добычи по сравнению с другими членами его родовой группы, и свою часть он брал в последнюю очередь. Нередко соблюдалось правило, согласно которому мужчина не должен есть мясо, которое сам добыл, а только добытое другими.

В то же время по отношению к членам других коллективов (родов, линиджей) человек выступал как собственник, то есть мог использовать свою часть добычи в качестве дара. По отношению к своему роду он был только распорядителем своей части продукта, обя-

занным придерживаться определенных правил распределения. Поскольку реальной социальной ячейкой, в которой протекала его жизнедеятельность, становилась семья, состоявшая из представителей двух родов, нередко возникало противоречие между естественной потребностью накормить, прежде всего, свою жену и детей и требованием внутриродового раздела добычи, согласно которому он, в первую очередь, должен был накормить своих сородичей, пусть даже и очень дальних. Отсюда возникли такие явления, как тайное ночное поедание пищи в кругу семьи, строительство тайников для хранения избытков пищи, «нелегальное» распределение внутри семейных групп.

– *Односторонность, безвозмездность, безответность.* Распределение через дачедеж не было эквивалентным – внутри рода всегда одни члены больше получали, а другие – отдавали. Впоследствии на основе этой традиции сформировалось весьма распространенное в позднеродовом обществе явление паразитизма одних членов рода за счет других.

– *Щедрость как ценность.* Дачедеж не был экономическим отношением в современном понимании этого слова, неэквивалентность обмена жестко контролировалась обществом. Социальный контроль над проявлением щедрости состоял в том, что удачливый охотник, утаивший часть добычи от нуждавшегося родственника, подвергался обструкции и мог быть изгнан из общины, что зачастую практически равнялось смерти.

– *Рациональность отношений распределения и обмена.* Было ли такое поведение рациональным? Отсутствие эквивалентности обмена еще не означало отсутствие рациональности поведения. Рациональность его состояла в том, что самодостаточной и самооценной единицей был не индивид, а группа. Только благодаря принадлежности к определенному роду и/или линиджу индивид входил в состав сообщества и имел шанс физически выжить.

Дарение и отдар

Социальная функция дарообмена заключается в создании новых или поддержании уже существующих социальных связей между индивидами или группами индивидов, принадлежащих к разным родам. Принятие дара накладывало на человека обязательства ответного дара (отдара). Процесс дарения – отдара должен был подчиняться следующим основным требованиям:

– *Взаимность.* Отдар обязательно должен был быть совершен по отношению именно к тому человеку, который сделал подарок. Тем самым устанавливались не просто парные связи между индивидами,

но отношения между родовыми группами – основными элементами социальной структуры общества.

– *Квазиэквивалентность*. В норме отдар по потребительской стоимости должен был приблизительно соответствовать подарку. Он не мог быть значительно более или значительно менее ценен. Поскольку меновых стоимостей не существовало, речь шла именно о потребительских стоимостях либо о количественных и качественных характеристиках престижных ценностей. Отдар заведомо более ценного продукта означал чрезвычайную заинтересованность отдаривающего во взаимоотношениях с дарящим. Наоборот, заведомо более низкая ценность отдара говорит о том, что отдаривающий не уважает дарящего или не заинтересован в общении с ним. Первоначально дар/отдар могли делаться пищевым избыточным продуктом. Затем по мере развития рукоделия в процесс дарения были вовлечены предметы длительного пользования – украшения, оружие и т. д., вследствие чего пищевой отдар стал менее престижным. До сих пор не принято дарить продукты, за исключением редких и особо ценных, причем это ограничение наблюдается у самых разных народов. Данный обычай иногда объясняется мистическими причинами (боязнь сглаза), но, безусловно, возник он под влиянием социально-экономических факторов в родовом обществе.

– *Экзогенность*. Отношение дарения изначально допускалось только между представителями разных родовых групп. Поскольку дарение было связано с отношениями между родами, одним из важнейших поводов для него было вступление в брак. Этот ритуал сохранился в виде обычая у многих народов – обычай делать подарки в процессе сватовства не только невесте, но и ее родителям и родственникам.

– *Избыточность*. В отличие от разбора и дележа, в процессе дарообмена циркулировал только избыточный продукт.

– *Нестрогая своевременность*. Отдар должен был отдаваться не непосредственно вслед за даром, но в достаточно короткий промежуток времени. Таким образом, с одной стороны, поддерживалось представление о безвозмездности дара, с другой стороны, подтверждалась заинтересованность принявшей дар стороны в контакте.

– *Демонстративная добровольность*. Как совершение дара, так и отдар внешне были добровольным делом. Ни в дописанных обществах, ни позже, с появлением писаных законов сообщество не предполагало никаких «официальных» санкций за нарушение правил дарообмена. Однако нарушение этих правил – сознательное или неосознанное – означало охлаждение отношений между родовыми группами, и группа, не ответившая соответствующим отдаром, тем

самым бросала вызов общественному мнению и рисковала остаться вне системы межродовых отношений.

По мнению ряда исследователей, именно развитие дарообмена послужило толчком для формирования парной семьи, ибо взаимное одаривание мужчин и женщин, принадлежащих к разным родовым общностям, формировало их совместное хозяйство.

В обществе, организованном по родовому признаку, отношения дарения дополняют отношения раздела (дележа). Часть продукта, созданного в каждой общине, уходила в форме дара в другие общины.

Дар выполнял две функции: 1). Сохранял часть избыточного пищевого продукта. Пищевой избыточный продукт, который мог пропасть, передавался в дар. Впоследствии даритель сам получал часть избыточного продукта, добытого членами другого рода, но уже тогда, когда он мог оказаться для него нелишним; 2). Поддерживал социальные связи с другими общинами. Процедура дарения–отдара редко ограничивалась одним циклом – обычно за отдаром следовал новый дар и т. д.

2.2.3. Поздние этапы присваивающего хозяйства. Переход к производящему хозяйству. Возникновение престижной экономики

По мере освоения земной поверхности охотниками и собирателями в их хозяйстве происходили существенные изменения.

Во-первых, увеличивалась численность и плотность населения, а, следовательно, возрастало число родовых групп и общин, «связанных одной цепью», а также возникала необходимость поддержания взаимосвязи между ними. Кроме всего прочего, это создавало возможности для накопления и закрепления технических усовершенствований. Во-вторых, возрастала нагрузка на «единицу угодий», поскольку ни охотничьи, ни собирательские территории уже не были «терра инкогнита» – «неизведанной землей» – они были ограничены и поделены между родами, а затем и между индивидами (семьями). В-третьих, в результате раздела земель (угодий) возникала необходимость более эффективного их использования. Так формировались элементарные огороды (из искусственных посадок диких растений – корнеплодов и злаков) и первичные стада (из стремления охотников прикормить и приручить диких животных).

Трансформация культур при переходе от экстенсивного к интенсивному хозяйству

На определенном этапе развития присваивающего хозяйства происходит трансформация культуры экстенсивного освоения в культуру

интенсивного освоения. Как уже говорилось выше, возрастание плотности населения в рамках присваивающего хозяйства сверх критической величины ведет к одной из трех стратегий адаптации популяции либо к их сочетанию.

– *Экстенсивная стратегия.* Отток части населения за пределы данного ландшафта при сохранении прежней технологии его освоения.

– *Стратегия демографического регулирования.* Формирование режима естественного воспроизводства, при котором в культуре вводятся специальные меры, ограничивающие численность населения (инфантицид, геронтоцид).

– *Технологическая революция.* Выработка новой технологической системы освоения среды, позволяющей более экономно и/или более эффективно использовать ресурсы данной территории и прокормить на ней большее количество людей. Эта стратегия предполагает две системы мер: расширение круга ресурсов, используемых в данном ландшафте, и принятие технологий, позволяющих более эффективно использовать тот же самый ресурс. Эти два подхода, как правило, используются одновременно.

Совершенствование технологии ведет к производству избыточного продукта и к увеличению доли орудий труда и других предметов длительного пользования. Технологические изменения вызывали, в свою очередь, изменения в социальной организации общества.

– Главным из этих изменений являлось *возрастание роли территориальных общин* по сравнению с родовыми. Оно вызывалось ограниченностью земельных ресурсов и необходимостью их закрепления за конкретной территориальной группой (поселением).

– В период разложения родового строя *большинство людей оказались в ситуации ролевой напряженности*, поскольку одновременно принадлежали родовой и локальной общине, требования которых часто не только различались, но и прямо противоречили друг другу. Ролевое напряжение неизбежно создает необходимость индивидуального выбора, то есть собственно формирует личность. По всей видимости, человек впервые в истории попал в ситуацию массового межролевого конфликта.

– *Формирование и развитие «престижной экономики»* как одной из важнейших отраслей хозяйства. Много дарить (как и многое раздавать) становилось престижно. Престижная экономика формировалась как в сфере дачедележных (внутриродовых), так и дарообменных отношений. Но ведущую роль в ее формировании, безусловно, играли дарообменные отношения.

В «классическом» родовом обществе богатство оценивалось в зависимости от широты социальных связей, что измерялось количеством дарообменных сделок, совершаемых в единицу времени (например, в течение года). Обмен престижных ценностей на жизнеобеспечивающие был весьма ограничен; в частности, не принято было обменивать их со своими сородичами.

Эволюция форм дачедележа

По мере роста объема избыточного продукта эволюционируют и становятся более сложными дачедележные отношения. Основой этого развития становился тот факт, что все большая доля добычи, будь то собирательство или охота, числилась в распоряжении ее прямого добытчика. Однако продукты собирательства воспринимались как объект персонального распоряжения значительно раньше, чем продукты охоты как более крупные и имевшие престижное значение.

Складывается противоречие между интересами добытчика как собственника и соображениями престижа, требовавшими безвозмездного содержания членов своего рода. Это приводит к попыткам четкого определения вклада каждого члена общины в результаты совместного труда. Первым шагом в этом направлении было появление индивидуальных меток на орудиях охоты (на стрелах, гарпунах и т. д.). Разрабатывалась система правил, позволявшая определять, кто именно убил животное – чья стрела нанесла смертельную рану, чья первая попала в жертву или чей гарпун вытащил черепаху.

Другим способом разрешить это противоречие было формирование *дележных кругов*. В отличие от требований «классического» родового общества, в дележный круг входят не только сородичи, но и соседи, родственники жены и т. д. С другой стороны, далеко не всякий, имевший право на получение своей доли по законам родового общества, реально получал ее. На это влияли следующие факторы:

- степень родства;
- близость проживания;
- насколько человек нуждался в пище.

Бывали случаи, когда человек нарушал «канонические» правила дачедележа, чтобы удовлетворить насущные потребности соседей. Например, вместо того чтобы угостить ближайшего состоятельного родственника или родственника, живущего далеко, он делился добычей с нуждающимся соседом, принадлежащим к другому роду. По мере того как дележные круги выходили за рамки рода, в отношения дележа стали проникать представления об эквивалентности. Это происходило потому, что обмен происходил между представителями

разных родов, что не требовало соблюдения правил безвозмездного распределения. Кроме того, в обмен вовлекались престижные ценности. Их начали обменивать на пищу не только между представителями разных родов, но и в пределах рода. А это уже означало, что жизнеобеспечивающие продукты получают эквивалент в престижных ценностях, причем не только при обмене между родами, но и в пределах одного рода.

Формирование таких кругов предполагает, что непосредственный добытчик (например, охотник) становится распорядителем добычи. Он получал ее основную часть или всю. Хотя члены его рода еще могли претендовать на угощение, однако в значительной степени это становилось добровольным делом добытчика.

Важнейшим последствием формирования дележных кругов стало исключение неудачливых или нерадивых добытчиков из процесса безвозмездного распределения жизнеобеспечивающего продукта.

Увеличение массы избыточного продукта в сочетании с увеличением численности населения и усложнением его структуры приводило к развитию противоречивых систем ценностей.

Согласно традиции коммуналистского распределения, устоявшейся тысячелетиями, распределение должно быть общинным, уравнительным в пределах рода. Однако уравнительность становилась невыгодным для общины в целом. Во-первых, это способствовало развитию паразитизма. Во-вторых, это порождало конфликты внутри усложнявшихся по составу территориальных общин. Постоянно возникали распри по поводу того, кто у кого и что может получать через систему дачедележных отношений. Эти противоречия во многом обуславливаются повышением роли территориальных общностей по сравнению с родовыми.

В традиционном родовом обществе механизмом защиты общины от этих внутренних противоречий служил фактор социального престижа, который заставлял людей трудиться, независимо от личной выгоды и кормить своих сородичей, не претендуя на большую часть добычи или урожая. В традиционных родовых обществах одним из качеств вождя должна была быть его способность кормить наибольшее число человек.

Однако по мере роста объема избыточного продукта для сохранения социального престижа стало целесообразным пускать как можно большую часть продукта (как пищевого, так и продукта рукоделия) в дарообменные отношения, что позволяло сохранять над ним контроль, так как дарообмен, в отличие от дележа, предполагал хотя бы приблизительную эквивалентность. Кроме того, дарение избыточ-

ного пищевого продукта имело чисто практическое значение, поскольку «безвозмездное» дарение гарантировало, что в случае неурожая или неудачи в охоте даритель получит в качестве отдара определенное количество пищевых продуктов. Повышение производительности труда в связи с переходом к земледелию и скотоводству приводило к тому, что парная или расширенная семья сама могла прокормить себя, и поэтому безвозмездная раздача продуктов среди сородичей стала крайне невыгодной. Это приводило к повышению роли дарообмена по сравнению с распределением внутри рода.

Развитие отношений дарообмена

В позднем присваивающем хозяйстве происходит институционализация дарообмена. Это проявляется в:

- выделении специальных вещей, которые участвуют только в дарообмене и не имеют потребительской ценности. В престижной экономике предмет дара, как правило, не поступал в прямое потребление, а использовался только для дальнейшего дарения;

- формировании дарообменных церимониалов, специальных ритуалов, сопровождавших обмен престижными ценностями и жизнеобеспечивающими продуктами.

Эволюция престижных ценностей. Возникновение первобытных денег. По мере сближения дачедележных и дарообменных кругов, на базе одной из престижных ценностей выделяется всеобщий эквивалент обмена. Из всего множества престижных ценностей в качестве эквивалента обычно выделяются предметы:

- во-первых, конвенционально признанные в качестве престижных на всем пространстве, внутри которого происходит обмен;

- во-вторых, предметы достаточно редкие и трудно добываемые, чтобы исключить «инфляцию»;

- в-третьих, имеющиеся в необходимом количестве, чтобы обеспечить возможное расширение обменного процесса.

В любой культуре обычно было несколько видов престижных ценностей, чаще всего это были:

- *редкие предметы*, отличавшиеся особыми качествами (камни, раковины, зубы животных или людей, сухие пальмовые листья и т. д.);

- *некоторые разновидности животных*, которые не употреблялись в пищу в обычное время, но только на дарообменных угощениях (пирах) или в ритуальных целях (свиньи, быки и т. д.).

Так, например, в «Русской Правде» упоминается два вида таких ценностей – слитки серебра и быки. На Тробриантовых островах, где

вел свои исследования Б. Малиновский (см. п. 8.3.2), в качестве престижных ценностей выступали изделия из раковин. В Африке это нередко были листья пальм, в Северной Америке – войлочные одеяла.

В некоторых обществах Северной Австралии в качестве таких ценностей оказывались женщины. Это приводило к тому, что пожилые мужчины (50–60 лет) заключали брачные союзы с большим количеством женщин, часто даже до их рождения, как бы авансом. Это говорит отнюдь не об их эротических ориентациях, а лишь о том, что они тем самым приобретали социальные связи с большим количеством родов. Это, в свою очередь, способствовало тому, что многие молодые люди не могли вступить в брак до 35–40 лет и вынуждены были «зарабатывать» себе это право, работая на такого «геронтократа».

Важным признаком перехода родового строя в завершающую стадию развития является внедрение престижных ценностей в обмен жизнеобеспечивающими ценностями, независимо от родовой принадлежности отправителя и получателя. Это внедрение происходит постепенно, охватывая разные группы «товаров и услуг». Вопреки расхожему мнению, идущему от Д. Рикардо, К. Маркса и Л. Уайта, в эквивалентный обмен первоначально вовлекаются не продукты жизнеобеспечивающей экономики, а престижные ценности и услуги. Последовательность включения различных продуктов первобытной экономики в обмен на престижные ценности примерно такова:

- другие престижные ценности, в т. ч. и в пределах рода;
- услуги умельцев, знахарей и шаманов;
- оружие, орудия труда;
- одежда;
- пища.

Наиболее важные, с точки зрения системы жизнеобеспечения, вещи (одежда и пища) вступили в круг эквивалентного обмена на «деньги» последними. Именно в отношении них в наибольшей степени сохранялись элементы дачеделажных отношений (продуктовая милостыня, неосуждение мелкого воровства с огородов, принятые в аграрных общинах многих народов).

В то же время престижные ценности, выделившиеся в качестве «первобытных денег», не теряли своего значения и в престижной экономике. Происходит формирование «престижного потребления» как ведущего социального института, подчинение ему других форм поведения. Появляются крайние формы «престижного потребления».

Дарообмен, из которого первоначально возникла престижная экономика, имел своей целью поддержание широких социальных, в

первую очередь, межродовых, связей. По мере развития престижной экономики он зачастую приобретал диаметрально противоположное значение и выступал как способ выражения конкурентных отношений между родовыми и/или локальными группами. Дары стали преподноситься не для того чтобы завязать или укрепить отношения, а для того чтобы вызвать одариваемого на соревнование по богатству взаимных отдаров, и тем самым понизить (в случае проигрыша) его социальный престиж или даже завладеть имуществом. Ритуальные животные, составлявшие часть престижных ценностей (свиньи, быки), в обычное время не поедались. Они забивались только в случае устройства пиров – ими одаривали представителей другого рода. Те, в свою очередь, потребив небольшую часть мяса, осуществляли отдар, возвращая его в большем количестве. Объем передаваемого в качестве дара мяса мог увеличиваться до тех пор, пока значительная его часть не портилась.

Предельным выражением дара являлся *потлач* у народов Северной Америки – демонстративное дарение большого числа подарков представителям других родов, сочетающееся с большим пиром. В подготовке пира первоначально участвовал весь род, а в качестве даров выступали предметы престижной экономики и пищевые продукты. Обычным поводом для проведения потлача были похороны кого-либо из членов рода. По традиции (общей для всех родовых обществ) подготовкой похорон занимались представители другого рода, как правило, того, который связан с данным родом брачными связями. За это род усопшего был обязан отплатить участникам подготовки передачей большого количества престижных ценностей и организацией пира. Чем больше будет передано ценностей и чем богаче будет пир, тем большим престижем будет обладать род усопшего. В качестве престижных ценностей обычно выступали войлочные одеяла. Их количество, передаваемое в качестве дара, значительно превышало все мыслимые практические потребности. Таким образом, дарообмен, возникший изначально из потребностей поддержания межродовых связей, приобрел и другую социальную функцию – выведение престижных ценностей за пределы рода и тем самым недопущение расслоения родов.

Постепенно выделяется достаточно узкий круг персон, имеющих право на организацию потлача, они образуют своеобразный привилегированный класс. Первоначально состав этого класса менялся с каждым новым поколением. Но со временем этот статус становился наследственным.

Со временем сокращалось *качественное разнообразие* престижных ценностей, выделяются главные из них, которые и становятся

«всеобщим эквивалентом», предшественником настоящих денег. Одновременно увеличивалось количество предметов престижной экономики, циркулирующих в процессе ритуального обмена; возрастала доля труда, потраченного на добывание именно престижных, а не жизнеобеспечивающих ценностей.

Изменения социальной структуры

По мере развития социальной иерархии трансформировались функции мужских союзов. Мужской союз состоял первоначально из нескольких когорт молодых людей, одновременно прошедших обряд инициации. Представители старших когорт имели более широкие возможности, чем вновь посвященные. Например, только старшие имели право стать вождем или войти в состав его гвардии. После инициации юноша вступал в союз, начиная с нижних рангов.

Однако со временем ранги мужских союзов теряют непосредственную связь с возрастными когортами. Складывается система рангов. Сначала принадлежность к более высокому рангу можно было заслужить или «купить» за определенное количество престижных ценностей. Однако со временем на «верхних ярусах» социальной лестницы закрепляются определенные роды, превращаясь в привилегированные сословия. Ярким примером родового общества на последней стадии его развития было адыгское общество конца XIX века, подробно описанное российскими этнографами, в частности, М.М. Ковалевским. Так, адыгское общество имело сложную социальную структуру, насчитывающую 11 сословий, особые права и обязанности каждого из которых были закреплены обычным правом (адатами). Эта система фактически была иерархией «мужских союзов», присутствовавших во всех родовых обществах, доведенной до логического завершения. В отличие от «классического» родового общества, в котором статус каждого уровня был достигаемым, в адыгском обществе принадлежность к высшим сословиям («князья» – пши и «дворяне» – уздени) была наследственной. Пши распоряжались всей землей, хотя по традиции она считалась принадлежащей общине. В то же время члены княжеской дружины («уорки») формально считались крестьянами и имели собственный надел земли, хотя и не работали на нем. Общество, таким образом, фактически было устроено по феодальному принципу, хотя в нем очень большую роль играли пережитки родовых отношений. Например, важнейшие вопросы, связанные с военными действиями, решались на общем собрании полномочных представителей отдельных общин «адыгэ хасэ», где формально каждый участник имел одинаковый вес. Однако

голоса пши имели большее значение, чем голоса общинников более низкого статуса.

Передвижение на более высокий ранг требовало взносов от семьи. Богатые родители могли вносить плату, позволяющую их ребенку начинать карьеру не с самого низа, а «перепрыгивать» через несколько рангов. Как правило, до самых верхних рангов «добиралась» лишь небольшая часть мужчин.

На изменение социальной структуры родового общества решающее влияние оказывало формирование нового представления о богатстве. *Происходит формирование категории «богатства» как суммы накопленного, а не только подаренного, т. е. как собственности, а не актуализированных социальных связей.*

Напомним, что традиционное для дарообменных отношений понимание богатства – это количество, плотность дарообменных отношений. Престижные ценности, «задержавшиеся» у индивида, богатством не считались.

Однако со временем, именно в связи с обменом престижных ценностей на жизнеобеспечивающие, в руках отдельных членов общины стали концентрироваться запасы престижных ценностей. Усилился контроль за распоряжением этими ценностями со стороны их реальных держателей и ослабел со стороны «формального» держателя – рода.

Наличие большого количества престижных ценностей позволяло:

- 1) повысить социальный престиж индивида;
- 2) дать выкуп для заключения брачного контракта;
- 3) уплатить *вергельд* (выкуп за убийство члена другого рода);
- 4) нанять мужчин из бедных родов с тем, чтобы они помогли собрать брачный выкуп;
- 5) приобрести для сына место в более высоких рангах мужского союза;
- 6) укрепить социальные связи с другими родами.

Соответственно в социальной структуре возникает новая переменная, которая отсутствовала в «классическом» родовом обществе, – количество накопленных престижных ценностей.

Все дееспособное мужское население, в зависимости от обладания престижными ценностями, распалось на:

- *бигменов* (bigmen) – членов общины, концентрировавших в своих руках значительную часть престижных ценностей;
- *коммонеров* (commoners) – рядовых членов общины;
- *раббшменов* (rubbishmen) – членов общины, не имевших престижных ценностей и вынужденных обрабатывать их у бигменов.

Статус бигмена не был наследуемым и зависел от инициативности и личных достоинств индивида. Теряя свои «деловые качества» (например, по мере старения, болезни или лени) человек переставал быть бигменом.

Институт бигменов претерпевал эволюцию. На ранних стадиях накопление бигменами избытка престижных ценностей не было связано с эксплуатацией; они получали преимущество за счет собственных широких социальных связей. На следующей стадии богатство бигменов накапливалось и поддерживалось за счет редистрибутивной системы эксплуатации, когда несостоятельные сородичи вынуждены были отрабатывать престижные ценности для того чтобы выкупить выкуп за невесту. Завершалась эволюция превращением бигменов в особое сословие. На этом этапе почти монопольное обладание престижными ценностями начинает совпадать с обладанием военной властью, то есть категория бигменов начинает совпадать с категорией вождей. Эксплуатация бигменами остального населения теперь основывалась на привилегиях, которые давал статус бигмена – например, право на разведение свиней или проведение потлача и/или пиров, преимущественное право на обладание престижными ценностями (многоженство).

На поздних этапах развития родового общества происходило закрепление статуса бигмена за главами определенных родов или лидирующей, то есть превращение этого статуса из достигаемого в наследуемый. На ранних этапах развития редистрибутивной системы круг распадался вместе со смертью бигмена или утратой им неформального статуса. На более поздних этапах статус бигмена давал право на занятие определенного статуса, который, в свою очередь, позволял монополизировать обладание престижными ценностями и закреплял особое положение бигмена. Так, например, прерогативой бигменов могло быть строительство мужского дома.

В свою очередь, приобретение высокого социального статуса и большого количества престижных ценностей гарантировало возможность «покупки» большого количества жен, эксклюзивное право на обладание некоторыми престижными ценностями (например, на разведение свиней) и операции с ними (дарение). Не случайно многоженство развилось именно в период начального становления земледелия, поскольку именно женщины занимались собирательством, легшим в основу аграрных технологий.

Многие исследователи отмечали, что разница в социальном положении членов родового общества мало сказывалась на уровне потребления и на повседневных занятиях. Вожди и бигмены работали на

равне с рядовыми общинниками. В то же время на самых поздних этапах развития родового строя ситуация изменилась. Родовые институты оставались лишь видимостью, внешней оболочкой новых, феодальных отношений.

Возникновение экономической эксплуатации

По мере возрастания роли престижной экономики право участия в дарообмене сосредотачивалось у узкого круга лиц, сумевших накопить наибольший объем «богатства», то есть имевших наиболее широкие межродовые связи.

Соответственно все остальные члены общины должны были снабжать лидера ценностями, участвующими в дарообмене. Это могли быть как престижные, так и жизнеобеспечивающие ценности.

Однако делали они это не добровольно, а под давлением той же престижной экономики. Ни вступить в брак, ни совершить обряд инициации, ни достойно похоронить родича, ни откупиться от кровной мести нельзя было, не уплатив общине взнос из «престижных» ценностей, который к тому же обычно сопровождался угощением (угощались члены чужого и/или своего рода).

Законы бескорыстной внутриродовой дачи распространялись только на жизнеобеспечивающий продукт. Для организации же потлача (дароугощения), помимо значительной части жизнеобеспечивающего, нужны престижные продукты. «Богач», отказывая «бедняку» из своего рода в бесплатной передаче престижных ценностей, формально не нарушал «заветы старины». Однако здесь действовал принцип фиктивного использования классических механизмов бескорыстной помощи – человек, попросивший помощи для организации дара и/или дароугощения, якобы бесплатно отработывал у того, кто дал ему ценности.

Элементарной и первой по времени возникновения формой эксплуатации являются отработки у своих сородичей в случае необходимости «зарабатывания» на брачный выкуп, а также вступления в мужской союз или выкупа вергельда. К этому же результату вело возникновение *отношений одалживания*. Постепенное закрепление престижных ценностей в фактически полном распоряжении индивида дало возможность давать их в долг с последующим возвратом внутри своей родовой группы. Сложился обычай дачи в долг жизнеобеспечивающих ценностей в том случае, если они нужны были для устройства пира, то есть при использовании в системе престижной экономики, или просто в случае нехватки продовольствия у кого-либо из членов своего или чужого рода.

Одолженные ценности принято было отдавать «с процентом», что опиралось на традиционные нормы престижной экономики, когда подаренную престижную ценность возвращали в двойном размере. Хотя никаких «официальных» норм отдачи не существовало, считалось, что долг – это форма дарения, а отдача должна быть произведена «с избытком». Поэтому долг возвращался в основном с превышением, составлявшим от 25 до 100% (а иногда и больше). При этом сам отдающий зачастую стремился отдать возможно больший процент. Отдача долга могла проявляться, в частности, в том, что вместо данной «в долг» свиньи в течение определенного времени возвращался приплод другой свиньи. Одалживание становилось механизмом эксплуатации, поскольку вплоть до отдачи заимодавец имел право пользоваться личным имуществом и трудом должника. Это порождало эксплуатацию без всякого насилия.

Другим механизмом эксплуатации было приживальчество (доминантный способ эксплуатации) и домашнее рабство. Человек, по тем или иным причинам лишенный доступа к престижным ценностям, а также задолжавший слишком много, мог оказаться в пожизненной кабале у своего сородича и даже превратиться в домашнего раба. Домашними рабами становились также пленники из других племен.

Наконец третьей, также весьма распространенной формой эксплуатации, являлось многоженство. Женщины ценились, во-первых, как рабочая сила; во-вторых, потому, что таким образом многие молодые люди из «своего» клана или фратрии не могли сразу вступить в брак и были вынуждены отрабатывать у более преуспевающих членов своего рода за престижные ценности.

Эксплуатация, как известно, есть присвоение части прибавочного продукта, произведенного другими людьми. Формирующаяся родовая аристократия использовала для этих целей механизмы бескорыстной внутриродовой взаимопомощи.

Основное средство производства – земля и другие угодья – долгое время имели как бы двойной статус. С одной стороны, они рассматривались как общинная собственность, поскольку «генеральным» распорядителем земель считалась община. С другой – отдельные участки обычно находились в долговременном пользовании конкретных лиц, перераспределение происходило в результате внутриобщинных переговоров. Со временем суверенитет над участками стал постепенно концентрироваться в руках лидеров общины – *чифменов* (chiefmen) – вождей. Однако этот суверенитет не был полным, так как вождь распоряжался ими от имени общины. Таким образом, именно

развитие престижной экономики вело к социальному расслоению, закреплению социального статуса и формированию наследственной аристократии и системы эксплуатации. Эволюция престижной экономики привела к формированию системы иерархических социальных статусов, передаваемых по наследству. Это проявлялось в:

- расслоении родов в зависимости от накопленного богатства;
- расслоении внутри родов;
- иерархии в мужских союзах, которая зависела от возможностей дароплатежа.

Место в мужском союзе покупалось. Оно давало возможность быть приближенным к вождю, прежде всего – возможность защиты от посягательства представителей других родов.

По мере перехода от присваивающего к производящему хозяйству происходила коренная перестройка всей системы социальных отношений. При этом, однако, многие элементы и механизмы культуры «традиционных» дарообменных и дачеделажных отношений сохранялись, хотя и приобретали иное, часто диаметрально противоположное первоначальному значение (функцию), то есть способствовали накоплению богатства в руках отдельных членов сообщества. В этом проявлялся инерционный характер культуры. Устойчивые во времени общности стремились сохранить определенные культурные формы, образцы поведения с тем, чтобы обеспечить привычную социальную среду для своих членов. Эта устойчивость, в свою очередь, являлась условием выживания каждого входящего в коллектив индивида, каждой семьи.

Приведем только два примера использования традиционных механизмов дарения и дележа в новых условиях.

Поминальные дары и поминальные пиры. Традиционно *брачные* и *поминальные* дароплатежи играли противоположную роль в процессе накопления ценностей: брачные были направлены на создание задела для молодой семьи, в то время как поминальные – на предотвращение накопления богатств внутри рода. После смерти любого индивида, прежде всего – высокопоставленного, принято было устраивать пиры с раздачей его имущества. Поминальные пиры традиционно имели две функции:

- поддержание внутриродовой и межродовой солидарности, поскольку в похоронном обряде активную роль обычно играли представители других родов, а сородичи умершего лишь присутствовали на похоронах;
- предотвращение концентрации большого количества ценностей в руках определенного рода, линиджа, семьи, поскольку сородичи

умершего обязаны были раздаривать все его имущество, а нередко и часть своего собственного, представителям других родов.

Однако с формированием института собственности значение поминальных даров изменилось на диаметрально противоположное. Возник обычай немедленного «отдара», в результате чего семейство, похоронившее своего лидера, даже раздав все его имущество, в результате массовых подношений гостей получало больше, чем теряло в ходе раздачи имущества умершего.

Институт уригубу. Уригубу – обычай, изученный Б. Малиновским в ходе его исследований на Тробриановых островах, согласно которому мужчины рода, выдавая замуж девушку из своего рода, делали регулярные подарки ее мужу. В отличие от обычного межродового дара («приданого»), уригубу передавался ежегодно. В него включались в основном жизнеобеспечивающие ценности (часть урожая корнеплода ямса). Одновременно в качестве нормы обычного права существовал обычай женить молодых людей из данного рода на дочерях сестры. Теперь уже сородичи этих дочерей должны были одаривать новых зятьев [61, 229–231]. В результате ценности, производимые в другом роде, в определенный момент начинали поступать в род бывших «спонсоров». Это был способ поддержания экономического благосостояния рода, опиравшийся на соблюдение классических норм межродового обмена.

Возникновение парной семьи

В обществе традиционного присваивающего хозяйства, основанном на «классической» модели родовых отношений, супруги в принципе не могут иметь значительной общей собственности, поскольку принадлежат к разным родам, которые, в свою очередь, были как бы коллективным владельцем как угодий, так и основной части добычи (урожая). Поэтому супруги обладали разной собственностью. Супруг не обязан был делиться с супругой. Отношения между ними носили характер дарообмена.

Однако по мере роста объема хозяйства каждой брачной пары, она во все большей степени становится самостоятельной хозяйственной единицей. Складывается противоречие между парной семьей, с одной стороны, и родом, с другой стороны, как основными хозяйственными ячейками общества. Не будучи единицей, обладающей собственностью, парная семья все больше становилась хозяйственной ячейкой. Все, добытое одним супругом, поступало в распоряжение другого, что было невозможно при традиционном дачедежном распределении.

Происходило накопление богатства, реально находившегося в распоряжении отдельных брачных пар, что вызывало социальные противоречия между требованиями парной семьи и родовых групп. У эскимосов Аляски, если глава парной семьи накапливал богатство лишь для себя, то его заставляли это богатство раздать сородичам, либо его убивали, а имущество делили.

Как показали многочисленные исследования, во всех обществах, имевших родовую структуру, действовали сходные механизмы движения ценностей и соответственно возникали аналогичные социальные структуры. Это, однако, не означает, что все преполитарные общества были абсолютно одинаковы. Различия между ними были не меньше, чем между аграрными или индустриальными обществами.

Во-первых, как уже отмечалось, не во всех обществах возникал институт рода, и там, где он возникал, его значимость была неодинакова. Предпосылкой возникновения родовых структур были достаточно высокая плотность и оседлость населения. У многих народов – охотников и собирателей – родовые структуры так и не сформировались из-за низкой плотности населения и неоседлого образа жизни. У скотоводческих народов, особенно у кочевых скотоводов (например, у якутов или нуэров), родовые структуры и правила межродового общения проявлялись слабее, чем у оседлых земледельцев.

Во-вторых, общества различались в зависимости от факторов, определявших брачное поведение. Эти различия касались трех аспектов:

– Правил наследования родовой принадлежности детьми брачной пары (патрилинейность, если дети относятся к роду отца, матрилинейность – если к роду матери).

– Норм, определявших локализацию брачных пар. Обычай мог требовать, чтобы молодые селились в доме (деревне), в котором базируется род жениха (патрилокальность) или невесты (матрилокальность).

– Наконец, законов гендерного распределения власти в роду (общине). Главную роль в обществах могли играть мужчины, которые возглавляли род (патриархат), или женщины (матриархат).

Все эти три принципа были относительно независимы друг от друга. Большинство изученных преполитарных обществ были патрилинейными, патрилокальными и патриархальными. Однако науке известны и другие типы (см., например: [69, 262–266]). Так, население Тробриановых островов, изученное Б. Малиновским, было патриархальным и патрилокальным, но матрилинейным.

Преполитарные общества могли различаться и по целому ряду других признаков: по организации власти, характеру обрядов, и т. д. Тем не менее фундаментальные механизмы, описанные нами выше, наблюдались во всех обществах, где сложились родовые структуры. Они лишь модифицировались в зависимости от конкретных характеристик общества.

ВЫВОДЫ

1. Предпосылки рыночного обмена зарождались еще в рамках преполитарных обществ. Однако не только рыночный обмен, но и эквивалентный дарообмен не были доминирующими формами. Основной ценностью в обществе и главным мотивом производственной и обменной деятельности было не накопление личного материального богатства, а сохранение целостности социальной общности и достижение максимально высокого социального статуса в племени.

2. Главными факторами трансформации родового общества были естественный прирост населения и увеличение его плотности. Эти факторы стимулировали совершенствование орудий труда, а также технологии обработки земли и разведения скота. Под их воздействием возрастала роль территориальных общностей по сравнению с родственными группами; тем самым создавались предпосылки для формирования института частной собственности на угодья и института эквивалентного обмена.

3. В процессе развития родового общества многие традиционные институты не исчезали. Они трансформировались и начинали исполнять функции, противоположные тем, которые были возложены на них классическим родовым обществом. Так, институт внутриродовой взаимопомощи, сохраняя внешние атрибуты, превращался в способ эксплуатации сородичей. В то же время сохранение этих институтов позволяло поддерживать стабильность общества, не давало возможности распаться ему на отдельные территориальные и/или клановые группы.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Кто был участником обмена в престижной экономике родового строя, что было предметом обмена?

2. Как трактовалось «богатство» в престижной экономике родового строя? Как изменялось содержание этой категории?

3. Каковы были основные этапы эволюции даро- и дачеобменных кругов в условиях разложения родового строя?

4. Что такое «престижная экономика» в условиях родового строя? Каковы причины ее возникновения?

5. Как связана престижная экономика с социальной структурой общества? Какие функции в обществе она выполняла?

6. Как использовались традиционные нормы родового строя отдельными членами общества для установления отношений эксплуатации? Кто подвергался эксплуатации в первую очередь, и почему они не протестовали?

7. Верно ли, что основной формой дележа жизнеобеспечивающего продукта в условиях присваивающего хозяйства является свободная конкуренция между членами родовой общины за обладание добычей?

8. Существовало ли какое-либо разделение труда в обществах собирателей и охотников? Если существовало, то в чем оно состояло?

9. Верно ли, что все без исключения общества, находящиеся на низкой ступени технологического развития (собиратели и охотники, ранние земледельцы) обязательно вырабатывают клановую (родовую) структуру? (Обоснуйте ответ.)

10. Верно ли, что род является, прежде всего, биологической группой – все биологические потомки старшего из живущих поколений рода принадлежат к тому же роду?

11. Как проявлялся дуализм культуры (принцип дополнительности) в обменно-распределительных отношениях родового общества в период его разложения?

3. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИТАРНЫХ АГРАРНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Мир – Вселенная; вещество в пространстве и сила во времени. Одна из земель Вселенной; все люди, весь свет, род человеческий; община, общество крестьян. Мир бывает сельский и волостной. Вали на мир – мир все снесет. Мужик умен, да мир дурак.

В.И. Даль

3.1. Политарные общества. Общие черты и особенности

3.1.1. Факторы, влияющие на культурные особенности аграрных политарных обществ

Аграрные общества существуют на Земле не менее 12–13 тыс. лет, и только в последние 100–150 лет появились общества, в которых сельское хозяйство перестало быть занятием преобладающей части населения. Политарные общества гораздо моложе – самые ранние из известных возникли около 6–7 тыс. лет назад (хотя существуют предположения, что первые политарные общества появились значительно раньше).

Политарные общества, по сравнению с преполитарными, имеют ряд особенностей, которые влияют на их экономическую культуру.

Во-первых, как вытекает из их определения, большую роль в их функционировании, в том числе и в экономике, играет государство. Именно в них появляются классы профессиональных политиков, то есть людей, не занимающихся материальным производством, а специализирующихся на управлении обществом. Напомним, что в пре-

политарных обществах все вожди и главы родов занимались обычным трудом и осуществляли управление «по совместительству».

Во-вторых, в аграрных политарных обществах впервые возникают города – регулярные поселения людей, для которых аграрное производство не является основным источником жизнеобеспечения. Ядро городского населения составляют ремесленники и купцы. Многие черты городских поселений в разных обществах были сходными. Однако имелись и существенные отличия.

В-третьих, именно в аграрных политарных обществах впервые появляются деньги в точном смысле этого слова. Ритуальные престижные ценности («первобытные деньги»), рассмотренные нами в предыдущей главе, строго говоря, деньгами не являются, так как не выступают в качестве всеобщего эквивалента стоимости. Целый ряд обменных операций с использованием первобытных денег в родовом обществе запрещен или ограничен.

В-четвертых, наконец, складывается институт распределения и перераспределения основного ресурса – земли. В преполитарных обществах распределяется и перераспределяется продукт охоты, собирательства, земледелия и скотоводства. Земельные угодья закрепляются за родом и/или племенем. Их перераспределение достигается за счет набегов. Только на поздних этапах преполитарного общества возникают элементы частного владения и распоряжения землей в рамках обычного права. Однако как институт они складываются только в политарных обществах.

Несмотря на сходство в культуре и социальной структуре аграрных политарных обществ, между ними исторически сложились существенные различия, которые сказываются на современной деловой и экономической культуре народов, вступивших в постиндустриальную эпоху. Сравним три различные цивилизационные системы, три разных общества: Западную Европу, Россию и Китай. Принято выделять следующие группы факторов, повлиявших на культурные особенности трех цивилизаций.

1. *Экстенсивная – интенсивная система хозяйства.* Хозяйственные системы Китая и Европы, по крайней мере со Средних Веков, относились к интенсивному типу. Наоборот, земледелие России вплоть до середины XX в. носило ярко выраженный экстенсивный характер.

2. *Речная – равнинная цивилизация.* Китай – «речная» цивилизация, в то время как европейская и российская – равнинные. Еще с середины XIX в., с работ Л.И. Мечникова (см. п. 8.2.4), многие исследователи согласны с тем, что цивилизации, основанные на пойменном земледелии, в значительной степени отличаются от так на-

зываемых равнинных цивилизаций. Такого мнения, в частности, придерживались К. Маркс и М. Вебер. Нельзя отрицать роль рек и в хозяйстве России или Европы. Однако в Китае (так же, как в Месопотамии или Средней Азии) реки сформировали не только особенности земледелия, но и само общество. Строительство ирригационных систем требовало концентрации усилий огромных коллективов, как на уровне отдельных общин, так и целых государств. Это породило особый тип социального устройства, предполагающий высокую степень централизации и концентрации власти, коллективизм. Земледельческие цивилизации, выросшие на равнинах и мелких реках (Греция, средневековая Европа), также создавали общины и государства; однако именно в них родились идеи демократии как власти большинства, социального договора, и т. д. Для этих цивилизаций организация коллективных усилий не имела такого значения, как для «речных». В частности, как мы покажем ниже, коллективизм русской передельной общины носил принципиально иной характер, чем коллективизм китайского крестьянства.

3. *Открытая – замкнутая цивилизация.* Любая цивилизация изначально формируется как совокупность разнородных культурных элементов. Со временем начинает преобладать тенденция к унификации культуры. Европейская и российская цивилизации на протяжении всей истории испытывали несколько мощных воздействий «со стороны». В отличие от этого, воздействие инородных элементов на китайскую цивилизацию хотя и наблюдалось, однако имело гораздо меньшее значение. Во многом это объясняется географическим фактором – достаточно сравнить физическую карту Китая с картой Европы и тем более России. Относительная изолированность китайского общества приводила к устойчивости многих элементов культуры. Для европейца труды Аристотеля – глубокая древность. Для китайца афоризмы Конфуция, относящиеся примерно к тому же периоду, – актуальный текст, на основе которого решаются повседневные проблемы – от домашних до политических.

4. *Климатические условия.* Россия – самая северная из известных цивилизаций, с самым коротким вегетативным периодом (до 150 дней). В Европе этот период составляет 200–250 дней. Нельзя идеализировать климатические условия Китая, особенно северной его части. В то же время вегетативный период в нижнем течении Янцзы и к югу от нее продолжается более 300 дней в году. В этих регионах собирается до 3 урожаев риса в год.

Эти условия определяли не только культуру отдельных общин, но и политическую и экономическую организацию всего общества.

3.1.2. Сельская община как основа аграрного общества

Несмотря на широкое употребление термина «община» («community») в современной социологии и антропологии, его содержание остается весьма неопределенным. В российской традиции трудность с определением усугубляется тем, что английский термин «community» не вполне совпадает с русским словом «община». В английском языке «community» – это не только коллектив, но и «общность», то есть она может быть не только территориальной, но и экстерриториальной группой. Мы будем использовать определение, которое соответствует российской традиции и задачам нашего изложения, то есть рассматривать общину только как локальную группу.

Община – это сельское поселение (или группа поселений), жители которого обладают четким критерием принадлежности к данной общности, имеют собственные органы самоуправления (пусть даже и нерегулярные) и ведут совместную экономическую деятельность. Сельская община есть форма адаптации сельского труженика к социальной и природной среде в условиях слабо урбанизированного общества. Когда обеспечение орудиями труда, защита от природных и социальных катаклизмов лежат на самих крестьянах, они вынуждены поддерживать такой социальный организм, как сельская община. В конечном итоге община базируется на совместной деятельности. При этом не обязательно, чтобы вся экономическая деятельность в пределах общины осуществлялась совместно. Но необходимо, чтобы в ведении коллектива находилась часть жизненно важных операций.

У крестьянских общин, составлявших основу разных цивилизационных систем, есть ряд общих черт. Однако специфика экологической среды, исторического опыта, накладывала отпечаток на их культуру.

В политарных обществах важным фактором, определявшим судьбу сельской общины, была политика государства, которая различалась в трех цивилизациях. Особенности политики, в свою очередь, во многом определялись перечисленными выше четырьмя факторами.

Российское государство, так же, как и класс землевладельцев, в XVIII–XIX вв. были заинтересованы в сохранении общины. Причиной этого была налоговая политика. Как государство, так и помещики собирали налоги не с отдельного хозяйства, а с «мира». Дело здесь не столько в особом общинном духе русского крестьянства, сколько в том, что на огромных пространствах, при значительных объемах миграции крестьян сбор подушной и похозяйственной подати не мог эффективно контролироваться государством и помещиком. Европейская сельская община окончательно распалась к XVII–XVIII вв. Од-

нако и тогда, когда она существовала, она радикально отличалась от русской общины. Традиции индивидуализма были там гораздо более развиты. Поэтому к XIX в. уже нельзя говорить о наличии сельских общин на территории Центральной и Западной Европы, хотя отдельные пережитки общинности еще сохранялись.

Единицей налогообложения в Китае еще со времен раннего Средневековья являлись индивидуальные земельные наделы. Тем не менее сплоченность отдельных сельских коллективов и коллективистские традиции были столь сильны, что до сих пор можно говорить о сохранении сельских общин, хотя как самостоятельная юридическая единица они не существовали.

В любом аграрном обществе действуют механизмы выравнивания экономического положения членов общины, однако в разных обществах эти механизмы могут иметь свои особенности. В этом качестве может выступать периодическое перераспределение земель, контроль над уровнем потребления, перераспределение конечного продукта. В зависимости от того, какой из этих принципов превалирует, заметно различаются и другие элементы культуры – преобладающие формы собственности, правила подбора брачного партнера, отношение к старшим и младшим поколениям, обрядность и даже фольклор.

Многообразие форм организации внутриобщинной жизни особенно ярко проявляется в отношении главного ресурса общины – земельных угодий. Можно было бы сказать, что в разных обществах преобладали разные формы земельной собственности. Однако такое суждение некорректно и грешит европоцентризмом. Дело в том, что привычная для европейца и североамериканца XIX–XX вв. категория *земельной собственности*, во всей полноте ее содержания, просто отсутствовала в повседневном правосознании большинства сельских общинников самых разных культур, в частности в России и Китае. Да и в Европе XII–XVII вв. она еще не сформировалась.

Изучение различных культур показывает, что, как в законодательстве, так и в обычном праве присутствуют нормы, определяющие самые разные *формы использования земель* (будь-то пашня, пастбища или охотничьи угодья).

К этим формам можно отнести следующие права:

- распоряжения (выбор форм и методов хозяйственного использования, а также само это использование);
- получения ренты за сдачу земли в аренду;
- наследования и передачи земель в пользование;
- продажи.

Каждое из этих прав могло принадлежать различным субъектам. Так, в Китае, как мы покажем ниже, нередко были случаи, когда индивиды или группы, получавшие доход с земли, по нормам обычного права не могли влиять на то, какие культуры выращиваются, и какие агротехнические приемы при этом используются.

В русской общине люди, поколениями работавшие на земле и получавшие с нее доход, не могли ее продать, и даже не имели права на наследование, то есть в любой момент эту землю у них могли отобрать.

Необходимо различать *индивидуальное и коллективное* право, так как в качестве субъектов могли выступать как отдельные индивиды, так и целые социальные группы. Конечно, коллективное право всегда реализовывалось через конкретные решения и действия отдельных индивидов; суть «коллективности» состояла в том, что ни один из членов группы, даже ее признанный лидер, не мог принять решения единолично, не опираясь на мнение всего коллектива или какой-то его части. Например, закрепление земельных наделов за крестьянскими дворами, распределение высеваемых культур по отдельным участкам земли, назначение сроков начала и окончания работ во многих русских общинах были прерогативой общего схода. Решение было именно коллективным. Те же самые вопросы в адыгской общине единолично решал представитель феодально-родовой верхушки.

От коллективного права необходимо отличать индивидуальное право, принадлежащее представителям определенных категорий. Так, например, в России до конца XIX в. право на получение земельного надела в полную собственность фактически имели представители только некоторых сословных групп (дворянство, духовенство, купечество). Крестьянское сословие такое право получило только после отмены крепостного права.

Таким образом, для характеристики правовых отношений по поводу распоряжения землей в каком-либо обществе необходимо не только определить содержание самих отношений, но и указать на *субъект права*. Для этого необходимо учесть два фактора: является ли субъект индивидуальным или групповым и к каким именно социальным группам и/или категориям относится та или иная правовая норма. Такими группами и категориями могут быть:

- семья (индивид);
- род;
- территориальная община;
- сословие;
- общество в целом.

В традиционных обществах нередко действовали одновременно сразу несколько нормативных систем, каждая из которых по-разному определяла систему землевладения. Обычно это были нормы официальной государственной правовой системы и обычного права, которые могли не только расходиться, но и противоречить друг другу.

Так, в экстенсивных культурах, в условиях возможности привлечения дополнительных угодий (будь-то охотничьи угодья, пастбища или участки для земледелия) земля обычно рассматривается как «божий дар», и вопрос о собственности на нее стоял совсем по-другому, чем в культурах интенсивных. Среди русских крестьян даже в течение XIX в. преобладала так называемая «трудовая» теория земельной собственности, согласно которой преимущественное право распоряжения каким-либо участком земли принадлежит тому человеку или семейству, которые в данное время его обрабатывают. Но оно сохраняется за ними только до тех пор, пока продолжается их трудовая активность. Перестав работать на земле, человек или семья теряют все права на нее. Из этого вытекает недопустимость продажи земель, арендных отношений, ипотеки.

Такой взгляд на земельную собственность был прямым следствием экстенсивного характера освоения среды. Действительно, в русской истории не было десятилетия, чтобы какая-то (и часто весьма значительная) часть крестьянства не осваивала бы новые земли. Это могли быть и внутренняя колонизация, и массовые миграции за пределы территории основного расселения. Вспомним хотя бы освоение южнорусских степей в начале XIX в. – именно этот процесс стал фоном поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Тогда в течение 30 лет на новые места перебрались около 1 млн. крестьянских семей – более 10% всего сельского населения Российской Империи. Даже в начале XX в., в ходе столыпинских реформ около 10% хозяйств двинулись в Сибирь, на освоение новых территорий. Понятно, что в этих условиях в качестве распорядителя воспринимался тот, кто первым осел на земле и начал активно на ней работать. Элементы трудовой концепции присутствовали и в некоторых обществах интенсивного земледелия, например, в китайском.

В то же время на уровне официального законодательства действовали нормы земельной собственности, основанные на Римском праве и Кодексе Наполеона, в корне несовместимые с трудовой концепцией. На эти нормы ориентировались в основном государственные учреждения и представители высших сословий общества, составлявшие незначительный его процент. Это проявление принципа дополнительности в культуре (см. главу 1) нередко приводило к крес-

тьянским бунтам и другим формам конфликтов между крестьянами, с одной стороны, и помещиками и государством – с другой.

Но и в интенсивных культурах, в которых действовали более жесткие правила закрепления угодий и в которых консенсус по поводу правил обращения с землей был выше, также могли существовать противоречия между официальным и обычным правом.

Формы распоряжения землей, принятые в каком-либо обществе, зависят от:

- степени ограниченности земельных ресурсов;
- технологии возделывания культур;
- степени развития престижной экономики и наличия класса рантье в обществе;
- системы налогообложения.

В данном разделе мы рассмотрим культуру сельских поселений в различных обществах на завершающем этапе развития аграрной цивилизации. Сравним русскую земельную общину XIX – начала XX вв., китайскую и европейскую общины.

3.2. Экстенсивные культуры. Русская сельская община

3.2.1. Миграции в истории русского этноса

Самым многочисленным народом Российской Федерации, составляющим более 82% ее населения, являются русские. Общая их численность в мире составляет около 150 млн. чел., из них на территории РФ проживает около 120 млн., 25 млн. – на территории республик бывшего СССР и около 5 млн. – в других государствах: США, Канаде, Аргентине, Австралии, Новой Зеландии, Румынии.

Русский (великоросский) этнос начал формироваться в XIII–XIV вв. на территории тогдашней Залесской Украины (район Волжско-Окского междуречья) в результате двух процессов: с одной стороны, экспансии восточно-славянского населения Новгородской и Киевской Руси на восток, с другой – политической и культурной консолидации колонизируемых земель. Колонизация на начальных этапах вызывалась княжескими междоусобицами, набегами кочевников, а также монголо-татарским завоеванием XIII–XIV вв.

Процесс формирования исторического ядра русского этноса и всё последующее его развитие были связаны с миграционными процессами. С XV в. все более существенную роль начинают играть экономические факторы – поиск новых ресурсов, высоко ценившихся на внешнем рынке, в первую очередь, пушнины, а с развитием промышленности – леса и полезных ископаемых.

С конца XVIII в. основным фактором, вызывавшим миграцию, становится растущее безземелье крестьянства в Центральных районах России. Во все периоды значительную роль в территориальной экспансии играл геополитический фактор – стремление центральной власти обеспечить себе поддержку путем образования русских православных общин в колонизируемых регионах. Этот фактор имел особое значение при заселении Среднего Поволжья, Кавказа, Новороссии, Крыма, Средней Азии.

Таким образом, в течение почти всей своей истории русский этнос непрерывно увеличивал территорию расселения. В сферу его жизнедеятельности вовлекались все новые земли, непрерывно возрастало количество других ресурсов, потенциально доступных в каждый момент (леса, топлива, металлов и т. п.). Экстенсивный характер развития в значительной степени определял особенности культуры и менталитета русского этноса как по отношению к народам Западной Европы, так и к народам Юго-Восточной Азии, в частности Китая, Японии, Кореи. Он сдерживал развитие специализации, позволяя сохранять относительно отсталые технологии и разрешать внутренние проблемы общины за счет привлечения дополнительных ресурсов (миграции на свободные земли или развития неэффективных систем производства за счет увеличения энерго- и материалоемкости).

Территориальная экспансия сопровождалась контактами с населением осваиваемых регионов, причем характер взаимодействия со временем менялся. Если первые этапы освоения (IX–XI вв.) протекали достаточно мирно и обычно заканчивались естественной ассимиляцией местного финно-угорского населения славянами, то более поздние переселения, особенно в XVII–XIX вв., нередко были связаны с конфликтами и конкуренцией по поводу земли и других природных ресурсов.

Перечислим лишь основные миграции, повлиявшие на формирование русского народа:

1. Освоение славянами междуречья Оки и Волги, сопровождавшееся ассимиляцией местного финно-угорского населения (IX–XIV вв.).
2. Непрерывная экспансия в северные области Европейской части, в направлении Белого моря.
3. Движение на восток, в сторону Урала и за Урал через северные его отроги (с X в.).
4. Массовая миграция в Среднее Поволжье, усилившаяся в XVI в., после падения Казанского и Астраханского ханств.
5. Ранние миграции в Сибирь через Центральный и Южный Урал (XVI–XVII вв.).

6. Освоение южных лесостепных и степных районов Европейской части после перелома в ходе русско-турецких войн в пользу России (конец XVIII – первая половина XIX в.).

7. Массовые миграции в Закавказье и Среднюю Азию в XIX – начале XX вв.

8. Массовые миграции в Сибирь после Великой реформы 1861 г. и особенно во время Столыпинской реформы.

9. В особую статью можно выделить религиозные миграции, то есть бегство от преследований государственной православной церкви, или высылку представителей отдельных сект и конфессий (старообрядцы, молокане, духоборы) на границы Российского государства.

10. Массовые миграции советского времени, связанные с индустриализацией, политическими репрессиями, эвакуацией, эмиграцией.

Русские сельские общины были разбросаны на огромном пространстве, в разных климатических и социальных условиях, поэтому многообразие форм адаптации к природной и культурной среде было очень велико. Тем не менее существовали несколько доминирующих типов и универсальных механизмов, действовавших фактически на всем пространстве расселения русского этноса.

Преобладающей формой организации сельского населения была передельная община, хотя на Севере, в Малороссии, а первоначально и в Сибири преобладало семейное землевладение. Рассмотрим лишь один из типов, доминировавших на территории основного расселения русского этноса в XVIII–XIX вв.

Сельская русская передельная община не была прямой наследницей более древней родовой общины. Заселение славянами лесов Восточно-европейской равнины, в которых собственно и сформировался русский этнос, происходило, видимо, уже после ее распада и шло отдельными семьями, то есть новая община изначально формировалась именно как территориальная (соседская). Характерные для нее механизмы землепользования, в частности, уравнительное перераспределение земель и взаимопомощь, определялись рядом факторов, в том числе:

- возможностями экстенсивного развития сельского хозяйства, прежде всего относительно свободного привлечения дополнительных земель;
- сложными климатическими условиями, в частности холодным климатом и коротким периодом основных сельскохозяйственных работ;
- низкой степенью урбанизации общества, что обуславливало низкие цены на сельхозпродукцию по сравнению с Европой;

– политикой государства, вынужденного признать общину в качестве основной единицы налогообложения. На протяжении XVIII в. предпринимались попытки собирать налоги с отдельного крестьянского хозяйства – именно с этой целью Петр I начал проводить в 1719 г. первую ревизию хозяйств. Однако эта попытка окончилась неудачей, и государство в конце XIX в. вынуждено было признать юридический статус общины. Этим русская община отличалась от крестьянских общин многих других культур, в частности европейской и китайской, где единицей налогообложения издавна было хозяйство, а община являлась скорее неформальным территориальным объединением;

– вызванную социальными и политическими процессами отсталостью агротехнологии, обусловившую неспособность российского общества исключить неурожай 1821–1822, 1833–1834 и 1848–1849 гг. и более поздних годов. Это отличало в XIX веке Восточную Европу от Европы Центральной и Западной, где влияние природных катаклизмов (в основном засух) было сильно уменьшено в результате «зеленой революции» XVIII в., то есть благодаря развитию многополья, поливного земледелия, межрегиональной торговли.

3.2.2. Основные занятия и технологии

Основу хозяйственной жизни большинства русского населения, вплоть до 50-х гг. XX в., составляло сельское хозяйство, а именно: пахотное зерновое земледелие. Главной культурой была рожь; пшеница заняла существенное место в хозяйстве лишь с освоением в XVIII–XIX вв. юго-восточных и южных концов Восточно-европейской равнины. Преобладающей системой ведения хозяйства было трехполье, то есть чередование озимых, яровых посевов и паров. В течение года собиралось два урожая ржи – озимый и яровой. Основным источником зерна был озимый клин. Озимые высевались в конце лета и собирались в мае-июне. На их месте высевались яровые хлеба, которые вызреть зачастую не успевали; они собирались в конце осени и шли в основном на корма. После этого поле в течение года отдыхало, «гуляло под паром». В этот период в него вносились органические удобрения (навоз). Яровой клин стал основным только по мере продвижения русского крестьянства в южные районы и замены ржи пшеницей. Это в корне изменило весь календарь работ.

Таким образом, основными технологическими процедурами были: пахота, посев и покос, производившиеся два раза в сезон, а также внесение удобрений, осуществлявшееся обычно ранней весной либо поздней осенью, когда держались морозы, а снежный покров не был глубоким, что позволяло выезжать в поля на санях.

Каждая из этих основных процедур сопровождалась вспомогательными. Так, посев завершался боронованием, цель которого – убрать семена под верхний слой почвы. Покос хлебов сопровождался сбором колосков, скирдованием, обмолотом, сушкой зерна.

Для выполнения всех этих процедур необходима была полноценная брачная пара с детьми. Только такой состав семьи позволял справиться со всем циклом работ. Именно поэтому полноценный надел земли получали только взрослые женатые мужчины.

У каждой половозрастной группы был свой участок работ. Вывоз удобрений (навоз) осуществлялся почти исключительно мужчинами, так же, как и пахота и сев. Косьба, боронование могли осуществляться как мужчинами, так и женщинами; нередко к этим процедурам привлекалась взрослая (старше 14–15 лет) молодежь. Сбор колосков, оставшихся на поле после косьбы и скирдования – занятие младших (5–10 лет) детей. Скирдование, обмолот, сушка зерна осуществлялись, как правило, совместно, так как должны были проходить в очень сжатые сроки, иначе урожай вымокнет и пропадет.

Важным моментом для понимания особенностей российской крестьянской культуры представляется сочетание коллективизма/индивидуализма в трудовом процессе. За каждым тяглом закреплялся определенный надел. Однако мужчина – главный работник – не был не только хозяином, но и полноправным распорядителем этой земли. Вопросы о том, какие культуры и где высевать, когда начинать и заканчивать ту или иную процедуру, решались не индивидуально каждой семьей, а на общем сходе глав семейств. Такой коллективизм был суровой необходимостью, связанной с тем, что налоги собирались со всей общины, и поэтому она просто вынуждена была нести коллективную ответственность за урожай.

Вторым фактором коллективизма являлись природные условия. Как уже отмечалось, в русской деревне почти все процедуры осуществлялись в течение 5–6 месяцев – с мая по октябрь, в то время как в Европе крестьянин имел в запасе, как правило, 8 месяцев, в Китае – до 10. Это вызывало у русского крестьянина привычку к концентрации основных усилий, как индивидуальных, так и коллективных, в сжатые сроки.

Часть работ проводилась не индивидуально, а коллективно, то есть работы велись не на закрепленном за тяглом участке, а на всем поле (например, удобрение, сбор колосков) или просто совместно (сушка зерна, идущего в семенной фонд).

На большинстве территорий Центральной и Западной Европы трехпольная система была отброшена и заменена многопольем еще

в конце Средних Веков как не обеспечивающая эффективного восстановления почв в условиях их интенсивного использования. В русском сельском хозяйстве эта система землепользования также вызвала периодические кризисы безземелья; однако постоянно действовавший фактор – отток избыточного сельского населения во вновь осваиваемые регионы – позволял сохранять ее в качестве основы аграрного сектора вплоть до начала, а в ряде регионов – и до середины XX века. Более того, на окраинах постоянно расширявшейся «русской ойкумены» временно возрождались более примитивные и экстенсивные по характеру системы земледелия – перелог (в степных регионах и на обширных приречных луговинах) и подсечно-огневая система (в лесных регионах). При этих системах распаханый участок эксплуатировался в течение нескольких лет, а затем забрасывался и «отдыхал» под пастбищем или мелколесьем, пока снова не распаханался через несколько лет, а иногда – десятилетий.

Таким образом, действовала система, «заряженная» на экстенсивное развитие. Необходимость непрерывной экспансии вызывалась относительно отсталой агротехнической системой и низкой урожайностью основных культур, при постоянном и быстром (особенно в XIX в.) приросте населения, а реальная возможность такой экспансии позволяла сохранять эту систему. На территории Западной Европы возможности экстенсивного развития были исчерпаны самое позднее к XIV–XV вв.

Высказываемые иногда (особенно западными исследователями) мнения о том, что урожайность в сельском хозяйстве русских была не ниже, а может и быть и выше, чем в Европе, основывается, как правило, на локальных данных. Так, американский историк С. Хок, изучавший поселения Тамбовской губернии в начале XIX в., не учитывает, что территория Тамбовской области осваивалась русскими переселенцами не ранее, чем с конца XVIII в., и на неистощенных черноземах в течение жизни одного – двух поколений урожайность действительно могла быть высокой. Однако это не было характерно для территории основного расселения русского этноса, где урожайность, по мнению большинства исследователей, в частности, А.В. Чаянова [113, 23], в конце XIX в. в среднем составляла «сам-3,5» (то есть зерна собиралось в 3,5 раза больше, чем высевалось) и была в 2–3 раза ниже, чем в Западной Европе.

Специализация в деревне была развита очень слабо. Были умельцы, то есть крестьяне, совмещавшие труд на пашне с изготовлением каких-либо орудий труда или предметов потребления и обслуживавшие всю округу (кузнецы, шорники, и т. д.). Иногда община бра-

ла их, что называется, на полное довольствие, особенно кузнецов; но нередко были случаи, когда умелец также имел собственный надел. Подобное производство иногда неправильно называется «ремесленным». *Ремесленник* – это профессионал, как правило, принадлежащий к какому-либо профессиональному объединению («цеху»). *Умелец* же – это «кустарь-одиночка», нередко рассматривавший свое занятие как услугу всей общине, либо как дополнительный заработок.

В конце XIX – начале XX вв. в районах, особенно остро испытывавших земельный голод (Рязанская, Тамбовская, Московская губернии), массовое развитие получили так называемые *народные промыслы*. Существовали они и раньше (например, на Урале), но не носили массового характера.

Суть народного промысла состоит в том, что значительная часть сельского населения выпадает из сельскохозяйственного производства и специализируется на производстве какого-либо вида товара, поступающего как на внутренний, так и на внешний рынки. Это могло быть бочарное или шорное производство, а также изготовление кружев, посуды, меховых и пуховых изделий и т. д. Развитие народных промыслов позволяло крестьянам включаться в рыночное хозяйство, не меняя коренным образом своего образа жизни.

3.2.3. Численность и система расселения.

Русская сельская община по численности представляла собой среднюю группу и включала в себя от нескольких дворов до нескольких сотен хозяйств. Однако в XIX в. наиболее типичными были общины, объединившие несколько десятков дворов – около 50–100; таким образом, численность общины была примерно 200–800 человек. Они могли составлять население одной большой деревни; однако чаще всего община имела иерархическую поселенческую структуру – помимо одного центрального населенного пункта, в котором проживало 50–70 % населения, в нее входили несколько более мелких деревень и хуторов. Такая структура во многом была обусловлена экстенсивным характером освоения среды. Малые деревни и хутора образовывались на выселках, в процессе вовлечения в хозяйственный оборот новых земель. Так что они были необходимым элементом экологии русской деревни.

Центром общины обычно было село – поселение, имевшее церковь и бывшее центром прихода. Однако жесткой связи между общиной и приходом не было. В составе одного прихода могли состоять несколько мелких общин.

Размеры и поселенческая структура общины зависели не только от климатических условий. Традиционно землю в России раздавало государство. На государственных землях и у богатых помещиков образовывались многолюдные общины. У крупного собственника могло быть несколько общин. Мелкопоместный дворянин мог владеть одной очень небольшой общиной.

Русская община была достаточно подвижным образованием. Это также было связано с экстенсивным характером российской цивилизации. В период крепостного права крестьяне могли свободно продаваться и покупаться и тем самым перемещаться из общины в общину. Кроме того, в России непрерывно шло территориальное расселение крестьянства, часто незаметное в пределах одного поколения, но хорошо прослеживающееся в исторической ретроспективе. Поэтому состав семей, входивших в каждую общину, от поколения к поколению мог заметно меняться. Это накладывало свой отпечаток на процесс формирования культуры; в частности, постоянная возможность оттока крестьян за пределы основной территории расселения этноса уменьшала возможности как формального, так и, самое главное, неформального социального контроля.

3.2.4. Экономические функции русской сельской общины

Функционирование общины базировалось на следующих основных механизмах:

1. Периодическом приведении земельного надела, находящегося в пользовании отдельной семьи, в соответствие с ее демографическим составом;

2. Коллективной ответственности всей общины за уплату налогов («круговая порука»); представительстве интересов крестьян перед помещиком и государством и интересов государства и помещика перед крестьянами. Налоги (как государственные, так и барские) собирались с общины, а не с хозяйства. Поэтому община обязана была платить денежные и/или натуральные налоги, или производить отработки за тех тягловых крестьян, которые по тем или иным причинам не могли этого сделать (болезнь, смерть кормильца, неурожай, несчастные случаи, и т. д.).

3. Страховке членов общины от социальных и природных случайностей (смерть кормильца, неурожай, пожар и т. д.).

До 1861 года, то есть до отмены крепостного права, крестьяне не могли иметь землю в собственности, так как она принадлежала государству или помещику. После 1861 г. часть земель перешла в коллективную собственность крестьянских общин. И только с конца XIX в.

появилась и развилась индивидуальная крестьянская земельная собственность, которая, впрочем, так и не стала доминирующей формой землевладения.

Так обстояло дело с юридической точки зрения. Однако иначе воспринималась картина земельной собственности с точки зрения обычного права. Крестьяне обосновывались на земле, веками осваивали ее, платили налоги. Как отмечалось выше, доминирующей нормой обычного права была трудовая концепция земельной собственности. Другими словами, крестьяне считали часть земли своей, хотя юридически это было не так.

В состав имения входили обычно пашня, пастбище, лес, а также земли, занятые непосредственно поселением под жилыми постройками и огородами. Главным элементом, безусловно, были пахотные угодья.

«Юридические» собственники приходили и уходили – земли перепродавались и дарились, отбирались за долги и проигрывались в карты, а крестьянская община продолжала оставаться ее фактическим распорядителем. Юридический собственник воспринимался как некий неизбежный, но посторонний для данной социальной системы элемент. Поэтому фактическим хозяином значительной части (до 50 %) помещичьей земли оставалась община. Если налогообложение осуществлялось в форме оброка, то в распоряжении общины находилась вся или почти вся пахотная земля. Если барин сам пытался вести хозяйство, то до 50% земель находились в его распоряжении, а крестьяне вынуждены были отрабатывать на барщине часть времени. Положение изменилось только после 1861 г., когда у крестьян «отобрали их землю».

Все угодья, находившиеся в распоряжении общины, представляли для крестьян далеко не одинаковую ценность. Поэтому общинные земли делились на отдельные участки (поля). Земля, попадавшая в каждый участок, имела примерно одинаковые характеристики. Качество участков определялось:

- качеством почв;
- удаленностью от дорог;
- удаленностью от населенных пунктов;
- рельефом местности.

Размер поля мог быть очень разным, он колебался от 1 до нескольких десятков десятин. Небольшое поле обычно включало в себя один клин (озимый, яровой или паровой); большие поля содержали все три клина.

Каждая семья получала полосы на разных полях – от самых хороших до самых плохих. Размеры полосок варьировали в зависи-

мости от многих обстоятельств, однако был распространен определенный стандарт – 1/10 десятины.

Десятина – единица измерения площади – могла быть хозяйственной или казенной. Казенная десятина равнялась примерно 1,4 га (120 × 120 м); хозяйственная – 1,2 (110 × 110 м). Разница в размерах десятин определялась тем, что казенная использовалась при определении размера налога, то есть чем больше размер десятины, тем меньше десятин в поле, тем меньше налог; хозяйственная же использовалась при распределении земли по тяглам.

Крестьянский мир старался стандартизировать полоски. Каждая из них в идеале имела длину примерно 110 м – столько мог пройти в оба конца без остановки конь, запряженный сохой или плугом. Ширина равнялась примерно 10–12 метрам. Это позволяло обрабатывать одну полоску в течение полудня.

Полоски распределялись между крестьянами по жребию или по договоренности. Благодаря этому работающие крестьяне перед летней запашкой оказывались примерно в одинаковых условиях, что уменьшало возможность возникновения конкуренции между ними. Одновременно это явление, называемое *чересполосицей*, сдерживало развитие сельхозпроизводства. Применение высокоэффективной техники и агроприемов на отдельных маленьких полосках было невозможно. Оно сдерживалось не только малым размером полос, но и общинной психологией, не допускавшей повышения производительности труда у отдельного общинника. К тому же значительная часть земли (до 5–7 %) уходила под межи.

В русской деревне действовало два основных принципа распределения общинных земель между крестьянами: *по едокам* и *по работникам*. Первый принцип действовал в основном в условиях обезземливания, сокращения подушного надела. Более характерным для общины в режиме нормального ее функционирования был принцип распределения по количеству работников, а точнее, *по тяглам*.

Слово *тягло* имело в русском языке XVIII–XIX вв. множество разных, хотя и тесно связанных друг с другом значений. Это и упряжь рабочей скотины, и единица налогообложения внутри общины, и трудовая ячейка. Мы рассмотрим третье – главное – значение.

Тягло – элементарная ячейка крестьянской семьи – состояло из брачной пары в возрасте до 60 лет. Тягловый надел – это земельный надел, который получал один женатый взрослый мужчина. В разные времена, в разных местностях величина тяглого надела могла варьировать. Однако в среднем на одно тягло выделялось в XIX в. 8–10 десятин. К 1913 г. плотность сельского населения Нечернозем-

ной зоны России настолько выросла, что каждый тягловый надел составлял в среднем 4–5 десятин, что не обеспечивало даже потребности в питании.

Крестьянский надел не составлял единого поля. Он, как правило, был разбросан по нескольким полям. Это делалось для того, чтобы уравнивать условия хозяйствования в каждом тягле.

Помимо полного тяглого надела, были и половинные, а также четвертные наделы. Существовали и так называемые «вдовьи наделы», составлявшие обычно от 0,1 до 0,25 полного надела.

Половинные наделы получали, как правило, взрослые мужчины, не вступившие по какой-либо причине в брак, либо вдовцы. Неполные наделы (0,5 или 0,25) выделялись также пожилым, но еще трудоспособным крестьянам (старше 60 лет).

Двор обычно включал более одного тягла (от 1,5 до 3), например, две брачные пары (отец-мать и старший сын-сноха – 2 тягла), или брачная пара со взрослым неженатым сыном (1,5 тягла), или женатый сын со вдовым отцом.

Таким образом, *размер подворного надела во многом определялся демографической структурой семьи*, в результате чего ежегодно (обычно весной – до яровой запашки) происходило перераспределение земель, с тем чтобы привести подворный надел в соответствие с демографической структурой семьи. Нельзя представлять дело так, что каждый крестьянин в начале года получал новый надел – последний мог оставаться в распоряжении крестьянина в течение длительного времени, часто практически всю жизнь, пока не менялся его социально-экономический статус. Общій («черный») передел происходил достаточно редко (раз в 12–20 лет) и далеко не во всех общинах; по мере развития земельного дефицита он происходил все реже и реже, и доля общин, где он не производился ни разу, постоянно возрастала.

Необходимостью в крестьянском хозяйстве было наличие крупного и мелкого скота, а также тягловых животных. Скот был важен не только потому, что давал молоко и мясо, но, прежде всего, потому, что давал удобрение – навоз. Скот находился в семейной собственности, хотя летний выпас обычно осуществлялся коллективно, для чего на общинные деньги нанимался пастух. Минимальное количество скота составляло 1 голову на тягло; зажиточные крестьяне старались иметь в хозяйстве 3–5 коров; отсутствие скота говорило о полном обнищании семьи. Коровы в русском хозяйстве были малопродуктивными не только из-за породы, но и из-за хронической бескормицы. Луга и покосы находились либо в общинной собственности (у государственных крестьян), либо в помещичьей; в последнем слу-

чае возникало немало проблем с выпасом и кормами. Кроме того, русские крестьяне не выращивали высокопродуктивных кормовых культур. Основной кормовой культурой в трехпольном севообороте был овес.

В качестве тягловых животных использовались не только лошади, но и волы. Наличие лошади позволяло существенно увеличивать скорость заправки; зато волы были более дешевыми, неприхотливыми и давали больше навоза. Наличие в семье 2–3 лошадей или 5–6 волов было технологической необходимостью. Отсутствие волов в хозяйстве было трагедией, поскольку арендовать их было очень трудно – всем семьям они были нужны одновременно. Нередки были случаи, когда в соху или борону был вынужден впрягаться кто-либо из членов семьи.

Основным орудием пахоты оставалась соха. Покупка плуга была не по карману даже средне зажиточным крестьянам и вплоть до конца XIX в., до возникновения небольшой прослойки зажиточных крестьян, количество плугов в крестьянских хозяйствах было крайне незначительным.

Достаточно важное место в крестьянском хозяйстве имел огород. В отличие от основных сельхозугодий, он находился практически в полном распоряжении двора – он не отчуждался, крестьянин был свободен выбирать, что именно, когда и как выращивать на огороде. Однако набор культур определялся в основном традицией – выращивали то, что дополняло однообразный крестьянский стол – плодовые деревья и кустарники, овощи, самосад, и т. д. На продажу выращивали очень редко. Незначительные кражи с огородов были явлением обычным и нередко становились предметом тяжбы. Во многих общинах уже в XX в. унести с огорода то, что предназначалось не на продажу, а для непосредственного потребления, вообще не считалось кражей. Крестьянские огороды были довольно значительными по площади и достигали 0,5–1 десятины; однако этого, безусловно, было недостаточно, чтобы прокормить семью.

Крайне низкий уровень урожайности приводил к тому, что среднее крестьянское хозяйство постоянно балансировало на грани физического выживания. Продажа зерна на внешний рынок достигалась в основном за счет того, что помещики были заинтересованы в денежных доходах. Крестьяне в рыночный обмен почти не вовлекались. Они продавали лишь очень небольшой избыток зерна, приобретаемая недоступные для производства в натуральном хозяйстве продукты (соль, чай, сахар в малых количествах) да отдельные орудия труда (топоры, косы, серпы, упряжь). Впрочем, орудия низкого качества

нередко изготавливали местные умельцы. «Городские» ткани стали покупаться лишь в середине XIX века.

3.2.5. Механизм распределения и перераспределения земли

Экстенсивный характер развития русской цивилизации в значительной степени повлиял на формирование отношений собственности в аграрной общине. Сам по себе экстенсивный или интенсивный характер культуры еще не определяет формы собственности на землю. Во многих интенсивных культурах условия производства объективно требуют коллективной (общинной) формы собственности на один из важнейших ресурсов (например, общинная собственность на пастбища, собственность на воду в условиях поливного земледелия). Однако если рассмотреть только один культурно-хозяйственный тип – равнинных пашенных земледельцев, то здесь, безусловно, введение частной собственности на землю явилось следствием перехода от экстенсивных к интенсивным методам ведения хозяйства.

Общинная собственность на землю имеет принципиальное значение именно в передельной общине, где она реализуется через право общины периодически уравнивать семейные наделы различных семей с тем, чтобы обеспечить относительно одинаковые условия и тем самым сохранить общину как целое, избежав расслоения. Уравнительный характер землепользования предполагает контроль со стороны общины не только над размером надела, но и над технологиями, применяемыми в хозяйствах. Использование отдельным хозяином продвинутых агроприемов, связанных с улучшением качества почв, не имеет смысла, поскольку данный участок может оказаться в руках другого хозяина, кроме того, успехи на ниве земледелия неизбежно порождают зависть со стороны соседей, что нарушает стабильность общины. Поэтому в передельной общине всегда поддерживается относительно низкий уровень урожайности; даже в условиях рыночного хозяйства, она не способна стать основой высокотоварного производства. При низком и, главное, не поднимающемся уровне урожайности и положительном естественном приросте, для того чтобы сохраниться как целое, община вынуждена либо захватывать новые земли, либо «выталкивать» избыточное население на освоение новых земель. Именно так функционировала русская передельная община в течение всей своей истории. Другими словами, передельная земледельческая община может длительно существовать только в условиях экстенсивной культуры.

Механизм ее функционирования обуславливал вполне определенное отношение к собственности. В частной собственности крес-

тьянского семейства находились только скот, орудия труда и небольшой приусадебный участок. Эта собственность священна и неприкосновенна не только для членов данной семьи, но и для всех других семей данной общины. Это, так сказать, собственность первого уровня; именно к ней относятся представления о необычайной честности русского крестьянства. Однако нельзя идеализировать отношения и к этой собственности. Напомним, что еще в середине и даже в конце XIX в. сказывались пережитки «раздельных» отношений – когда каждый общинник мог безвозмездно воспользоваться чужим частным огородом (например, нарвать себе огурцов или выдернуть несколько реп), если это шло не на продажу, а в личное, как правило, немедленное, потребление. По мере отмирания этих отношений усиливались и становились более частыми конфликты между общинниками по поводу кражи скота, орудий труда и другого личного имущества, погравы огородов.

Собственность второго уровня – это *собственность общины*, в первую очередь, пашня, выпасы, в ряде случаев – дорогостоящие орудия производства (мельницы). Контроль над сохранностью этой собственности также был достаточно жестким. Община строго карала того из членов, кто попадался на краже или порче общинной собственности, хотя такие нарушения были не столь редки.

Наконец, отношение к *помещичьей и государственной собственности*, к орудиям и угодьям, которые ее составляли, было такое, какое только и могло быть в условиях экстенсивной общины – как к элементам внешней среды, резервам потенциального расширения общинной собственности, в данный момент не входящим в сферу ее влияния, а следовательно, не находящимся под ее защитой. Поэтому существовала малопроезжая пропасть между правосознанием помещиков и чиновников, которые, согласно правовым нормам, считали собственность государства и частную собственность других сословий неприкосновенной, и основанном на обычном праве правосознанием крестьян, которые эту собственность таковой не считали.

Среди исследователей нет единого мнения относительно того, во всех ли областях Западной Европы существовала передельная община. Несомненно, однако, что там, где она существовала, она оказывала точно такое же воздействие на сельскохозяйственное производство и уклад сельской жизни, как и в России. Вплоть до XVII в. сельская община тормозила рост сельскохозяйственного производства, заставляя общинников поддерживать низкую урожайность и тем самым сохранять стабильность самой общины.

Потеряв возможность экстенсивного развития, община вынуждена изменять основные правила своей организации. Кризис выража-

ется в том, что не увеличивающиеся больше общинные земельные угодья в сочетании с ростом числа домохозяев и стабильной (или уменьшающейся) урожайностью неизбежно приводят к тому, что каждая отдельная семья оказывается в результате бесконечных переделов обладателем столь малого надела, что он не способен прокормить эту семью. Ситуация осложняется тем, что стремление к «справедливости» – основа общинной психологии – приводит к чересполосице, бывшей бичом российской деревни в не меньшей степени, чем малоземелье. Каждому доставалась полоска плохой, полоска хорошей и полоска средней по плодородию земли. Такие правила, пригодные и неизбежные при потенциально неограниченном объеме привлекаемых земель, в случае возникновения острейшего земельного дефицита, который окончательно сложился в России в первые десятилетия XX века, служат фактором усиления кризиса, так как сдерживают рост эффективности сельскохозяйственного труда.

Именно сохранение общины в значительной степени обуславливало «русский парадокс» – угнетающее безземелье при обширных территориях и относительно низкой плотности сельского населения.

Дефицит сельхозугодий был обусловлен также реальной ограниченностью земельных ресурсов, с которой столкнулся русский этнос в конце XIX в. по мере исчерпания возможностей дальнейшей территориальной экспансии. Именно поэтому рубеж XIX–XX вв. стал моментом начала кризиса русского общества. К 1917 г. из 75% русских, занятых в сельском хозяйстве, как минимум половина были членами сельских общин.

3.2.6. Подбор брачных партнеров как механизм регулирования экономических отношений

Одной из главных функций русской общины было поддержание социального равновесия через постоянное выравнивание экономического статуса дворов. Это было выгодно как самой общине, поскольку снимало противоречия, неизбежные при расслоении, так и помещику, потому что сохраняло платежеспособные хозяйства. Помимо передела угодий в результате изменения демографического состава домохозяйств, действовал также механизм подбора брачного партнера. Он был «организован» таким образом, чтобы не допускать концентрации в пределах одного домохозяйства слишком больших земельных наделов, значительно превосходящих наделы других дворов.

Вступление в брак в аграрных обществах сопровождается потоками материальных ценностей между семьями. Все исследователи таких обществ подчеркивают, что брак в них несет, прежде всего, эко-

номические функции. *Передача ценностей от семьи невесты к семье жениха называется «приданым», а семья жениха выплачивает «калым», или «кладку».* Обычно имеют место обе выплаты, однако их соотношение по стоимости и содержанию заметно различается, в зависимости от социальной структуры общества.

В экономической антропологии издавна выдвигалось предположение, что характер собственности на землю в значительной степени определяет механизмы подбора брачного партнера и экономические отношения между семьями брачующихся. В частности, в обществах, где происходит расслоение сельского населения и фиксация наследственного статуса, приданое по стоимости значительно превосходит кладку; наоборот, в обществах с преобладанием уравнительных тенденций, плата за невесту бывает выше приданого. Это, в свою очередь связано с наличием частной собственности на землю. Для большинства регионов России были характерны уравнительные тенденции, так как земля находилась в собственности общины, либо государства или помещика. Лишь в Малороссии и на Севере европейской части России, где земля находилась в распоряжении отдельных домохозяйств, а община как самостоятельная юридическая единица не существовала, приданое, иногда включавшее в себя даже земельный надел, преобладало над кладкой.

3.2.7. Социально-демографическая структура русской аграрной общины и тенденции ее изменения

Основной ячейкой в общине была семья; к XIX в. не сохранились даже рудименты родовой организации, которые нередко играли существенную роль в других земледельческих обществах (например, в Средней Азии, на Кавказе, в Китае).

Половозрастная принадлежность человека была важнейшим фактором, определявшим социальный статус человека в русской деревне.

Все трудоспособное мужское население делилось на «старых», «больших» и «младших». Основу этой структуры составляли взрослые самостоятельные мужчины, состоящие в браке. Они имели право на выделение им полноценного надела, что, однако, налагало на них обязанности по выплате налогов. Вступление в брак, происходившее обычно в возрасте 18–20 лет, в большинстве случаев не означало для крестьянина выдела из двора.

Этим обуславливалась практически поголовная брачность взрослого населения, поскольку состояние в браке было экономически выгодно как отдельному двору, так и получателю налогов (помещику или государству).

С другой стороны, из этого следовало, что материальное положение двора в значительной степени определялось его демографической структурой – чем больше тягл, тем богаче двор. В сочетании с тем, что детский труд широко использовался на многих подсобных процедурах, уравнительное землепользование повышало заинтересованность каждой отдельной семьи в высокой детности. «Изучение многих доиндустриальных обществ обнаружило прямую корреляцию между численностью двора и объемом материальных благ на человека» [110, 103].

По мнению С. Хока, «в Петровском объем материальных благ не зависел от наследования, семейного статуса или возможности распоряжаться несоразмерным количеством производительных ресурсов. Самое большое влияние на дифференциацию оказывали биологический цикл дворов и удачливость» [110, 106]. Эта закономерность прослеживалась на территории бывшего СССР даже во второй половине XX в. Так, например, по данным социологических исследований, в оазисах Средней Азии (Узбекистан) более высоким среднедушевым достатком обладали именно многодетные семьи.

Значительная зависимость материального положения двора от его демографической структуры обуславливала и особенности социальной мобильности в среде сельского населения. Социальное расслоение предполагает наследование статуса, обычно определяемого рядом параметров, таких как доход, власть, образование. Крестьянство было низшим сословием русского общества, выход за пределы которого, вплоть до конца XIX в., был затруднен. Поэтому потенциал социальной мобильности реализовался внутри сословия.

В первой половине XIX века мобильность крестьян Центральной России характеризовалась следующими чертами:

- высокая индивидуальная мобильность семей внутри общины. В течение жизни одного поколения каждая семья могла несколько раз поменять свой социальный статус;

- равновесие «повышающих» и «понижающих» потоков. Количество семей, повышавших свой статус в течение года, примерно равнялось численности семей, чей статус понижался. Равновесие встречных потоков мобильности иллюстрируется материалами по с. Петровское Тамбовской губернии, относящимся к началу XIX в. Из 40 дворов за 14 лет с 1813 по 1827 г., в 23 количество лошадей увеличилось, в 10 – уменьшилось. Увеличение количества лошадей было характерно для малолосадных и безлошадных хозяйств. Наоборот, среди тех хозяйств, где количество лошадей в 1813 году составляло от 3 до 6 (26 хозяйств), у половины оно уменьшилось, а у половины – возросло;

– выбрасывание лиц с отклоняющимся поведением, за пределы общины (город, рекруты). Так, в именье Петровском Тамбовской губернии в 1830-х годах до 2/3 отправляемых в рекруты числилось в ворах собственности [110, 108]. Нарушители общинных порядков нередко сами бежали в город от гнева крестьян;

– низкая межсословная и межклассовая мобильность, которая косвенно иллюстрируется данными о представительстве различных сословий в средних учебных заведениях. Крестьяне в последние 2 десятилетия XIX века составляли около 80% населения России. Доля крестьянских детей в мужских гимназиях в этот период составляла всего 7%. Для сравнения: доля дворян и чиновников во всем населении России в конце XIX в. не превышала 1,5%; доля их детей с 1880 по 1898 г. в гимназиях составляла около 52% [54, I, 139].

После отмены крепостного права, и в особенности на рубеже веков, в деревне происходят следующие процессы:

1. Закрепление статуса – экономическое положение семьи становится наследственным, понижается вероятность его изменения в течение жизни одного поколения. По данным Б.Н. Миронова, в первой половине XIX в. более 80% крестьянских хозяйств имели временный статус, то есть пребывали в том или ином имущественном слое не более 1 поколения. В начале XX в. только около 50–60% хозяйств имели временный статус, остальные – постоянный. Для определения статуса хозяйства использовались разные показатели: относительный размер земельного надела (по сравнению с другими хозяйствами), количество лошадей в хозяйстве, количество крупного рогатого скота, наличие сельскохозяйственной техники;

2. Повышение доли крестьян, имеющих низкий статус;

3. Резкое уменьшение вероятности остаться в среднем слое;

4. Повышенная вертикальная мобильность крестьянства за пределами сельского хозяйства. Так, с 1898 по 1914 г. доля крестьян в мужских гимназиях увеличилась с 7 до 20%, а в университетах – с 7 до 15%.

3.2.8. Формы социального контроля и страхования

Как уже говорилось выше, одним из основных механизмов взаимной страховки хозяйств была круговая порука, то есть ответственность всей общины за уплату налогов каждым входящим в нее хозяйством. Но этим страхующие функции общины не исчерпывались.

Другим важнейшим элементом механизма взаимного страхования было создание резервных общинных запасов зерна и, в первую очередь, семенного фонда. Как известно, российское сельское хозяйство к XIX в. отличалось от западно-европейского не только более

низкой урожайностью, но и меньшей устойчивостью получаемых урожаев. Запасы пищевого зерна и семенной фонд, как правило, создавались каждым двором индивидуально. Однако почти ни одна семья не могла быть застрахована от того, что запасов не хватит до следующего урожая; нередки были случаи, когда во избежание голода семья вынуждена была весной или в начале лета в прямом смысле слова съесть семенной фонд. Община в целом была заинтересована в нормальном функционировании каждого отдельного хозяйства – ведь иначе придется платить налоги и за «провалившееся» хозяйство. Чтобы избежать таких ситуаций, создавался «резервный», общественный, неприкосновенный семенной фонд, который мог использоваться только по решению общего схода.

Наконец, специфической формой социального страхования, отсутствовавшей во многих других аграрных культурах (в частности, в китайской и европейской), была общинная трудовая взаимопомощь. В русской общине существовал обычай «помочей» (толока), то есть безвозмездного или почти безвозмездного и добровольного труда на всю общину, или на одну из входящих в нее семей.

Помочи имели несколько форм.

А. Помочи, обусловленные спецификой общинного землепользования, которое не допускало одновременной обработки земли:

1. Вся община на всех. Некоторые вспомогательные операции (вывоз навоза, обработка льна, прядение, заготовка капусты (капустники), и т.д.) выполнялись по очереди всеми дворами совместно.

2. Помощь при параллельной работе на одном поле – дожатие серпом, в случае если одна из крестьянок не успевает вовремя – производилась безвозмездно.

3. В случае эпидемий (массового заболевания тягловых мужиков) выгоняли баб для уборки хлеба (по наряду).

Эти виды взаимопомощи никакого отношения к гуманизму не имели – они были обусловлены необходимостью экономического выживания общины.

Б. Помочи, обусловленные необходимостью поддержания отдельных хозяйств:

4. В случае стихийных бедствий – пожаров, наводнений – практиковалось бесплатное строительство домов, заготовка леса, осуществляемое всей общиной (толока).

5. Иногда помочи выполнялись не всей общиной – приглашались отдельные соседи и/или родственники для выполнения каких-либо внеплановых срочных работ (перекрыть крышу, поставить сарай или хлев). В этом случае хозяин выставлял угощение.

В. Чисто благотворительные помочи:

6. Вдовья помочь (вдовам и солдаткам) – осуществлялась членами общины поочередно. В ходе помочи производилась запашка, заготовка хвороста; в случае неурожая собирался продуктовый пай с каждого двора, и т. д.

7. «Тихая милостыня» – предназначалась сиротам, оставшимся без обоих родителей. Она состояла в том, что на порог их избы тайно выставлялись продукты. Малолетних сирот по очереди брали к себе в дом отдельные семьи (родственники, соседи).

Участие в помочах, связанных с общинным характером производства, рассматривалось в рамках обычного права как обязательное, поскольку от этого зависело благосостояние и выживание всей общины. Отказ от участия в них мог привести к жестким социальным санкциям.

Помочи двух последних видов – «социальные» и «благотворительные» – были, вообще говоря, необязательными, но являлись моральным долгом каждого члена общины. В нормально функционировавшей общине их не избегали. Помочь как совместная работа обычно происходила без угощения. Практиковалась и помочь с угощением – разновидность праздника («капустники»).

К началу XX века обычай помочей выролдился – либо они производились за дорогое угощение (в результате чего иной раз помочь обходилась дороже найма), или, наоборот, влиятельные и богатые общинники использовали обычай помочи для того, чтобы задешево произвести срочные работы. Ситуация, таким образом, была аналогична той, что сложилась при распаде родовой общины, когда механизмы, призванные выравнять социальное положение общинников, фактически работали на расслоение.

3.2.9. Система управления общиной. Общий сход; выборные и назначаемые должности

Община была относительно автономным социальным организмом не только в экономическом, но и в социально-политическом отношении. Более самостоятельными были государственные крестьяне; однако и общины, расположенные на «барских» землях, многие вопросы решали по своему усмотрению.

Внутриобщинные вопросы в значительной степени решались на основе норм обычного права. Юридические нормы в той или иной степени стали влиять на общинную жизнь только с возрождением института земства в XIX в.; их влияние усиливалось по мере разложения общины в начале XX в.

Экстенсивный характер русской общины определял и механизмы ее саморегуляции. Непостоянство состава и частые изменения условий функционирования приводили к тому, что многие нормы внутриобщинной жизни были неустоявшимися. Именно этим в значительной степени была вызвана необходимость регулярных общих сходов. Как мы увидим ниже, и в европейской и в китайской деревне сходы либо не собирались вообще, либо на них не решались *текущие* хозяйственные вопросы.

Участниками схода были все взрослые мужчины общины. Могли присутствовать и женщины, однако обычно они не имели права голоса. Теоретически все участники схода были равны. Но практически выделялись две категории крестьян, оказывавших решающее влияние на принятие решения – большаки, или наибольшие, и «горлопаны» («крикуны»). «Большаки» – это мужчины средних лет (40–55), имевшие наиболее крепкое хозяйство на момент схода; полупрофессиональные «крикуны» зачастую лоббировали интересы «наибольших» или какой-либо части общины.

Основным принципом принятия решения было не мнение большинства, а консенсус, то есть согласие всех без исключения общинников. Вопрос не считался решенным, пока оставался хотя бы один тягловый мужик, не согласный с этим решением. Конечно, в реальности, особенно на рубеже XIX–XX вв., значительно возросла роль состоятельных крестьян. В то же время нельзя забывать, что именно они чаще всего выходили из состава общины.

Регулярность схода значительно варьировала в зависимости от периода и местности. Как правило, обязательным был весенний сход перед началом сева, связанный с перераспределением тягловых наделов. Обычно собиралось не более 1–2 сходов в год. В многочисленных общинах (100 дворов и более) нередко были местные сходы, в которых участвовали не все общинники, а лишь жители какой-либо деревни, либо соседних деревень. Общий сход мог собираться раз в несколько лет.

На сходах решались следующие вопросы:

- передел земель;
- определение сроков начала и окончания работ (как коллективных, так и индивидуальных);
- после того как государство разрешило крестьянам выходить из общины с ее согласия – выделение земли «отщепенцам»;
- определение сроков внеочередных коллективных помочей;
- определение семей, которые должны отправить сына в очередной рекрутский набор (до военной реформы 1877 г.);

- разрешение хозяйственных и гражданских споров между крестьянами;
- организация общественных работ (строительство и ремонт дорог, строительство крупных объектов для государства или помещика, и т. д.).

Сход являлся, по сути, «законодательной властью» и собирался, как уже говорилось, достаточно редко. В промежутках между сходами управление делами общины осуществлял выборный староста. Если община принадлежала помещику, то помимо выборного старосты назначался так называемый «барский староста», или «урядчик» (не путать с урядником – низшим полицейским государственным служащим). Выборная должность старосты была почетной, но невыгодной, поскольку не приносила никаких доходов, но зато требовала существенных временных затрат, отвлекая крестьянина от его основной работы. Поэтому в старосты шли неохотно, и эти обязанности по очереди исполняли мужики среднего достатка.

Должность урядчика была менее почетной, зато несравненно более выгодной, поскольку за ее исполнение выплачивались немалые по крестьянским меркам деньги; кроме того, исполнение этой должности предоставляло урядчику дополнительные возможности (налоговые льготы, возможность за определенную мзду лоббировать перед помещиком интересы отдельных крестьян, и т. д.).

В работах некоторых современных этнологов крестьянская община представляется неким земным раем, выстроенным по единому канону, чем-то вроде снов Веры Павловны из романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Однако это было далеко не так. Община была живым социальным организмом, в котором конфликтное взаимодействие было формой ее существования. Нельзя забывать также, что активное изучение общины началось как раз тогда, когда она доживала свои последние десятилетия. Погибла сельская русская община не столько под давлением столыпинских и большевистских реформ, сколько в результате того, что она перестала соответствовать новой социально-экономической ситуации, которую она же во многом создала. Это происходило, прежде всего, потому, что ее стабильность как социально-экономического организма обеспечивалась консервативностью используемых технологий. Как было показано выше (и это подтверждается многочисленными исследованиями), община сама стимулировала непрерывный прирост населения, и сама же сдерживала внедрение технологий, которые позволили бы прокормить это население.

3.3. Интенсивные культуры. Европейское крестьянство

3.3.1. Исторические особенности формирования

До середины XVIII в. западноевропейская цивилизация, так же, как и российская, базировалась на земледелии. Доля занятых в сельском хозяйстве от XIV до XVIII вв. оставалась примерно на одном уровне – около 80 %. В России она была выше – не менее 90 % – и достигла уровня Европы XIV в. только в конце XIX в., то есть через 600 (!) лет. К концу XIX в. доля занятых в сельском хозяйстве в Европе снизилась в среднем до 40 %, составив в некоторых государствах (например, в Великобритании) менее 20 %.

Но доля занятых в аграрном секторе – это лишь поверхностный показатель глубинных различий между российским и европейским крестьянством. Различия эти касались и технологий, и социальной структуры, и культуры, и психологии. Особенности культуры и менталитета со всей яркостью проявились в политической и экономической истории XX в. Они закладывались еще в раннем и среднем Средневековье и были обусловлены целым рядом факторов.

Перечислим самые важные среди этих факторов.

Во-первых, европейское сельское хозяйство гораздо раньше, чем российское, потеряло возможность экстенсивного развития. Резервы внутренней колонизации, то есть освоения пригодных для пашни участков, вырубке лесов и осушения болот, были исчерпаны к концу XIV в. Перспективы внешней колонизации также были в значительной степени ограничены. Вплоть до XVI–XVII вв. по масштабам внешняя колонизация германо-романских народов значительно уступала русской колонизации. Зато эта колонизация была более жесткой. Недаром с этнографической карты Европы исчезли многие автохтонные народы (прусы, белги, лужичане, и т. д.). Местные жители либо в значительной своей части изгонялись с земель, которые они занимали на протяжении сотен и тысяч лет, либо подвергались практически поголовному физическому уничтожению, либо ставились в условия, вынуждавшие их отказаться от собственной культуры и языка. Земельный голод, значительно раньше проявившийся в Европе, чем в России, привел к целому ряду последствий. Однако именно в Европе раньше, чем в России, возникали и продвигались более прогрессивные формы землепользования – сначала трехполье (X–XVII вв.), а затем – многополье (XVII–XIX вв.). Европейцы больше внимания должны были уделять селекции, усовершенствованию орудий труда и способов сохранения и переработки продуктов сельского хозяйства – иначе цивилизация не выжила бы.

Во-вторых, немаловажное значение имело и то, что Европа «наследовала» многие технологии, появившиеся еще в античности, затем на многие столетия «законсервированные» и обретшие вторую жизнь уже в среднем и позднем Средневековье. Например, железный плуг появился еще в древнем Риме и снова стал использоваться в Европе в массовом порядке в конце X в., тогда как большинство русских крестьян до конца XIX в. продолжали пользоваться сохой – гораздо менее продуктивным орудием. Водяные мельницы также были известны в Римской Империи, в Европе распространились в IX–XII вв., а в России – лишь в XVIII–XIX вв. То же самое можно сказать про многие приемы обработки камня и металла.

В-третьих, на культуру земледелия, а через нее и на всю культуру сельского населения, повлияло то, что в Центральной и Западной Европе – более теплый, мягкий и устойчивый климат, чем на основной территории России. Это позволяло выращивать ряд культур, в принципе не приживавшихся в России, и, кроме того, собирать два гарантированных урожая в год.

В-четвертых, европейская цивилизация развивалась на землях, частично уже освоенных ранее римлянами – были дороги, значительные участки земли, очищенные от леса, система поселений, ирригационные сооружения, и т. д. Вся эта система пришла в упадок в раннем Средневековье, но не исчезла совсем и послужила как бы «опорным каркасом» становления молодой европейской цивилизации. В отличие от этого, цивилизация великорусского этноса развивалась практически на пустом месте.

Наконец, *в-пятых*, молодые государства Европы изначально опирались на нормы римского гражданского права. Римское право было фактически первой правовой системой, в которой была подробно разработана категория частной собственности и, прежде всего, земельной частной собственности. Это повлияло на судьбы крестьянской общины: – облегчило ее распад и воспрепятствовало ее превращению в юридическое лицо.

В результате принципы организации аграрных отношений в Центральной и Западной Европе значительно отличались от русской общины. Во многих странах Европы община в том виде, как она сложилась в России (круговая порука, общинное распоряжение землей), либо не существовала вовсе, либо распалась достаточно давно (в XVII–XVIII вв.). Деграция общины была связана с рядом факторов: урбанизацией и уменьшением сельского населения, а также со «второй аграрной революцией», вызванной промышленным перево-

ротом и последовавшим за ним резким повышением производительности и товарности сельского хозяйства.

В то же время социальные механизмы, действовавшие в сельских общинах Европы X–XIV вв., были во многом сходны с теми, что наблюдались в русской деревне вплоть до конца XIX в., хотя и не были им полностью идентичны. Прежде всего, в Средние века в Европе основой большинства зерновых хозяйств было то же самое трехполье, которое господствовало на российских полях до середины XX в. Урожайность в Европе в Средние века была примерно такой же, как в России в начале XX века («сам-3–4»), или несколько выше.

Кроме того, существовали различные механизмы внутриобщинной взаимопомощи, выравнивания экономического положения, препятствовавшие как обнищанию, так и чрезмерному обогащению отдельных семей. Однако земельные участки, в отличие от русской общины, издавна были закреплены за конкретными дворами, которые и являлись основными налогоплательщиками. Создавались резервные общинные фонды, которые позволяли выплачивать налоги отдельным семьям в случае их несостоятельности, но не было практики сбора налогов со всей общины.

Однако к XVIII в. ситуация в европейской деревне существенно изменилась, сложилась социальная структура и культура европейской деревни, в корне отличавшаяся от российской. Среди историков принято считать, что, несмотря на промышленный переворот, в XVIII и начале XIX вв. европейское общество в целом оставалось крестьянским, поскольку основная часть продукции производилась именно в сельском хозяйстве, где работало значительное большинство населения.

На большинстве территорий Западной и Центральной Европы земля к XVIII в. находилась в частной собственности. Как и в России, европейские сельские общины не были прямыми наследницами соседских общин родового общества; они сформировались в X–XII вв. одновременно с городскими общинами.

3.3.2. Основные культуры и технологии

Основной зерновой культурой почти на всей территории была пшеница, хотя выращивались также рожь, просо, овес. Преобладающей системой землепользования к XVIII в. стало многополье, когда все пашенные угодья делились не на 3 как в России, а на 5–7 полей. Соответственно основная зерновая культура «возвращалась» на каждый участок не через год–два, а через 5–7 лет. Однако в течение остальных лет земля не гуляла под паром, а засеивалась культурами,

позволявшими восстанавливать плодородие почвы (корнеплодами, бобовыми, кормовыми травами). Урожайность зерновых в результате составляла «сам-10–12», что было в 3–4 раза выше, чем на основной территории России. Конечно, отчасти это было следствием благоприятных климатических условий.

Но самым главным достижением европейской системы сельского хозяйства была возможность получения *устойчивых* урожаев, позволявших избегать периодических неурожаев. Достигалось это не только за счет продуманного чередований культур, но и за счет развития внутренних рынков. В России последний массовый голод, вызванный засухой, пришелся на начало 20-х годов XX в. (Поволжье). В течение всего XIX и начала XX вв. неурожаи, приводившие к голоду и вымиранию целых регионов, повторялись регулярно.

Значительное распространение, особенно во Франции и Германии, получило виноградарство, игравшее особую роль в развитии рынков и ставшее первой по-настоящему рыночной отраслью сельского хозяйства. В XIX в. выращивали большое количество технических культур: лен, пенька, свекла и т. д.

3.3.3. Социальная структура

Социальная структура европейского крестьянства XVIII–XIX вв. в корне отличалась от российского. Отсутствие общины естественно сочеталось с тем фактом, что, даже оставаясь единым сословием, крестьянство не было единым и однородным по отношению к собственности на основное средство производства – землю.

Важнейшим фактором, влиявшим как на технологию сельхозпроизводства, так и на социальную структуру деревни, была система землеустройства. Этот фактор, как и многие другие, был связан с переходом от экстенсивного к интенсивному способу освоения среды. Сохранились средневековые планы землеустройства отдельных населенных пунктов Европы [54, 62–63]. В ряде случаев они до деталей совпадают со структурой угодий середины – конца XX в. Это говорит об устойчивости не только хозяйственной, но самое главное – поселенческой системы. В XX в. на полях Европы трудились потомки тех, кто работал на них в позднем Средневековье. Следовательно, сложилась высокая степень адаптации и психологической привязанности именно к этой земле, то, что в советские времена называлось «чувством хозяина».

В условиях экстенсивной русской культуры оседлость и стабильность хозяйства были значительно ниже. Это проявлялось в целом ряде факторов.

Во-первых, как уже отмечалось, общины на окраинах постоянно расширявшейся российской ойкумены меняли свой состав, хотя это могло быть незаметно для представителей одного-двух поколений. Одни семьи продолжали продвижение дальше на юг или восток, другие прибывали из малоземельных районов центра. Таким образом, не складывалось таких устойчивых локальных субкультур, как в Европе. Исключение составляли только регионы устойчивого оттока населения, так сказать, «миграционные доноры». Во-вторых, в результате переделов часто менялась планировка земель. Семья, двор не имели постоянного надела, который воспринимался бы как что-то искони свое. Отсутствие завершенной системы землеустройства также сказывалось на психологии крестьянства. Поэтому, в частности, сама идея коллективного хозяйства в 20–30 гг. значительной частью крестьян была воспринята в целом благоприятно; сопротивление вызвали варварские методы реализации этой идеи.

Историю и социальное устройство европейской деревни невозможно понять без того факта, что в Европе, в отличие от России, в центральных земледельческих регионах никогда не исчезал и всегда был достаточно многочисленным класс крестьян-землевладельцев, то есть тех, кто обладал правом наследования и продажи своих земель. Такие участки назывались *аллодами*, а их владельцы – *аллодистами*. Конечно, в Средние века аллодисты не были полными собственниками; они во многом зависели от феодала, на земле которого проживали. Например, они не могли продать свою землю за пределы феодала без согласия феодала. Однако все же они были гораздо самостоятельнее в экономическом и социальном отношении, чем русские крестьяне. В некоторых регионах России, как уже говорилось, самостоятельные крестьянские хозяйства также сохранялись, но не они, безусловно, определяли лицо российского крестьянства.

К XVIII в. по мере окончательного распада сельских общин класс самостоятельных крестьян – собственников своей земли – стал ведущим в европейском сельском хозяйстве. Однако, в отличие от России, крестьяне не были низшим слоем общества.

Собственно крестьяне, то есть владельцы земли, составляли в XVIII–XIX вв. лишь часть сельского населения (30–40 %), причем со временем их доля падала. Устойчивое расслоение в деревне происходило еще в средневековье [54, 271]. Средний земельный надел, как это ни парадоксально, был значительно выше, чем в России, и составлял не менее 20 га, доходя в отдельных случаях до 200 га. С другой стороны, существовал многочисленный класс безземельных сельских тружеников. Конечно, и в России были работники (вспомним сказку

А.С. Пушкина «О попе и работнике его Балде»), однако это было скорее исключение и как массовое явление появилось только в начале XX в. Недаром Балда работал у попа, а не у рядового крестьянина.

Средний класс деревни составляли так называемые *хауслеры* – семьи, которые имели собственный дом и небольшой приусадебный участок, но вынуждены были работать на своих состоятельных соседей или родственников.

И, наконец, низший класс составляли наемные сельскохозяйственные рабочие, лишенные своей земли и жившие обычно в усадьбе крестьян.

Эти группы понемногу обретали эндогамные границы, то есть превращались в социальные классы. Перепродажа земель практически отсутствовала, поэтому единственной возможностью получения земли для выходца из малоземельной и безземельной семьи, а также для 2–3 по очередности сыновей, не получивших наследство, было вступление в брак с невестой, обладавшей богатым приданым (землей). По мере «кристаллизации статусов» такие возможности сокращались, однако они никогда не закрывались совсем. Усилению эндогамных имущественных барьеров способствовало также стремление застраховать земельные участки от дробления и измельчения. Если земельный участок делился поровну между всеми вступающими в брак детьми, то единственным способом не уменьшать его площадь было «жениться на ровне», то есть получить в качестве наследства за невестой участок примерно такой же площади, что компенсировало бы потери земли при разделе с родными братьями или сестрами.

Главной социальной, экономической и юридической единицей была не община, а домохозяйство, включавшее в себя, помимо группы родственников, также хауслеров – поденщиков и наемных работников, живших в усадьбе. По этой причине сельские дома в европейских крестьянских усадьбах были значительно больше, чем в русских. Исключение составляли только северные усадьбы русских, где большая площадь и объем строений были вызваны необходимостью длительных зимовок, когда семья по несколько недель не могла выйти из дома по причине морозов и снежных заносов.

3.3.4. Правила наследования земель

В отличие от русских крестьян, в XVIII–XIX вв. большинство европейских собственников земли имело право наследования своих наделов. У русских крестьян такая возможность появилась только в конце XIX – начале XX вв., но и ею далеко не все торопились воспользоваться, предпочитая сохранять общинное землевладение.

В Европе издавна существовали две системы наследования земли – передача старшему сыну (майорат) и равномерное распределение между всеми наследниками. Различие между системами определялось не столько регионом, сколько традициями и тем, какие именно культуры выращивались на данной земле. Например, раздел виноградников практически не влиял на технологию их обработки, в то время как сокращение пашни понижало эффективность труда. Кроме того, некоторые авторы отмечают, что традиция равномерного распределения земель преобладала на территории бывшей Римской империи, что соответствовало римскому праву. Майорат преобладал в северных районах, где преобладало традиционное общинное право. Поэтому младшие сыновья вынуждены были уходить в город. По меткому выражению одного из историков, «младшие сыновья создали европейский город».

В каждой из этих систем наследования практиковался так называемый «стариковский надел». Пожилые крестьяне (45–50 лет) получали небольшой надел земли (до 10%). При этом заключался договор, по которому вступающий в брак сын обязан ежегодно выделять старикам натуральное и/или денежное довольствие, как правило, значительно превосходящее физиологические потребности родителей. Делалось это по многим соображениям – чтобы освободить молодежь от воинской службы и дать возможность вступить в брак, чтобы повысить эффективность обработки почвы и т. д.

Такая система наследования кардинально отличалась как от русской, так и от китайской. В отличие от китайской общины, наследование земель могло происходить не только по мужской, но и по женской линии, что исторически обусловлено распространением на территории Европы римского права. Страхование старости в китайской общине происходила за счет того, что младший сын не получал полного надела, пока были живы родители, и обязан был содержать их (см. § 3.4).

Правила наследования земельных наделов сказывались на всей системе межличностных отношений в европейской культуре.

Конкуренция из-за наследства формировала отношения соперничества между родными братьями и сестрами, принципиально отличавшиеся от того, что было в русской или китайской общине. Иные отношения складывались между детьми и родителями. Эти отношения базировались также на конкуренции и договорных принципах, в то время как в русской или китайской общине – скорее на моральном долге. Формы взаимопомощи, принятые в русской деревне, также не практиковались – каждая семья обязана была отвечать сама за себя.

Как и в русской деревне, большинство орудий труда и предметы длительного пользования (одежда, мебель, посуда) изготовлялось в самих хозяйствах, а не покупалось на рынке. С середины XIX в. некоторые семьи стали специализироваться на производстве того или иного вида непищевой продукции. Происходил нетоварный обмен в рамках деревни или близлежащей округи.

Таким образом, товарно-денежные отношения среди сельского населения не были развиты. Однако европейский крестьянин к XVIII–XIX вв. несомненно, был в большей степени включен в рыночные отношения, чем русский. Это происходило, прежде всего, потому, что у аллодистов за счет более высокой, по сравнению с Россией, урожайности, оставался достаточно большой избыток зерновых после покрытия потребностей своих семей и всего сельского населения. Реализация этого избытка позволяла покупать более дорогие и соответственно эффективные орудия труда.

Во-первых, соху или косулю, которыми в основном пахали русские крестьяне, можно было изготовить самому, в крайнем случае – заказать деревенскому умельцу. Двух-трехлемешный плуг дома не сделаешь. Он стоит гораздо дороже, но и производительность, а главное – качество вспашки с его использованием – на порядок выше.

Во-вторых, европейский крестьянин больше выращивал технических культур (винограда, льна, конопли), которые в принципе не могли использоваться только в пределах собственного хозяйства. Виноградники вообще в основном были источником товарной продукции.

В-третьих, в силу особенностей социальной структуры европейского села, гораздо больше был развит наемный труд, существовал рынок наемного труда. Таким образом, хотя даже в конце XIX века сельское хозяйство Европы не было (и не могло быть) высокотоварным, однако занятое в нем население было гораздо больше адаптировано к рынку, чем российское крестьянство.

3.4. Интенсивные культуры. Китайская община

3.4.1. Некоторые особенности китайской цивилизации

Экономист В.В. Попов образно выразил позицию многих исследователей китайского общества: «Секрет восточноазиатского экономического чуда, возможно, не разгадать, не поняв, почему в Китае не было религиозных войн или почему в китайских иероглифах, обозначающих слова, связанные с водой, остались три стилизованные капли» [85, 20]. «Есть ощущение, что Китай, да и вся Восточная Азия, базирующаяся в основном на китайской культуре, знает что-

то такое, что неведомо европейской цивилизации» [85, 172–173]. Эту позицию можно дополнить цитатой известного российского китаеведа В.В. Малявина: «Успехи, достигнутые в последние десятилетия странами Дальнего Востока, со всей очевидностью показывают, что в наши дни наследие китайской цивилизации обретает новое дыхание. Секрет этой жизненности – в ориентации китайской цивилизации на «технику сердца», столь отличающуюся от плодов цивилизации европейской, сделавшей ставку на «технику орудий» [62, 172].

Таким образом, Китай, будучи одной из древнейших аграрных цивилизаций и мировым лидером в области разработки наиболее прогрессивных технологий на протяжении столетий, не пошел по «европейскому пути». В чем причина? И каковы принципиальные различия между китайской и западноевропейской цивилизациями, которые обусловили особенности их экономического развития в прошлом и в настоящем? Главное из этих различий состоит в степени устойчивости основных социальных структур и ключевых элементов идеологии. В этом отношении значительно отличаются Китай, с одной стороны, и Европа вместе с Россией – с другой.

Прежде всего, особенности китайской цивилизации вызваны доминирующими в ней на протяжении веков принципами идентификации личности, в частности, сохранностью традиционных родовых институтов. М. Вебер считал, что основная причина того, что в Европе (и в России), в отличие от Китая, институт рода был разрушен, являются интенсивные и неупорядоченные миграции раннего Средневековья. Это, безусловно, правильно. Однако и в разгар Средних веков (XII–XV вв.) в Европе действовали причины, разрушавшие не только родовую, но и любую идентификацию человека с одной определенной группой (вассалитет, территориальная община). Вот как описывает систему идентичностей средневекового европейца один из крупнейших исследователей этого периода Жак Ле Гофф. «Средневековый индивид был, таким образом, опутан сетью обязательств и солидарностей, вступавших в конечном итоге в противоречие друг с другом, что давало человеку возможность освободиться и самоутвердиться в результате неизбежного выбора. Наиболее типичным было положение вассала нескольких сеньоров, принужденного к выбору в случае конфликта между ними. Но обычно такие отношения зависимости, имеющие целью еще крепче привязать к себе индивидуума, согласовывались друг с другом, образуя иерархию. Из всех связей наиболее важными были отношения феодальные (то есть личная принадлежность или привязанность к определенному землевладельцу. – А.С.)» [54, 261]. Крестьянские семьи и отдельные крестьяне

могли переходить от одного феодала к другому (в результате бегства, перепродажи и т. д.); кроме того, в Европе всегда, даже во времена крепостного права, существовал слой лично свободных крестьян.

Еще одним вариантом выбора идентичности были города. Европейский крестьянин, даже если он был крепостным, мог покинуть своего сеньора и переселиться в город, где через некоторое время он становился членом городской общины и тем самым менял свою главную социальную идентичность. В *Новое время* кризис идентичностей усилился, в результате чего сформировался европейский «индивидуализм». Причина этого явления состояла в том, что человек оказывался на пересечении нескольких групповых идентичностей, не согласующихся друг с другом, и сам вынужден был выбирать, какая именно идентичность для него является главной. Это приводило к тому, что он переставал быть «объектом выбора», как в Средние века, и становился «субъектом выбора».

В отличие от этого, средний китаец от рождения принадлежал к определенному клану и определенному государству. Периодически возникали ситуации, в которых ему, конечно, тоже приходилось выбирать, но в любом случае две указанные идентичности оставались главными и постоянными на протяжении всей жизни. Так, если он решил уйти из деревни в город и заняться там ремеслом, он мог сделать это только с помощью своего клана. Лучше всего, если представители его рода входят в состав ремесленного цеха или купеческой гильдии в городе. В крайнем случае, можно опереться на поддержку земляков, даже если они не твои сородичи. Иным путем в цех не прорвешься, так как общегородская община отсутствует. Городом управляет не совет старейшин цехов (гильдий), а государственный чиновник (мандарин), который, как правило, не получает государственного жалования, но имеет право удерживать в свою пользу часть собираемых им налогов.

Никакой «феодал» не мог помешать простому китайцу перебраться в город; не существовало и проблемы выбора между несколькими феодалами. Причина состояла в том, что в Китае как минимум 1,5 тысячи лет отсутствует крупное частное землевладение и узаконенная личная зависимость земледельца от землевладельца. Другими словами, в Китае не было феодалов в европейском понимании этого слова. Так что, даже переселившись из деревни в город и сменив род занятий, человек оставался прежде всего членом своего клана и гражданином государства, то есть основные его социальные идентичности не менялись. Вся культурная система китайского общества была ориентирована на поддержание этих двух идентичностей.

После короткого (по китайским меркам) периода строительства социализма по советской модели реформаторы конца 70-х гг. в ряде моментов вернулись к тысячелетнему опыту. В частности, в сельском хозяйстве и легкой промышленности предпочтение отдается именно семейным (а фактически – клановым) предприятиям.

Стабильность личностной идентификации в Китае во многом обуславливалась устойчивостью политического устройства государства. На территории Европы в Средние века и в начале Нового времени в результате феодальных войн часто менялись государственные границы. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на карты в школьном учебнике истории. В отличие от этого, на протяжении более двух тысяч лет Китай представляет собой единое государство, либо систему из двух государств (Север и Юг). Возникавшие на непродолжительный период самостоятельные государства (например, 221–265 и 907–960 гг. н. э.) не могли изменить общей картины. Границы китайского государства, как и ареал расселения основного этноса, в течение столетий изменялись незначительно. Ядро китайского этноса сформировалось не позднее 2-го тысячелетия до н. э. в среднем и нижнем течении реки Хуанхэ. К началу 2-го тысячелетия н. э. в целом завершился процесс экстенсивного расселения этноса.

Устойчивость государственных границ дополнялась стабильностью политического режима. Во главе государства стоял император. Он осуществлял управление через мандаринов – государственных чиновников. Лишь немногие из мандаринов (несколько сотен человек), составлявшие верхушку иерархии, получали государственное жалование. Остальные кормились за счет налогов, собираемых ими в пользу государства. Получить должность мандарина теоретически мог почти любой гражданин. Однако для этого необходимо было сдать государственные экзамены нескольких уровней. Успешно преодолеть все ступени могли лишь единицы. Мандарины получали большие экономические привилегии; однако статус мандарина не наследовался. Таким образом, в Китае никогда не было сословного правления в том виде, как оно присутствовало в Европе и России. Юридически убрать мандарина с должности мог только император или вышестоящий чиновник. Тем не менее, местные органы самоуправления (совет старейшин родов) нередко вынуждали вышестоящие инстанции принять такое решение.

Звание императора было наследственным статусом. Однако если император не справлялся со своими обязанностями, то происходила смена династии, которую осуществляли высшие мандарины. Отставка императора обычно выражалась в том, что он должен был покон-

чить жизнь самоубийством. То же самое относилось и к высшим мандаринам.

Конечно, и в Китае была политическая борьба на высшем уровне, в том числе и дворцовые интриги, но их старались не выносить за пределы дворца. Для народа власть должна выглядеть как монолит. Проигрыш в политической борьбе представлялся как добровольный уход проигравшего (обычно – в мир иной). Случались вооруженные восстания, войны между местными правителями в периоды, когда на территории Империи было несколько государств, военные перевороты. Однако доля таких периодов в хронологии Китая очень мала, в то время как в истории феодальной Европы и России периоды относительной стабильности были скорее очень редким исключением.

Перечисленные обстоятельства порождали отношения между гражданами и государством, значительно отличающиеся от того, что мы наблюдаем в России и Европе. За тысячелетия относительной стабильности у китайцев выработалась традиция сознательного подчинения решениям вышестоящих органов. Если чиновник или император явно не справлялись с обязанностями, их меняли. Но до этого его решения воспринимались как обязательные для исполнения без внешнего принуждения. Коммунисты Китая, придя к власти, во многом использовали эту традицию, хотя и ввели некоторые формальные признаки представительской демократии. Так, даже при резком изменении экономического и политического курса после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г., он остается всенародным героем, и никому в голову не приходит выносить его из мавзолея или поливать грязью его имя. Ведь именно он спас Китай от японских интервентов и проамериканского правительства Чан Кайши.

Из исторических особенностей социальной структуры вытекает тот факт, что в Китае никогда не было столь сильного, как в России, разрыва между культурой «верхов» и «низов». Дистанция власти была велика, поскольку «низы» безусловно (и привычно) подчинялись «верхам», но они говорили на одном и том же языке, читали одни и те же книги, отправляли сходные обряды. Сравним с российской аристократией XVIII–XIX вв., значительная часть которой вообще не знала русского языка. Последним членом династии Романовых, в жилах которой текла капля славянской крови, была императрица Елизавета Петровна. В Европе разрыв между культурой масс и правящих классов также был весьма значителен на протяжении многих столетий.

Культура китайского общества во многом определялась особенностями социальной структуры. Китайское общество, как и все аг-

рарные общества, делилось на страты. Выделялись страты чиновников, земледельцев, ремесленников, торговцев. Существовала даже страта «внесоциальных элементов»: мусорщиков, рыбаков, нищих, могильщиков. Именно в этой последовательности они располагались на лестнице социального престижа. Государство вело политику на поддержание межпоколенной преемственности занятий. Однако профессиональная принадлежность родителей *юридически* почти не ограничивала социального и профессионального положения детей. Не только земледелец (самый престижный статус после чиновника) мог стать «ученым», но и ремесленник и даже «презираемый» купец. Для этого ему не надо было получать никаких разрешений от государства. Достаточно было пройти конкурсный отбор (сдать экзамены), система которых сложилась более 1000 лет назад. Исключение делалось только для страты (а фактически – сословия) внесоциальных элементов. Точно так же ремесленник или купец могли купить землю и перейти в страту землевладельцев.

Из предыдущих пунктов вытекают многие особенности китайской культуры по сравнению с европейской.

Основной идеологией всех европейских обществ уже как минимум тысячу лет является христианство. Христианство, в свою очередь, выросло на базе Ветхого Завета (см. § 7.3 настоящего издания). Важным элементом всех аврамических религий (иудаизма, христианства, ислама) является принцип пассионарности, то есть достижения цели, преследуемой определенной группой людей («богоизбранных»). Макс Вебер метко называл первую из аврамических религий – иудаизм – «религией мщениия», то есть активного действия. В определенной мере это качество передалось исламу, в меньшей степени – христианству. Человек отделен от природы, над которой он должен господствовать, и от Бога, к которому он пытается, но не может приблизиться. В отличие от этого, целью всех конфессий, распространенных в Китае (и прежде всего конфуцианства) является достижение равновесия между всеми слоями общества, а также общества и природы, при безусловном отрицании каких-либо особых привилегий одной из частей общества. Наивысшей целью каждого человека должно стать достижение гармонии с окружающим миром (обществом и природой). Человек не отделен от природы – он ее часть и должен подчиняться ее законам. А поскольку природа в широком смысле слова и есть Бог – то Бог есть в каждом человеке. Даже в мусульманстве в его китайском варианте, а также в буддизме подчеркиваются, прежде всего, те элементы, которые направлены на достижение гармонии, а не на утверждение особых прав «элитной» части (монахов в

буддизме, правоверных мусульман в исламе). Идеология социального равновесия, лежащая в основе конфуцианства и даосизма – основных идеологических систем Китая, – безусловно, на каком-то этапе затормозила технологическое и экономическое развитие китайского общества и обусловила его временное отставание от атлантической цивилизации. Однако именно эта идеология обеспечивает в настоящее время невероятную эффективность политики Среднего Царства на мировой арене, и фактически уже сделала Китай самым мощным в экономическом отношении государством мира. Кроме того, концепция баланса сил и равновесия, лежащая в основе китайской идеологии, несомненно, в гораздо большей степени соответствует задачам, стоящим перед современным человечеством, чем альтернативные концепции (см. § 5.2 настоящего издания).

Отличительной чертой китайской идеологии является сохранение значимости ритуала поминовения предков, который отправляется всеми китайцами, независимо от «формальной» конфессиональной принадлежности. Как и у многих западных народов, верования древних китайцев базировались на культе предков рода. Все три авраамические религии вели активную борьбу с «пережитками» родовых отношений. Менее жестко в этом отношении был настроен ислам; не случайно в мусульманстве, наряду с Шариатом (сводом законов), признаются и Адааты (свод местного обычного права, базирующегося на законах межродовых отношений). Наиболее активную борьбу с пережитками «язычества» вело христианство.

В отличие от Европы, в Китае культ предков рода сохранялся при всех политических и идеологических режимах. Рядовые представители разных конфессий могут молиться разным богам и произносить разные молитвы. Вне зависимости от этого они будут ежегодно сжигать ритуальные деньги в честь своих предков и посещать их могилы, которые могут находиться за тысячи километров от мест их нынешнего обитания. За этим, помимо уважения к своей истории, стоит и тот факт, что сообщества родственников являются реально функционирующими социальными единицами в современной экономике Китая.

Особенностью культуры Китая является циклическое восприятие исторического времени. Традиция христианства (иудаизма, ислама) трактует время как линейный процесс, движение к конечной точке истории. История – это череда меняющихся состояний общества. В китайской традиции – история – это последовательность циклов. Поэтому любая реформа (будь то строительство социализма или переход к рыночной экономике) воспринимается не как этап на пути

к «светлому будущему», а как повторение событий прошлого на новом витке. Такой подход ко времени обусловлен непрерывностью исторической памяти китайского народа и вытекает из «принципа равновесия», рассмотренного выше. Согласно христианской традиции, история есть арена борьбы Добра и Зла, в которой победит Добро. Именно к этой победе она движется. Согласно китайской традиции Добро и Зло – два необходимых элемента мира. Добро не может существовать без Зла, а поэтому не может идти речи о его победе. Цель деятельности человека – в установлении гармонии между этими полюсами бытия, а не в борьбе со Злом. Точка зрения китайца может показаться европейцу циничной; европейец в глазах китайца – лицемер.

При объяснении особенностей экономической и деловой культуры Китая сейчас нередко ссылаются на учение Конфуция. Подчеркивается, что основой этого учения был тезис о безусловном подчинении младшего старшему, нижестоящего – вышестоящему. При этом упускается из виду, что проповедь Конфуция, *в первую очередь*, была обращена именно к «начальникам». Ее основой является не столько призыв подчиняться, сколько формулировка принципов разумного руководства. Из героев европейской литературы идеалом лидера, по конфуцианской морали, является Король из «Маленького принца», который управлял Солнцем потому, что приказывал ему всходить как раз перед восходом.

Важным фактором традиционной культуры Китая явилась система массового обучения населения, которая сложилась еще в начале нашей эры. Эта система заметно отличалась от школы европейского просвещения. В нее входили частные начальные школы, где детей обучали основам грамоты и счета, а также система государственных экзаменов для получения ученой степени, дающей право на занятие государственной должности. Основным предметом в этих школах (и на экзаменах) было изучение конфуцианских текстов и их интерпретация. Естественнонаучные предметы преподавались только в небольшом числе престижных учебных заведений.

Благодаря этой, схоластической, на первый взгляд, традиции привычка к упорному интеллектуальному труду становилась массовым явлением в самых широких слоях населения – от крестьян и ремесленников до высших чиновников. Сравним с правящим классом Европы, который вплоть до Нового времени гордился своей безграмотностью. Должность чиновников получали только единицы из десятков или сотен тысяч людей, сдававших экзамен и получавших ученую степень. Как ни странно, престиж образования от этого не страдал – оно было самостоятельной ценностью. При проник-

новении западной науки этот навык интеллектуальной деятельности позволяет китайским студентам, ученым и чиновникам добиваться больших успехов в условиях глобализации.

Устойчивости китайской культуры способствует сохранение иероглифического письма, вопреки очевидной (на первый взгляд) рациональности перехода на алфавитное письмо. Одной из причин являлось то, что иероглифами были записаны старинные книги, в частности, комментарии Конфуция. Переход на алфавитное письмо сделал бы недоступными первоисточники для последующих поколений, поскольку сама форма иероглифа играла в них не меньшую роль, чем передаваемое ими содержание.

Современную деловую культуру Китая невозможно понять, если не учесть особенности принятия решений в традиционном китайском обществе. В Китае издавна существовали своды законодательных актов. Однако их характер значительно отличался от европейских законодательных актов. Количество законов, действовавших в Китае, всегда было значительно меньше, чем в Европе, особенно с позднего Средневековья. Эти законы не регламентировали все тонкости имущественных отношений или наказания за уголовные преступления. В них скорее обозначались принципы, которыми должен руководствоваться судья при принятии решения. Решение принималось на основе «справедливости» (которая нередко направлялась взятками). Это отсутствие тщательно регламентированной законодательной базы, а также жесткой феодальной власти приводило к тому, что каждая конкретная семья должна была принимать множество решений в ситуации относительной неопределенности. Это относилось и к простым гражданам, и к мандаринам, и к императорам. Именно поэтому в Китае так развита была система гаданий. Недаром само иероглифическое китайское письмо возникло именно на базе гадательных знаков.

Из сказанного выше не следует делать вывод, что население Китая было гомогенно в культурном отношении. Между населением отдельных провинций существовали и существуют значительные различия. Это касается, в частности, языка. Написание и смысл иероглифов одинаковы, существуют стандарты литературного языка. В то же время произношение одних и тех же слов в провинциях различается иногда столь сильно, что жители не понимают разговорного языка друг друга. В Китае распространено множество конфессий (даосизм, ислам, буддизм, христианство, десятки местных культов). Важно, однако, что во всем этом культурном многообразии сохраняются единые принципы, которые признаются всеми жителями Поднебесной и связывают воедино ее культуру. В этом единстве много-

образия и состоит «загадка» успехов китайской экономики, и не только экономики.

3.4.2. Характеристика сельского хозяйства

Природные условия регионов Китая очень отличаются друг от друга. Принято выделять несколько (до 6) основных климатических зон, в зависимости от среднегодовых температур и количества выпадающих осадков. Наиболее важным представляется деление на Север и Юг. Граница между этими двумя регионами проходит примерно по реке Янцзы. В Северных районах выращивают пшеницу и другие злаки, а также корнеплоды (батат). В пограничье Юга и Севера – между реками Янцзы и Хуанхэ – расположена зона смешанного земледелия, где культивируют пшеницу и рис. Южнее этой границы преобладает рисоводство, дополняемое выращиванием фруктов. В междуречье Янцзы и Хуанхэ произрастает один урожай риса в год. Южнее собирают по два и даже три урожая. Ввиду высокого плодородия лессовых (наносных речных) почв урожайность зерновых (пшеницы) в Китае, даже в северных его регионах, всегда была выше, чем в России, и даже выше, чем в большинстве регионов Европы (15–20 ц/га). Рис, даже в позднем Средневековье, мог давать до 80–100 ц/га, хотя и трудоемкость его выращивания значительно превосходила остальные зерновые культуры. Несмотря на то, что труд китайского крестьянина был невероятно тяжел и кропотлив, периоды неурожая и голода случались значительно реже, чем в России и средневековой Европе.

Основным пахотным орудием издавна был железный двусторонний плуг, запряженный волами, мулами или лошадьми. Это орудие по эффективности превосходило не только русскую соху, но и средневековые европейские плуги. При распашке рисовых полей, там где это было возможно, также использовался маленький плуг, хотя на небольших полях (в частности, в деревне, описанной ниже) все работы приходилось выполнять вручную.

Модель аграрной общины в Китае значительно отличалась как от европейской, так и от русской, поскольку родовые связи играли гораздо большую роль, чем территориальные. Поэтому передельная община в том виде, как она существовала в России, в Китае неизвестна. Номинальным собственником земли было государство, однако полное право распоряжения фактически принадлежало отдельным семьям. Суверенитет государства проявлялся в том, что периодически, при смене династий, происходил уравнительный передел земель в масштабах всего государства. Вся Поднебесная фактически выступала как единая передельная община. В остальное время земля

находилась в распоряжении отдельной малой либо большой семьи. Кроме того, отдельные роды могли иметь резервный земельный фонд, за счет которого осуществлялось страхование и выравнивание земельных паев (например, если не хватало земли для молодой брачной пары или отдельный участок оказывался утраченным в результате эрозии или стихийного бедствия).

В целом китайская земельная община изучена гораздо хуже, чем российская или европейская. Однако в мировой науке хорошо известно классическое «case-study» одного из авторитетнейших антропологов начала XX в. Фэй Сяотуна. Фэй Сяотун был учеником и последователем основателей функционализма Б. Малиновского и А. Рэдклифф-Брауна, а также русского антрополога, родоначальника научной теории этноса С.М. Широкогорова.

Данное исследование было проведено в 1936 г., то есть оно ближе к нашему времени, чем те материалы, на которые мы опирались, характеризуя русское и европейское крестьянство. Однако культура, описанная автором, сложилась в течение многих столетий и представляла собой устойчивую систему отношений, то есть не сильно отличалась от того, что было 200–300 лет назад.

Деревня, описанная Фэй Сяотуном, расположена на юго-востоке Китая, в дельте Янцзы, на берегу озера Тайху, примерно в 130 км от Шанхая, в зоне устойчивого рисоводства, в которой собирался один урожай в год. В определении границ деревни, обосновавшейся в дельте великой реки, значительную роль играл географический фактор. Она размещается на небольшом полуострове, превратившемся, благодаря множеству естественных протоков и искусственных каналов, в систему островов. Деревня с трех сторон окружена поливными полями, разделенными протоками – основными путями сообщения. «Деревня Кайсяньгун стоит на трех протоках, основная из которых в южной части деревни изгибается подобно дуге, и именно ее форме деревня обязана своим названием. Кайсяньгун буквально означает: «Лук с натянутой тетивой» [107, 22–23]. Хозяйство и социальная организация данной деревни были типичными для этого региона Китая, который является одним из основных очагов формирования древней китайской культуры. Система хозяйствования во многих китайских общинах издавна была многоотраслевой. Это отличало китайскую деревню от большинства русских общин, в которых вспомогательные промыслы развивались только в результате земельного голода в XIX в. и ограничивались некоторыми регионами. Многоотраслевые хозяйства чаще встречались на юге Китая, реже – на севере, где доминировало равнинное пашенное земледелие.

В деревне Кайсяньгун представлены самые распространенные в Китае того времени отрасли – рисоводство и шелководство. Рис производился как для собственного пропитания, так и на продажу; шелк – исключительно на продажу. Выращивание коконов тутового шелкопряда издавна было связано со спросом на китайский шелк не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. Сами крестьяне шелковой одежды практически не носили, предпочитая более дешевую и практичную хлопчатобумажную. Спрос на шелк значительно возрос в связи с усилением контактов со странами Запада (Шелковый путь); благосостояние значительной части китайских крестьян, таким образом, зависело от конъюнктуры западного рынка – от моды на шелк, от этапа очередного кризиса, а также от конкуренции со стороны японских производителей. Особенно эта зависимость усилилась в конце XIX – начале XX вв. Исследование Фэй Сяотуна пришлось как раз на период, непосредственно следовавший за кризисом мирового капиталистического хозяйства 1929–1932 гг., в течение которого произошло резкое падение цен на шелк на внешнем рынке.

Возделывание главной культуры – риса – предполагало как индивидуальные, так и групповые усилия. Вся территория деревни была разбита на отдельные кварталы с прилегающими к ним полями (юй). Вся земля каждого юй делилась на отдельные поля (чеки), различающиеся по плодородию почв, трудоемкости орошения, удаленности от деревни. Надел каждой семьи разбросан внутри общего поля по отдельным чекам, с тем, чтобы уравнивать условия хозяйствования разных семей. Действовал механизм выравнивания, в чем-то сходный с тем, что мы наблюдали в русской деревне, с той существенной разницей, что не происходило периодического общинного передела участков и изменения их границ. К тому же, в отличие от русского хозяйства, участки внутри одного поля были неравноценны, поскольку имели разные возможности для орошения. Каждое поле в разрезе имело форму блюдца; вода подавалась сверху, поэтому верхние участки были более ценны, чем нижние.

Технологический цикл в этом регионе Китая продолжался с июня по конец октября и включал в себя:

- высадку семян для проращивания рассады на специальных участках, отдельных от полей;
- подготовку земли для посадки;
- заливку участков водой с помощью примитивных ножных насосов;
- пересадку рассады на поля;
- внесение органических удобрений;

- многократную прополку;
- жатву и молотьбу.

В данной деревне все работы выполнялись исключительно вручную, не использовался даже рабочий скот. Дизельные насосы не нашли широкого применения, которое не одобрялось общественным мнением, поскольку крестьяне оставались без работы и страдали от безделья. Большинство работ на рисовых полях в данной деревне выполнялось исключительно мужчинами, в других же регионах Китая женщины принимали в рисоводстве более активное участие.

Шелководством в основном занимались женщины и дети. Традиционно эта отрасль включала в себя выкармливание личинок тутового шелкопряда в целях получения кокона, а также прядение и ткачество; все операции осуществлялись в домашних условиях. Однако с развитием собственной шелкоткацкой промышленности и усилением конкуренции со стороны высокомеханизированных предприятий Японии в рамках домашнего хозяйства осталась только одна операция – выращивание коконов. Это отрицательно сказалось на экономическом положении крестьян, но одновременно послужило стимулом для внедрения прогрессивной техники и организации шелкоткацких кооперативов в деревне.

3.4.3. Социальная структура

Китайская деревенская община не являлась юридическим лицом, в частности, она не была единицей налогообложения. Основной социальной единицей, и в то же время главным элементом *демографической структуры*, служила расширенная семья («цзя»), родственная, по сути, русскому «двору». Всего на момент исследования (1936 год) в деревне проживало 360 семей; общая численность населения составляла около 1,5 тыс. чел., то есть была выше, чем в обычной русской общине. В среднем каждая семья состояла из 4 человек.

Цзя проживала в одном помещении, имела общую собственность (землю и недвижимость), общий бюджет и совместно вела хозяйство, то есть была семьей в строгом демографическом значении этого понятия. Обычно в ее состав входили родители с детьми, не состоящими в браке. Однако и молодые брачные пары младших сыновей нередко оставались в составе цзя. Около 30% семей не включали в себя брачных пар (один из вдовых родителей с детьми, братья или сестры, и т. д.). Многоотраслевой характер хозяйства позволял существовать семьям, не имеющим брачной пары, что сближает китайскую деревню с европейской. В России таким семьям было прожить существенно труднее. Другое отличие от России, также сближающее

китайскую деревню с европейской, заключалось в том, что в состав почти половины семей входили дальние родственники, не состоящие в браке ни с одним из членов семьи (тети, дяди, двоюродные и троюродные братья и сестры, и т. д.).

В целом состав крестьян по сфере занятости достаточно однороден, хотя дифференциация была значительно выше, чем в большинстве деревень России (за исключением регионов крайнего малоземелья).

Специализация цзя в деревне Кайсяньгун (по занятию, дающему основные средства существования) [107, 100]

Земледелие	274
Торговля, сфера обслуживания, транспорт	59
Рыболовство	14
Незаняты	13
ИТОГО:	360

Земледелием обычно занимались семьи старожилы данной деревни (то есть потомки давних поселенцев), другими видами деятельности – относительно недавно прибывшие новоселы (2–5 поколений), как правило, не имевшие собственной земли.

Вся земля находилась в фактическом распоряжении старейшины семейства, что отличало китайскую общину от русской, где землей распоряжалась община. Однако правила распоряжения землей отличались и от европейских норм. Различие состояло, прежде всего, в том, что право получения арендной платы жестко разводилось как с правом хозяйственного распоряжения землей, так и с правом ее продажи и сдачи в аренду.

В Европе собственник (крестьянин или лендлорд), если он не был связан какими-либо особыми договорными обязательствами, был свободен в выборе способа использования земли, а также в решении о продаже ее или сдачи в аренду. В Китае действовало «трудовое право», характерное для обыденного сознания не только китайского, но и русского крестьянина. Решающее слово в использовании земли принадлежало тому, кто ее обрабатывает, независимо от того, является ли он формальным владельцем земельного участка. Этот порядок был закреплен как юридическим, так и обычным правом. В Европе собственник-рантье мог в принципе расторгнуть договор с реальным пользователем и вступить в фактическое распоряжение землей. В Китае он этого сделать практически не мог, то есть земля ни при каких условиях не могла быть выведена из сферы традиционного хозяйственного использования.

Все участки делились в зависимости от того, как соотносились владелец и пользователь. Соответственно различались и экономические формы реализации собственности (Таблица 3.1).

Таблица 3.1.

Формы земельных платежей в зависимости от типа владения и пользования землей в деревне Кайсяньгун

Участки по типу владения и пользования	Форма оплаты
Обрабатываемые их номинальными собственниками	Налоги государству
Обрабатываемые арендаторами, собственник живет в городе	Постоянная арендная плата. Госналог платит собственник
Обрабатываемые арендаторами, собственник живет в деревне	Постоянная арендная плата. Госналог платит собственник
Обрабатываемые субарендаторами	Постоянная субарендная плата арендатору

Как и везде, в китайской деревне семьи имели неодинаковый уровень достатка. Но, в отличие от русской деревни, это различие было более устойчивым, то есть в меньшей степени зависело от демографического состава семьи, причем зависимость эта была не прямая, как в России, а обратная. В России более многочисленная семья, с большим числом брачных пар, получала от общины более обширный участок и была богаче. В Китае семья распоряжалась ограниченным участком земли, и поэтому чем больше было сыновей, тем меньший участок мог получить каждый из них в наследство. Количество сыновей, тем не менее, было самостоятельной ценностью. Чем больше было в семье детей и внуков, тем большим почетом пользовалась семья. Таким образом, нормы экономической целесообразности вступали в противоречие с традиционными нормами высокой детности и проигрывали им в этой конкуренции.

Основой социальной дифференциации в китайской деревне было отношение крестьянина к земле и соответственно размер уплачиваемых арендных платежей.

Около 3/4 земель находилось в собственности городских «помещиков», которые не участвовали в производстве, а зачастую никогда не бывали в деревне. Они были потомками давних поселенцев, за-

крепивших землю в собственность, либо горожанами, перекупившими права на землю. Это был слой собственников земли, проживающих вне своего владения.

Собственно сельское население включало в себя следующие слои:

1. Собственники земли, проживающие в своем владении и ведущие хозяйственную деятельность; составляли около 40% населения деревни. В их собственности находились остальные 25% земли; однако они обрабатывали лишь 20%, сдавая остальную в аренду односельчанам. Они относились к самому состоятельному слою, поскольку не оплачивали аренду.

2. Арендаторы, ведущие хозяйственную деятельность, составляли второй – наиболее многочисленный – слой крестьян. Они платили аренду собственникам земли, которая отнимала у них примерно 40% всего урожая риса.

3. Наименее обеспеченным слоем земледельцев были субарендаторы, то есть семьи, арендовавшие основную часть своих земель у арендаторов. В основном это были потомки тех, кто относительно недавно (2–3 поколения назад) прибыл в деревню. Их арендные платежи достигали 60–70% стоимости всего урожая, а доля в населении составляла около 10%.

4. Наконец, «низы» сельского общества состояли из жителей, которые не работали на земле, а занимались вспомогательными промыслами (торговля, сфера обслуживания, ремесло, и т. д.).

Еще один низовой слой крестьянского общества – наемные рабочие. Как и в Европе, они не являлись собственниками земли, а получали поденную оплату, также не зависевшую от итогов хозяйственной деятельности. От итогов хозяйственной деятельности зависела только прибыль субарендатора.

Некоторые из перечисленных ролей могли пересекаться в одном лице. Например, крестьянин-собственник мог оказаться так же и арендатором, если ему по какой-то причине не хватало собственной земли.

3.4.4. Земельная собственность и наследование

В обыденном и официальном правосознании эти отношения фиксировались с помощью разделения собственности на землю не только «по горизонтали», но и «по вертикали». Формальный владелец считался собственником подпочвы. Собственником почвы был крестьянин, чья семья обычно обрабатывала данный участок. Он мог быть либо полным собственником земли, либо ее арендатором. Субарендатор, как правило, бывал только временным пользователем поверхностно-

го слоя земли. Такой порядок позволял сохранять самое ценное – поверхностный слой земли – в руках ограниченного круга семей, и тем самым поддерживал сложившуюся систему землевладения.

За аренду подпочвы платилась фиксированная, установленная обычаями, плата. Собственник подпочвы мог продать свой пай, но это никак не влияло на хозяйственную деятельность. Субарендатор также платил арендатору фиксированную плату. Обе эти платы не зависели от результатов хозяйственной деятельности.

Порядок наследования земель значительно отличался от европейского. Земля передавалась в наследство только по мужской линии, причем, как правило, только тогда, когда сыновья вступали в брак, либо когда родители (в основном – отец) по возрасту или состоянию здоровья не могли продолжать активную работу. Земля наследовалась всеми сыновьями, однако ее распределение происходило поэтапно и не было равномерным. Если в семье было два сына, то при первом разделе, обычно связанном с женитьбой старшего сына, он получал примерно треть всего родительского надела. Остальной участок оставался в распоряжении отца вплоть до женитьбы младшего сына. Вторым сыном при вступлении в брак получал меньшую долю – обычно четверть надела. Таким образом, почти 40% земли оставалось в распоряжении отца вплоть до его смерти или полной потери трудоспособности. После этого оставшийся отцовский надел делился поровну между сыновьями, в результате чего старший оказывался обладателем несколько большей части (55–60%) первоначального крестьянского надела. При этом на младшем сыне лежала обязанность по содержанию родителей вплоть до их смерти.

Поскольку земельные площади были ограничены, а резервы их увеличения отсутствовали, такой порядок вел к постоянному дроблению и уменьшению семейных наделов. Кроме того, бедой китайского крестьянства (так же, как и русского) была чересполосица, которая не позволяла использовать не только технику и передовые агротехнологии, но даже обычный рабочий скот (волов).

3.4.5. Обмен и торговля

Китайская культура уже в течение многих столетий является культурой интенсивной. Это способствовало развитию рыночных отношений в среде крестьян.

Хронический дефицит земли при сохранении достаточно высокого естественного прироста с неизбежностью вызывал высвобождение значительного числа рабочих рук. Часть избыточного населения переселялась в город, однако в Китае не происходило такого бурного

процесса урбанизации, как в Европе XVIII–XIX вв. Недостаток земель вел к специализации сельского хозяйства. Например, мясо и рыбу крестьяне покупали, поскольку животноводство требовало свободных земель, которых в данном регионе просто не было, а заниматься рыболовством крестьянину, выращивающему рис, было некогда. Кроме того, такие занятия считались непрестижными, поскольку были распространены в основном среди потомков коренных жителей, обитавших здесь до прихода собственно китайцев («хань»). В отличие от этого, как в Европе, так особенно в России, мясо в крестьянских хозяйствах было в основном из своего хозяйства.

Налоги издавна были денежными, что вынуждало крестьян продавать значительную часть продукции. Производство орудий труда, одежды и других предметов обихода было выведено за пределы не только каждого отдельного хозяйства, но и деревни в целом. Поэтому в данной относительно небольшой по китайским масштабам общине было 10 постоянно действующих торговых точек (лавочек). Кроме того, на постоянной основе работали 4 торговых посредника, которые занимались продажей риса и шелка, производимых крестьянами деревни, торговым агентам в городе. Попутно они осуществляли повседневные закупки в городе тех товаров, которые отсутствовали в лавочках. Была и третья сеть торговцев – часть крестьян занималась мелкотоварным производством некоторых предметов в качестве дополнения к земледелию (изготовление простейшей мебели и орудий труда, пошив одежды, и т. д.). В деревне существовала не просто регулярная торговая сеть, но и конкуренция между различными торговцами. Отметим, что в России розничная торговля во многих сельских населенных пунктах вплоть до начала XX века была запрещена юридически.

Механизм ценообразования в сфере торговли также значительно отличался от европейского. Это звучит парадоксально, но за услуги по закупке товаров повседневного пользования посредники-лодочники не брали денег, хотя совершали эти поездки ежедневно, часто даже вне зависимости от того, есть ли заказы на покупки. Достаточно высокий доход им обеспечивали только наценки за реализацию риса и шелка у надежных скупщиков, хотя продажа этих товаров занимала у них от силы 100 дней в году, поскольку имела сезонный характер. 2/3 ездки они совершали фактически бесплатно или почти бесплатно, в качестве бонуса своим постоянным клиентам – производителям риса и шелка.

О том, насколько инерция института оказывалась в крестьянских обществах более важной, чем рыночные отношения, говорит следующая

щий факт. Когда потребность в посредниках исчезла, в связи с организацией в деревне кооперативной фабрики по первичной переработке шёлка, члены кооператива приняли нерациональное, с точки зрения чистой экономики, решение – выплачивать лодочникам среднестатистическое жалование из доходов кооператива, компенсирующее их потери в связи с тем, что отпала необходимость в их услугах. Это позволило сохранить институт бесплатной доставки продуктов и предметов первой необходимости из города. То есть лодочники «экс-посредники» стали получать деньги не за объем выполненных услуг, а оклад за должность.

Важным фактором, способствовавшим развитию рыночных отношений в китайской деревне, была высокая плотность городских поселений. В пределах непосредственной досягаемости (2–3 часа пути на лодке или пешком) находились три небольших города. Кроме того, как водные пути, так и сухопутные дороги издавна были гораздо более удобными, чем в России. В Китае столетиями существовали «рыночные зоны» вокруг городов, имевшие диаметр до 15–20 км, в рамках которых и происходил весь обмен. Таким образом, складывались устойчивые рыночные институты, однако нормы, действовавшие в них, отличались от европейских (см. главу 4).

3.4.6. Экономические функции общины. Взаимопомощь

Экономические функции китайской общины также заметно отличались как от русской, так и от европейской. В отличие от русской общины, в китайской не устанавливались единые сроки начала и окончания сельхозработ. Каждое крестьянское хозяйство решало этот вопрос самостоятельно, и поэтому сроки начала и завершения отдельных операций могли различаться на 1–2 недели. Кроме наличия частной собственности на землю, это, по всей видимости, объяснялось более благоприятными климатическими условиями.

Отсутствовали в китайской деревне и работы, выполняемые всеми сообща, без разделения по участкам, как, например, удобрение полей, покос или обмолот в русской деревне. Исключение составлял лишь полив полей, однако и здесь действовала система нарядов, когда каждая семья должна была выставлять ежедневно определенное количество молодых людей, которые не были заняты на частном поле, а крутили колеса примитивных механических насосов.

Не было и общинных форм трудовой взаимопомощи типа русской толоки. Родственники могли в индивидуальном порядке совершенно бесплатно помочь крестьянину, если он по каким-либо причинам не успевает выполнить очередную технологическую процедуру

(посадку, уборку, и т. д.), но община в этом не участвовала. Обычно в таких случаях принято было нанимать работников внутри своей деревни. В русских селах внутриобщинный найм не был принят, по крайней мере, до конца XIX в., когда община стала распадаться.

Тем не менее нельзя сказать, что территориальная община в китайской деревне не функционировала совсем. Напомним, что в Китае издавна сложилась как бы двойная система управления. Формально «начальником» деревни считался государственный чиновник, возглавлявший данный район («мандарин»). Однако фактически местное самоуправление возглавлялось «советом старейшин» – глав линиджей (цзу). В отличие от российского схода, он не обсуждал текущие вопросы (которые решались автоматически на основе многовековых традиций, понятных всем без всяких обсуждений). На нем рассматривались конфликтные ситуации или принимались меры в нестандартных ситуациях, не предусмотренных традициями (например, об организации какого-либо кооператива). Естественно, что этот орган не мог быть выборным, поскольку старшинство в цзу также не определяется голосованием. В ряде случаев решения совета старейшин требовали согласования с мандарином, однако оно обычно также достигалось в рамках традиции (в частности, взятки, которая не считалась преступлением, как в Европе, поскольку мандарин, как и крестьянин, имеет семью, которую нужно кормить).

Взаимопомощь имела в китайской деревне иные формы, чем в русской; она проявлялась, в частности, в системе *взаимного кредитования*. Эта система базировалась на родственных кругах; точнее сказать, она была одним из способов их существования. Важным фактором, отличавшим китайскую общину от русской и европейской, было сохранение рудиментов родовых структур. Исторические исследования показали, что, в отличие от русских и европейских, локальные поселения (территориальные общины) Китая первоначально возникали именно как семейные или родовые, однако со временем теряли «родственный» характер, и локальные соседские связи приобретали значительный вес. Однако родственные контакты на всем протяжении истории Китая сохраняли гораздо большее значение, чем в Европе и России. Конечно, род как функционирующий социальный институт в обществе развитого земледелия сохраниться не мог. Однако в китайской деревне, помимо расширенной семьи (цзя), реально существовали социальные группы, аналогичные роду или скорее линиджу (цзу). Ядро цзу составляли все патрилинейные потомки мужского пола, восходящие к единому предку, в пределах пяти поколений. Генеалогия фиксировалась монахами, что было

связано с отправлением культа предков. Однако цзу отличалась как от классического рода, так и от линиджа.

Во-первых, ее полноправными членами были не только патринейные потомки, но и их жены. Другими словами, членами цзу являются не отдельные лица, а целые семьи. В классическом родовом обществе жены принадлежат к другому роду (линиджу). Во-вторых, цзу, в отличие от рода, ограничивалась рамками одной деревни. Если кто-либо из братьев переселялся в другую деревню или в город, он переставал быть членом цзу. В противоположность этому, одной из основных функций рода было поддержание социальной идентичности географически удаленных родственников. Поэтому цзу по социальным функциям была ближе к линиджу, хотя ее «основателем», в отличие от линиджа, мог считаться не только живущий ныне человек.

Цзу выполняла две тесно взаимосвязанные функции:

- регулировала отношения родства. Дети, рожденные в одной цзу, не могли вступать в браки друг с другом, что подтверждает ее происхождение от линиджа или рода;

- обеспечивала тесные межличностные контакты и взаимопомощь между своими членами. В частности, общества взаимного кредитования создавались именно на базе цзу. Напомним, что в тех районах Китая, где могли сохраняться резервные земли, они находились в распоряжении цзу, а не семьи или территориальной общины.

Интенсивность контактов внутри цзу, а также уровень взаимной ответственности прямо зависели от степени близости родства. Наиболее тесные отношения поддерживались между семьями родных братьев. Чем более дальним было родство, тем меньше было контактов и взаимных обязательств.

В том случае, если у кого-либо из крестьян возникала необходимость в значительной сумме денег, он приглашал в гости от 8 до 14 родственников и свойственников, которые вкладчину собирали необходимую сумму. Нуждающийся организатор общества возвращал сумму частями под небольшой процент (3–5% годовых). Сумма могла возвращаться в течение нескольких лет (5–7). Каждая встреча членов кредитного общества сопровождалась обедом, устраивавшимся получателем кредита. Возвращаемая сумма не делилась между пайщиками, а давалась под процент другому члену общества, выбираемому по установленному порядку, либо по жребию, и теперь он становился ответственным за следующую встречу и т. д. Механизм начисления процентов и распределения возвращаемой доли был столь сложен, что его правилами в полной мере владели лишь несколько человек в деревне, которых приглашали в качестве консультантов.

На первый взгляд, тут действует совершенно современный механизм кредитования, включая взимание процента. Однако, как отмечает сам Фэй Сяотун, сходство это лишь внешнее.

Во-первых, в пайщики такого общества приглашались, как правило, лишь ближайшие родственники.

Во-вторых, от участия в кредитном обществе нельзя было отказаться, даже если в данный момент это крайне невыгодно.

В-третьих, нельзя было отказываться не только от взноса, но и от получения кредита при возврате первоначального долга (а ведь этот кредит также надо было отдавать с процентами!).

Наконец, в-четвертых (и это самое главное) цель получения кредита не могла быть коммерческой. Кредиты не давались под закупку новой техники, посевного материала и даже для оплаты аренды земли. Парадокс состоит в том, что кредит давался под проценты, но не мог использоваться для получения прибыли, с которой можно было бы уплатить эти проценты. Допустимый повод для организации кредитного общества – организация свадьбы или похорон.

Таким образом, несмотря на внешнее сходство с капиталистическим кредитом, исторически и функционально кредит в китайской деревне являлся пережитком престижной экономики, когда организация ритуального торжества целиком лежала на членах рода, а не только на семье, имеющей непосредственное отношение к данному торжеству. Кредитные общества отражали сохранность элементов родовых институтов в китайской деревне.

ВЫВОДЫ

1. Основной единицей в аграрных цивилизациях были разные социальные группы. В Европе это было домохозяйство, в России – территориальная община, в Китае – линидж (цзу). «Доминирование» той или иной группы в каждой цивилизации не отрицало того, что присутствовали и остальные. Локальные общины существовали и в Европе и в Китае, однако их функции были значительно «уже, чем в России. Аграрные общества заметно отличались друг от друга по принципам организации сельских общин. Эти принципы определяются не только этапом развития общества, но и особенностями климата, технологий, наконец, историческим прошлым общества, запечатленным в его культуре. Поэтому сходные принципы (например – «коллективизм») в разных обществах проявляется по-разному.

2. В трех сравниваемых обществах действовали разные принципы и механизмы распределения земли – главного богатства аграрного

общества – среди крестьянства. Так, в европейском обществе уравнивательные тенденции даже во времена Средневековья сочетались со статусным распределением (аллодисты); так же было и в Китае. Однако конкретные механизмы сочетания этих принципов в Китае и Европе заметно различались. В частности, уравнивательное распределение вытеснялось статусным. В Китае статусное распределение постоянно «нивелировалось» на государственном уровне. В России преобладало уравнивательное распределение.

3. Возвращаясь к вопросу, поставленному основателями экономической антропологии – о рациональности экономического поведения крестьян в традиционных аграрных обществах, необходимо отметить, что это поведение было рациональным, однако эта рациональность отличалась от рациональности в трактовке некоторых современных экономических моделей (Г. Беккер). В этих обществах вхождение в общину являлось необходимым условием выживания индивида и каждой отдельной семьи. С этой точки зрения поведение, направленное на сохранение общины, безусловно должно рассматриваться как рациональное, хотя оно может и не быть направленным на максимизацию функции полезности для каждой отдельной семьи или домохозяйства. Так, например, принципы подбора брачного партнера в каждом из рассмотренных обществ в целом можно считать «экономически рациональными». В русской деревне старались подобрать супруга (супругу), способного к напряженному сельскохозяйственному труду. Европейские крестьяне стремились заключать браки между семьями, обладающими примерно одинаковым семейным наделом, с тем чтобы не измельчать наделы. В то же время многие правила подбора брачного партнера в Китае никак не могут объясняться рыночными (и вообще экономическими) принципами. Большую роль, в частности, играли гадальщики, подбиравшие брачные пары в соответствии с требованиями гороскопов и результатов гадания. Кроме того, в каждой из культур действовали принципы, не совместимые с «максимизацией функции полезности». К ним относятся:

- механизмы выравнивания земельных наделов;
- взаимопомощь;
- совместное финансирование «некоммерческих» проектов (лодочки в деревне Кайсяньгунь);
- нежелание большинства крестьян производить продукцию сверх необходимой для того, чтобы поддержать определенный уровень жизни;
- отторжение нововведений, разрушающих принципы общинной жизни, и т. д.

4. Общества заметно различались по длительности и глубине включения сельского населения в рыночные отношения. Наиболее длительный опыт рыночных отношений, видимо, имели китайские крестьяне. Массовое производство шелка было налажено еще несколько столетий назад (вспомним Великий шелковый путь). Элементы рыночных отношений присутствовали и в обмене между сельскими жителями (лавки, торговля мясом и рыбой, парикмахерские и мастерские). Позже и в меньших масштабах рыночные отношения проникли в европейскую деревню. Наконец, для российской деревни рыночные отношения стали значимым фактором повседневной жизни только с конца XIX века.

5. Чтобы понять особенности культуры сельской общины, необходимо рассматривать ее не изолированно, а как подсистему общества. Уровень и характер урбанизации, правовые нормы, уровень индустриализации, система сбора налогов, система организации власти в государстве и другие, на первый взгляд, внешние по отношению к общине факторы, определяли ее культуру в такой же степени, как ее собственные традиции.

6. Экономические и социальные отношения в аграрных полиитарных обществах в значительной степени зависят от того, сохранились ли институты преполитарных обществ, в частности, институты рода и линиджа. Пример китайской деревни показывает, что в отдельных случаях социальные механизмы, возникшие и сформировавшиеся в условиях родового строя, могут в модифицированном виде сохраняться и в аграрном обществе.

7. Важнейшее значение для культуры производящих хозяйств имеет переход от экстенсивного к интенсивному способу освоения среды. Этот переход требует не только принципиального изменения технологий, но и формирования в рамках культуры жестких правил, регулирующих отношения производства и распределения, которые позволяют более эффективно использовать ограниченные ресурсы и регулировать социальные конфликты.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Какие системы севооборота преобладали в русской, европейской и китайской деревне в XVIII–XIX веках? Способы обработки земли и урожайность. Какими факторами были вызваны различия?
2. В чем проявлялся экстенсивный характер развития российской цивилизации и как он влиял на русскую общину? Сравните с отношениями в среде европейского и китайского крестьянства.

3. Сравните социальную структуру российской, китайской и европейской деревни в XVIII – начале XIX века. Как она была обусловлена историческими и экологическими особенностями каждой из цивилизаций? Каким образом особенности социальной структуры зависели от системы землепользования?

4. Сравните структуру земельных владений и механизмы перераспределения земли в российской, китайской и европейской деревне в XVIII – начале XIX века. Как они проявлялись в социальной структуре, механизмах взаимопомощи, принципах подбора брачного партнера?

5. Какие изменения в масштабах, механизмах и социальных функциях передела земель происходили в российской деревне в конце XIX – начале XX вв.?

6. Сравните механизмы взаимопомощи в среде российского, китайского и европейского крестьянства. Как они были связаны с социальной структурой населения и системой землепользования?

7. Земельная собственность и принципы наследования земли в среде крестьянства в Европе, России и Китае. Что было общего и в чем состояли различия? Как влияли различия в системе земельной собственности на элементы коллективизма/индивидуализма в культуре каждой аграрной цивилизации?

8. В какой из трех цивилизаций были наиболее развиты рыночные отношения в среде крестьянства? Обоснуйте ответ.

9. Как повлияли особенности географического положения Китая на социальные и имущественные отношения в деревне? Сравните с Россией и Европой.

10. Как зависело экономическое благосостояние семьи в России, Китае и Европе от ее демографического состава? Как различия в благосостоянии были связаны в разных культурах с правилами наследования земель и с системой севооборота?

4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ГОРОДОВ В АГРАРНЫХ ОБЩЕСТВАХ

4.1. Процессы урбанизации

Под урбанизацией понимается процесс повышения роли городов в развитии общества, который охватывает изменения в размещении производительных сил, в социально-профессиональной, демографической структуре населения, его образе жизни и культуре. Процессы урбанизации, связанные с появлением первых городов, начались в различных цивилизациях (Египет, Китай, Месопотамия) не позже чем во 2–3 тысячелетии до н. э. Современный этап урбанизации Центральной и Западной Европы начался примерно в X–XI веках н. э.

Города, возникшие в разных аграрных цивилизациях, были во многом схожи друг с другом. Все они были центрами ремесла и торговли и поэтому отличались от сельской местности по преобладающим занятиям населения. Большинство населения в них составляли купцы и ремесленники. Многие из горожан продолжали заниматься также сельским хозяйством. Кроме того, в городах нередко проживали и крестьяне. Большинство городов возникало вокруг крепостей, или сами их жители воздвигали крепостные сооружения, окружая поселение стеной.

Доля городского населения в большинстве аграрных цивилизаций была примерно одинаковой и составляла около 10% всего населения. Однако в Китае уже в начале второго тысячелетия нашей эры доля горожан составляла 15–20%, то есть была в 1,5–2 раза выше, чем в Европе того же времени.

На исторические судьбы аграрных цивилизаций определяющее влияние оказали ранние этапы развития городов. Современные особенности деловой и экономической культуры цивилизаций во многом коренятся именно в специфических чертах развития городов в последние 500–1000 лет. Конечно, в будущем эти различия могут сти-

раться, однако до сих пор они весьма значимы. Со временем менялся профессиональный состав населения городов, их социальные и экономические функции. Нынешние города Европы мало напоминают поселения XIII–XIV веков. Однако именно тогда были заложены нормы и ценности, которые обусловили специфику европейской цивилизации и обеспечили культурный и технологический скачок, совершенный Европой в XVII–XIX веках.

У истоков изучения городов лежали работы М. Вебера, поставившие проблему глубинных цивилизационных различий в их функциях и структуре населения [21]. Рассматривая процессы урбанизации в аграрных обществах, Вебер выделял два идеальных типа города – «западный» и «восточный». Различия в типах городов определяются, согласно Веберу, особенностями их функциональной нагрузки в «западных» и «восточных» цивилизациях.

Одним из важнейших следствий этого различия является соотношение «традиционных» (сельских) и городских общностей. Если социальная общность западного города формировалась как самостоятельная группа по отношению к традиционным сельским, независимая от них и даже противостоящая им, то население восточного города складывалось как мозаика, прямое продолжение сельских общностей. Социальная структура восточного города состояла как бы из отдельных сегментов и не представляла собой единого целого. Соответственно западный город формировал собственные нормативные системы, противостоящие традиционным, а восточный город воспроизводил традиционные нормативные системы, лишь несколько модифицируя их.

В рамках каждой цивилизации города очень разнообразны. И в восточных цивилизациях были и есть города с «западными» чертами, и на западе многие города имели и имеют «восточные» черты. Речь идет лишь о преобладающей схеме, о принципиальном различии роли городов в цивилизациях.

Особое значение для нас имеет, естественно, специфика российской урбанизации, поскольку российскую культуру также невозможно понять вне исторического контекста.

Несомненно что уровень урбанизированности российского общества не только на рубеже XIX и XX веков, но и в середине XX века был значительно ниже, чем в Западной Европе. На протяжении XVII–XIX веков доля горожан в России не превышала 10%. Более того, с середины XVIII и до середины XIX века доля горожан имела тенденцию к уменьшению и опустилась с 10% до 5–7%. «Золотой век» Екатерины II и Александра I на самом деле был периодом об-

щего социального застоя, так как весь «прогресс» достигался в основном за счет экстенсивных методов, то есть использования феодальной земельной ренты и захвата новых территорий. К моменту проведения переписи населения 1926 г. доля горожан в РСФСР составляла всего 20%, что говорит о невысоком уровне урбанизации. Однако именно в конце XIX – начале XX веков сложился тот «социальный заряд», то скрытое напряжение, которые привели к «взрыву» процессов экстенсивной урбанизации в 30–50-х годах.

Для сравнения отметим, что доля городского населения в зарубежной Европе составляла в начале Средневековья около 5%. В течение XIV–XVII веков она равнялась примерно 10% и начала стремительно расти именно в XVIII веке, когда в России доля горожан падала. В 20-х годах XX века доля горожан в Европе была в среднем в 2–3 раза выше, чем в России. В наиболее развитом государстве Европы – Англии – эта доля в первые десятилетия века превышала 80%. В современной Африке и Южной Азии доля горожан в настоящее время составляет не менее 40–60%, то есть значительно больше, чем в России в первой трети XX века. Напомним, что в Китае доля горожан уже в начале прошедшего тысячелетия составила 15–20%; эта пропорция сохранялась вплоть до середины XX века.

Доля горожан в населении – поверхностный и приблизительный, хотя и необходимый показатель урбанизации. Для того чтобы город играл свою роль по отношению к селу как технологический, торговый, обслуживающий, управляющий центр, необходима высокая плотность городских населенных пунктов, которые связаны с окружающими селами множеством социальных связей. По этим показателям не только вся Российская империя, но и даже наиболее освоенная и густозаселенная ее территория – Европейская часть – значительно отставали от Западной Европы. Так, среднее расстояние между городскими населенными пунктами в Европе составляло в начале XX века 15–20 км, в то время как в европейской России оно было в 3–5 раз больше. Следовательно, для значительной части русского сельского населения города находились вне пределов двух-трех часовой или даже дневной доступности, особенно учитывая низкое качество российских дорог.

Плотность городских поселений в наиболее развитых районах Китая в течение многих столетий была примерно такой же, как и в Европе, а в нижнем течении Янцзы, возможно, даже выше. Напомним, что деревня Кайсяньгун, описанная Фэй Сяотуном, находилась в сфере непосредственной доступности трех городов, существовавших к моменту проведения исследования уже несколько столетий.

4.2. Горожане как самостоятельная социальная общность

Урбанизация – процесс не только географический и технологический, но и социальный. Развитие европейских городов создавало новый менталитет, новый образ мышления, новую систему отношений, этику, тип личности, наконец, новые механизмы накопления и передачи этнокультурной информации.

Главная особенность европейских городов, благодаря которой именно в них произошел прорыв из аграрного общества в индустриальное, состояла в том, что именно в них произошло *слияние культуры ремесленника с культурой купца*. Произойти это могло только в общности, где гильдийский купец и цеховой ремесленник имеют общие интересы, противоположные интересам крестьянства и земельной аристократии (дворянства), и где между ними нет непреодолимых социальных барьеров. Именно этот прорыв породил идеологию европейского капитализма XVII–XX веков.

Основой этой идеологии являются:

- производство, ориентированное на массовые рынки, в отличие от «штучного» ремесленного производства;
- стремление к максимизации денежной прибыли, в отличие от идеологии «достаточного самообеспечения», характерного для традиционного ремесленника.

Сам по себе ремесленник не мог стать капиталистом, потому что ему как члену аграрного общества была чужда идея максимизации прибыли. Для купца же максимизация прибыли была необходимым элементом его профессиональной культуры. Однако купец не владел производством. Ему трудно было убедить ремесленника изменить свою психологию и перейти к массовому производству. Чтобы возникла коммерческая ориентация в сфере производства, а не только торговли, необходимо было, чтобы навыки купца и ремесленника объединились в рамках единой культуры.

Такое объединение и произошло в городах Европы в позднем Средневековье. Оно выражалось в личной унии богатых купцов и цеховых мастеров, которая нередко дополнялась браком их детей, а также в массовых заказах, которые купцы раздавали мелким ремесленникам, заставляя их работать не только на местный рынок. Происходило это слияние потому, что и купец и ремесленник очень остро ощущали свое единство, они имели общепризнанный официальный статус горожанина. Как мы покажем ниже, ни в Китае, ни в России подобная система отношений не реализовалась.

Важной особенностью европейских городов, в отличие от городов Востока, было то, что именно в европейских городах оказалась окончательно разорванной «двойная бухгалтерия» родового общества.

Напомним, что в «классическом» родовом обществе процессы обмена и распределения внутри рода и за его пределами подчиняются совершенно разным закономерностям (квазиэквивалентный обмен в межродовом общении и неэквивалентный – во внутриродовом). И даже после того, как родовое общество превращается в аграрное, многие его институты сохраняют свое значение. При этом они могут выполнять иные социальные функции. В частности, в городах Востока (в том числе в Китае) сохранялись родовые структуры, а вместе с ними и разграничение между «внутренними» (родственными) и «внешними» кругами обмена. Например, выкуп за невесту («калым») нередко собирался (а кое-где и поныне собирается) не только семьей жениха, но и представителями его рода. Другое дело, что впоследствии семья жениха нередко вынуждена в той или иной форме расплачиваться со своими сородичами.

По мнению М. Вебера, сохранение таких пережитков являлось тормозом на пути развития капитализма: «...Мы повсюду встречаем примитивное, обставленное всевозможными запрещениями внутриплеменное хозяйство, при котором не может быть и речи о какой-либо свободе хозяйственных сношений между членами одного племени, одного рода, и наряду с этим абсолютную свободу внешней торговли. Особенностью западного капитализма является как раз уничтожение различий между внутренним и внешним хозяйством, внутренней и внешней моралью, проведение принципа торговли» [21, 285].

Для того чтобы произошла такая перестройка культуры и сознания, чтобы сформировались основы новой городской культуры, отличной от культуры сельской общины, недостаточно, чтобы на ранних этапах развития город «отделился» от деревни. Он должен, до известной степени, противопоставить себя деревне. Для этого должны сложиться многочисленные городские общности, вхождение в которые означает разрыв с сельской общиной.

Почему же «слияние» купеческой и ремесленной культуры произошло в городах Европы XVI–XVII веков, и почему этого не случилось в городах Китая и России?

Известную, хотя и далеко не решающую роль сыграл тот факт, что в *Европе* были поселения, которых никогда не было на Руси – древние античные города. В таких городах сохранялась планировка улиц; жили потомки тех, кто населял их до прихода «варваров», а,

следовательно, и некоторые элементы бытовой, поведенческой и политической культуры античных времен. В них особенно охотно селились представители новых элит. Значительная часть современной Западной и Центральной Европы в той или иной степени входила в зону влияния Римской империи. В большей степени это относилось к Италии, южной Франции; в меньшей степени – к Англии, южной Германии, Австрии, Чехии и южнославянским государствам. Наконец, почти не были затронуты этим влиянием территории современных Скандинавии, Северной Германии, Голландии.

Ж. Ле Гофф отмечает, что новые города росли, как правило, по соседству со старыми. Более того, крупные города античности превращались в заштатные поселения, а новые лидеры вырастали на месте прежних карликов (Париж, Милан, Лондон) [54, 70–79]. Тем не менее, несомненно, что самосознание горожанина IX–XI веков значительно отличалось от самосознания «деревенщины». Ни в Китае, ни в России в период Средневековья такого «наследования» не было; не было на Востоке и существенного психологического барьера между городскими и деревенскими жителями. Эти барьеры, конечно, появились, но значительно позже (в России – в XVIII–XIX веках).

Вторым, более важным, фактором, обусловившим обособление города от деревни в Европе, был европейский феодализм. Основная масса европейских городов раннего Средневековья возникала не на месте античных поселений, а вокруг феодальных замков. Под «городом» тогда понималось укрепленное поселение феодала (князя), окруженное сельским населением. Именно так выглядело большинство «городов» раннего Средневековья как на Руси, так и в Европе. Конечно, уже на этом этапе они содержали в себе зачатки будущих городов. В таких поселениях, позволявших укрыться в случае набега соседнего феодала или иноземцев, обычно селились купцы и мелкие торговцы; многие жители, не отрываясь от сельского хозяйства как основной сферы деятельности, совмещали его с полупрофессиональным «умельчеством» – мелким кузнечным, шорным, гончарным и другим производством. Напомним, что такие занятия еще нельзя назвать «ремеслом» в строгом смысле слова, поскольку «ремесленник» – это профессионал, зарабатывающий на жизнь в основном неземледельческим занятием и принадлежащий к определенной социальной организации («цеху»), регламентировавшей не только его профессиональную деятельность, но и всю жизнь. Одновременно цех представлял интересы ремесленника во внешнем мире – на рынке, в общении с феодалом, государством. Другими словами, ремесленник – это уже фигура городская, в то время как для IX–X веков

речь может идти лишь о зародышах будущих городов и соответственно не о ремесленниках, а об «умельцах» (см. п. 3.2.2).

В X–XII веках начался новый этап в истории европейских городов. В этот период активизировалась внешняя торговля Европы, понемногу стали развиваться и внутренние рынки. Наконец, именно в эти века в результате довольно высокого естественного прироста стало формироваться избыточное сельское население. Все это привело к коренному изменению численности и социальной структуры городов. Население городов стало стремительно увеличиваться. Они стали центрами, где селились купцы и ремесленники, то есть профессионалы, занятые вне сельского хозяйства. Многие торговые города формировались вдоль основных маршрутов следования купцов на заграничные рынки. Аналогичные процессы в это время происходили на территории Новгородской, Киевской, а позже и Владимиро-Суздальской Руси.

К концу этого периода (XIII–XIV века) в Европе окончательно сложилась система феодальных отношений. Суть ее состоит в том, что фактическим суверенитетом обладали люди, принадлежащие к сословию крупных землевладельцев – феодалов (рыцарей). Роль государства как такового и центральной власти (короля) в течение 500 лет (X–XIV века) на основной территории Западной и Центральной Европы была чисто номинальной. Это сыграло решающую роль в жизни европейских городов. Рыцарство, организованное по принципам позднеродового строя (см. главу 2), большое внимание уделяло престижной экономике. Все вопросы жизнеобеспечения рыцарства могло решать без всякой торговли, за счет эксплуатации крестьянства. Деньги (а следовательно и торговля) нужны были рыцарям, прежде всего, для приобретения престижных товаров (дорогих тканей, украшений, оружия).

Однако и жизнеобеспечивающая экономика сыграла свою роль в развитии внешней торговли. Кардинальной проблемой всего Средневековья было создание запасов белковой пищи. Многие приемы консервирования были неизвестны. Первоначально пряности использовались не как вкусовые добавки, а именно как способ предохранения скоропортящихся продуктов. Пряности так же, как и драгоценности, покупались в южных и восточных странах и стоили очень дорого.

Эти обстоятельства делали рыцарство зависимым от городов, которые, наряду с военными набегами, только и могли быть поставщиком денег и престижных товаров. По мнению большинства исследователей, купец предшествовал ремесленнику в городе, то есть

именно купеческие слободы поначалу стали основой новых европейских городов. Поэтому рыцари шли навстречу городам, позволяя им создавать собственные общины, наделяя их значительными налоговыми и социальными льготами, предоставляя городам практически полную автономию. К моменту возникновения и укрепления в Европе централизованных государств (XV–XVI вв.) в регионе сложились устойчивые сильные городские общины, обладавшие ресурсами не меньшими, если не большими, чем само государство. Многие города буквально «выжали» своих бывших благодетелей – землевладельцев – за пределы городских стен; более того, богатые горожане сами становились землевладельцами. И хотя сельскохозяйственные занятия сохранялись в среде городского населения, однако они носили вспомогательный характер. В основном это были садоводство и огородничество, плоды которых реализовывались в самих городах.

В отношении городской культуры далеко не вся Европа была одина. В частности, между городами Северной и Южной Европы сложились различия в отношении вертикали власти. «Разрыв сословной связи с внегородской знатью наблюдается преимущественно в городских корпорациях Северной Европы, между тем как на юге, особенно в Италии, с ростом городского могущества почти вся знать переместилась в города...» [21, 364]. Возможно, именно под влиянием этого фактора возникли существенные различия деловой культуры Северной и Южной Европы (см. § 5.3 настоящего издания).

Развитие городов в России пошло по иному пути. Здесь они так и не смогли противопоставить себя «селу» (в лице крестьян и феодалов), а также государственной власти, представлявшей, в первую очередь, интересы феодалов. Этому способствовали два фактора.

Во-первых, в силу ряда исторических обстоятельств торговые пути, проходившие через земли восточных славян, в XII–XIV вв. сместились на запад. Это несколько замедлило (хотя и не остановило) формирование класса купечества, а, следовательно, и купеческих поселений как основы городского населения. Исключение составляли, пожалуй, только Новгород и Псков, входившие в зону влияния балтийского союза купеческих городов – Ганзы, где купечество было ведущей социальной группой.

Во-вторых, несмотря на формирование Золотой Орды (40-е годы XIII в.), а затем Казанского, Астраханского, Сибирского ханств, у русского крестьянства оставались значительные возможности внутренней и внешней колонизации. Движение крестьян на север не прекращалось никогда, а после падения Казани и Астрахани (50–60 гг. XVI в.) открылись пути переселения на юг и восток. Иными слова-

ми, избыточное сельское население, в отличие от стран Европы, не было вынуждено бежать в города и менять соху на молот, рубанок или шило. Кроме того, в России не было (и не могло быть) «крестьянского майората» (см. главу 3).

Ввиду этих обстоятельств массовое превращение городов России в торговые, ремесленные, а затем и промышленные центры началось только в конце XVII в., то есть примерно на 500 лет позже, чем в Европе. Очень важно отметить, что в России к этому времени сложилось достаточно сильное централизованное государство; власть прежней феодальной верхушки (князей и бояр) была в значительной степени подорвана. Принципиальное отличие от процессов, протекавших в Европе, состояло в том, что статус города присваивался не феодалом, заинтересованным в торговых и ремесленных функциях города, а государством, основной интерес которого состоял в сборе податей, а с появлением регулярной армии – и в рекрутских наборах. Поэтому статус городов нередко присваивался крупным сельским поселениям, имеющим удобное географическое положение, большинство в которых не только на момент образования, но и спустя несколько поколений составляли крестьяне.

Непрерывное территориальное расширение Российского государства с конца XVI по вторую половину XIX вв. происходило во всех направлениях: на запад (присоединение Украины, Белоруссии, Польши, Финляндии и Восточной Прибалтики), на юг (Южнорусские степи, Кавказ и Закавказье, Крым) и на восток (Сибирь, Средняя Азия). Новые границы обозначались городами-крепостями, часть которых впоследствии исчезла или стала сельскими поселениями, а некоторые превратились в крупные промышленные и культурные центры (Оренбург, Иркутск, Новосибирск, Уфа, Владикавказ, Грозный и многие другие).

Таким образом, многие русские города первоначально возникали не в результате естественно-исторического процесса концентрации торгового и ремесленного населения, а как следствие административных преобразований. Этот фактор оказал решающее влияние на социальную структуру и функции городов, на культуру городского населения. В определенной степени действие этого фактора сказывается до сих пор. Российская урбанизация отличалась от европейской не только более поздним началом, но и тем, что протекала она по иному сценарию и с иными последствиями. Основное качественное отличие состояло в том, что российский город до конца XIX в. так и не сложился как самостоятельная социальная общность, как социальная группа, противостоящая сельской общине. Взаимопроникновение

городского и сельского населения в России всегда оставалось более глубоким, чем в Европе; сельское население с присущими ему чертами культуры и психологии всегда оказывало сильное влияние на городское население.

Верно и обратное – российские городские сословия чаще проживали в деревне, чем это было в Европе. Однако их влияние на культуру сельского населения было относительно незначительным. Сельская община была целостным социальным организмом, имеющим свою культуру и способным ее поддерживать вопреки внешним факторам. Некоторые сельские общины имели влиятельное представительство даже в крупнейших городах, оккупируя целые сектора городского хозяйства. В отличие от этого, «городской элемент» в селе был представлен скорее отдельными разрозненными семьями, хотя и довольно многочисленными, но не входившими в сельский «мир», и поэтому не имевшими возможность оказать на него сильное воздействие.

В социальном отношении российские города, даже старые и крупные, все-таки не стали настоящей альтернативой селу, как это имело место в Европе.

Значительно выше, нежели в Европе, была доля горожан, занятых в сельском хозяйстве. Сохранение вплоть до 1917 г. сословий способствовало тому, что даже среди горожан, занимавшихся ремеслом, промышленностью и торговлей, многие были связаны межличностными узами с аграрным населением, а зачастую и сами числились крестьянами.

Наглядно это видно из следующих данных.

Таблица 4.1.

Социальная структура наличного городского населения Европейской России (без Польши и Финляндии) в XVIII–XIX вв.

Сословие	Год проведения ревизии/переписи				
	1744	1782	1811	1858	1897
Дворянство	2,6	3,0	4,2	6,0	6,6
Духовенство	2,4	2,4	2,0	1,9	1,2
Городские сословия	39,8	38,3	39,1	46,8	44,9
Крестьянство	32,0	37,6	38,3	30,4	45,0
Военные	10,0	11,9	11,8	12,4	–
Прочие	13,2	6,8	4,6	2,5	2,3
ИТОГО:	100%	100%	100%	100%	100%

Источник: [72, I, 322]

При этом на протяжении всего периода около половины городского сословия проживало в деревне.

Такой смешанный состав тормозил формирование единых городских локальных субкультур, поскольку лица, принадлежавшие к разным сословиям, имели разные социальные и экономические интересы. Крестьяне не принимали участие в городском самоуправлении, они платили совершенно другие налоги и с совершенно других видов деятельности.

В то же время границы между сословиями, особенно средних и низших слоев общества, были в городе очень проницаемыми, что также говорило о несформированности самостоятельных городских сословий, обладающих собственной выраженной культурой. Культура и идеология деревни оказывали очень сильное влияние на все городские слои, особенно на средние и низшие.

В Китае население городов не образовывало самостоятельной общности, отличавшей и противопоставлявшей себя как селу, так и государственной власти. В этом отношении китайские города до известной степени схожи с городами российскими. Однако в России в конечном итоге государством были узаконены «городские» сословия и статус горожанина. В Китае этого так и не произошло. Население китайских городов не составляло особого сословия (или особых сословий). Соответственно, в отличие от Европы, отсутствовало и особое городское право. Налогообложение, как и в России, зависело от принадлежности к профессиональной группе (земледелец, ремесленник, чиновник, купец), а не от основного места проживания или принадлежности к городскому сообществу.

Города в Китае не обладали собственными полномочными органами управления, выбиравшимися самими горожанами. Выборные органы самоуправления имелись только в отдельных территориальных общинах («кварталах»), из которых состояло население города. Общины эти формировались по земляческим, родственным и профессиональным признакам. Нередко эти признаки пересекались. В городах действовали периодически собиравшиеся «советы старейшин», включавшие в себя глав кварталов. Однако реальная власть принадлежала государственному чиновнику – мандарину. При этом далеко не каждый город имел своего мандарина. Верховным управителем города считался чиновник, ответственный за округ или провинцию. Старейшины образовывали при нем консультативный орган. Конечно, они могли повлиять на его решение по важным вопросам и даже сместить неугодного чиновника, пожаловавшись вышестоящему начальнику, однако это было скорее исключение, чем

правило. Для замены чиновника им приходилось обращаться в вышестоящие государственные инстанции.

4.3. Юридический статус городов и городского населения

В Китае не было формального статуса горожанина, так же, как и статуса города как особого поселения, отличного от сельского, хотя и был признан официальный статус ремесленника и купца.

В России, в отличие от Китая, такой статус существовал. Однако, *юридически* российские города также задержались в своем развитии по сравнению с городами Европы. Чтобы исполнять свою историческую роль, город должен в течение жизни многих поколений функционировать как самоуправляющаяся общность. Именно это и наблюдалось в Европе на протяжении как минимум 6–8 столетий. При этом города самостоятельно вырабатывали свой устав, согласуя его с владельцем земель, на которых они находились. Все вопросы внутренних отношений решались самостоятельно.

В России статус города присваивался государством, и все типовые городские документы разрабатывались централизованно. Городские власти лишь вносили определенные коррективы.

В то же время все государственные документы предполагали широкую внутригородскую демократию. Города управлялись выборными органами, в которых были представлены все городские слои (кроме проживавших в городах крестьян) и которые решали большинство социальных и экономических вопросов.

Впервые юридическое отделение города от деревни произошло в 1699 г., когда указом Петра I посадское население было выведено из-под власти государственных чиновников-воевод. Но в целом юридический статус города как поселения, качественно отличного от села, начал формироваться лишь в XVIII в.; до этого государство различало своих граждан по сословной принадлежности (то есть по размеру и способу уплаты налогов), а не по типу населенного пункта, в котором они проживали. Только в 1785 г. была дарована «Жалованная грамота городам», в общих чертах определявшая их статус и основы городского самоуправления. Городские самоуправления просуществовали около 130 лет – в течение жизни 5 поколений. Ввиду общей слабости и неорганизованности групп городского населения эти самоуправления все же не смогли стать реальной силой, противостоящей давлению центральных властей. Права городского самоуправления были расширены «Городовым положением», принятым в 1870 г. Однако, по всей видимости, статус городского поселения оставался

недостаточно определенным и устойчивым, поскольку различные источники на близкие по времени моменты дают разные данные о численности городов.

Если в России юридический статус горожанина в конечном итоге был оформлен, то в Китае ситуация сложилась иначе. В Китае никогда не было сословной структуры в европейском (и российском) понимании этого термина. Напомним, что сословием называется социальная страта, принадлежность к которой передается по наследству (что закреплено юридически), члены которой имеют определенные политические, экономические или культурные привилегии, либо наоборот, поражены в некоторых правах по сравнению с другими сословиями. Так, например, в России долгое время доступ к ряду государственных должностей был разрешен только дворянству; специальными указами были закреплены значительные ограничения в возможностях поступления в престижные учебные заведения. Принадлежность к тому или иному сословию значительно влияла на возможности экономической деятельности.

Сословия в российском обществе никогда не были абсолютно замкнутыми группами. На разных этапах российской истории «проницаемость» сословия была различной. Многие цари (Иван Грозный, Петр Великий) сознательно опирались на нуворишей, переводя в высшие сословия своих сторонников, а иногда и фактически создавая новые сословия в пику старой аристократии. В Европе до буржуазных революций степень проницаемости сословных границ была значительно ниже, чем в России. Тем не менее сословия как юридическая категория были ликвидированы в России лишь в 1917 году.

4.4. Цеховая культура – общие черты и различия

Особенности формирования русского города запечатлелись в культуре городского населения.

Анализируя экономическую культуру городского населения, необходимо выделять два ее слоя:

1. Культуру городского обывателя;
2. Культуру деловых кругов.

Обывательская культура охватывала значительную часть городского населения; деловая культура имела большое значение для развития экономической системы общества в целом, поскольку именно предприниматели, наряду с государством, представляли активный элемент развития.

В социальном отношении города России развивались в целом в том же направлении и по тем же законам, что города европейские. Но ряд особенностей, обусловленных именно экстенсивным характером развития российской цивилизации, объясняет специфику урбанизации, повлиявшую в конечном итоге на развитие всего общества в XX веке.

Ни в Европе, ни в России городское население не представляло собой гомогенной массы, единого целого.

Социальной группой, в которой изначально формировалось черты городской культуры, были профессиональные ремесленные цехи и купеческие гильдии. Процесс их возникновения и дальнейшего развития в Европе, Китае и России существенно различался.

1. Цехи и гильдии возникли в России значительно позже, чем в Европе и в Китае.

В Европейских странах профессиональные организации горожан сложились и получили юридический статус уже к XI–XII вв., который действовал до начала XIX в. Сами же цеха и гильдии фактически начали распадаться с конца XVII в. В России юридическое оформление городских сословий (купцов и ремесленников) произошло только в середине XVII в. (Уложение 1649 г.). Напомним, что оформление *статуса горожанина* (то есть жителя особого населенного пункта, отличного от сельского) задержалось еще на 50 лет.

2. Институционализация цеховой и гильдийной системы в Европе предшествовала формированию централизованного абсолютистского государства; наоборот, *в России цехи и гильдии документально оформлялись, а зачастую и создавались самим государством*. Поскольку государство далеко не в первую очередь представляло интересы предпринимательских кругов, это не могло не отражаться на учредительных документах и законодательстве, регулировавших их деятельность. Цеховая культура в Европе формировалась «изнутри», самими ремесленниками и купцами, исходя из их собственных интересов и проблем. Цеховая культура России во многом формировалась «снаружи» – государством – и преследовала фискальные цели в большей мере, чем цели внутрицеховые.

Эти особенности повлияли на характер и уровень развития профессиональных организаций. Российские цехи были гораздо менее сплоченными группами, их социальные границы – более размытыми и проницаемыми, то есть в цех гораздо легче было попасть и выйти из него. В цеховой организации отсутствовала такая жесткая иерархия, как в цехах европейских городов. Немаловажно, наконец, что

посадское население в целом и цеховое, в частности, составляло в России значительно меньшую долю, чем в Европе.

Экономическая культура цеха в аграрном обществе является как бы переходной от «традиционного» крестьянского уклада к урбанистическому, основанному на разделении труда.

Общие черты с укладом крестьянского хозяйства:

1. Ориентация на простое воспроизводство как основную цель деятельности. «Экономической целью «старого ремесла» было не извлечение прибыли, а, подобно принципу «пропитания» у крестьян, обеспечение соответствовавшего общепринятому уровня жизни» [39, 105].

2. Устранение конкуренции между ремесленниками, входящими в цех. Эта цель достигалась с помощью целого ряда мер:

а) Ограничение количества подмастерьев.

б) Ограничение количества и качества производимых изделий.

в) *Ограничение круга лиц, которые могут стать членами данного цеха* и условия ремесленников в целом. Предпочтение, при прочих равных условиях, отдавалось сыновьям мастеров данного цеха; на втором месте шли сыновья мастеров другого цеха.

г) При заключении брака выдвигались *жесткие требования к происхождению жениха и невесты*. Во-первых, они должны быть законнорожденными, то есть иметь мать и отца, чей брак зарегистрирован в церкви. Во-вторых, они должны быть из «добропорядочных» семей. В конечном итоге это предполагало, что абсолютное число браков заключалось только между семьями ремесленников (не обязательно из одного цеха).

3. Принцип целостности производства. Он включал в себя:

а) Низкий уровень разделения труда внутри цеха. Так же, как и в крестьянском хозяйстве, ремесленник вместе со своими подмастерьями выполнял все технологические операции от начала до конца.

б) Целостность хозяйства – мастерская и жилые помещения, как правило, находились в одном строении. Здесь же жили подмастерья.

в) Работа «на заказ», а не на массовый рынок – изделия, производившиеся ремесленником, редко были стандартизованы и изготавливались «впрок». Обычно они производились штучно и подгонялись под индивидуальные требования заказчика.

4. Социальная организация цеха предусматривала ряд мер, строящихся вдову мастера и его детей на случай смерти кормильца. В частности, действовало правило, согласно которому один из подмастерьев (обычно старший) обязан был жениться на вдове своего мастера и унаследовать его дело.

Однако по целому ряду важных моментов *организация цеха отличалась от сельской общины*.

1. «В отличие от крестьян, почет в обществе и достоинство которых покоились на размерах земельной собственности, стада и т. п., *престиж ремесленника основывался на его квалификации*, качестве его изделий, наконец, на его вошедшей в поговорку «мастерской работе». Наряду с достойным происхождением и честным образом жизни, третьим элементом цехового ремесла была профессиональная гордость, которая отличала мастера, а вместе с ним и членов его дома, от остальных групп населения» [39, 108].

2. Вторым принципиальным отличием ремесленников-цеховиков от крестьян было то, что *в ремесленных цехах присутствовала профессиональная иерархия*, предполагающая вертикальную мобильность: подмастерье и мастер. В сельской общине такой иерархии не было.

3. Наконец, существенное отличие ремесленной общины от крестьянской состояло в *характере инкорпорации в общину*. Для того чтобы войти полноправным членом в состав мастеров цеха, недостаточно было родиться в ремесленном сословии, хотя, как уже отмечалось, потомственные ремесленники имели здесь преимущества. Необходимо было в обязательном порядке пройти процесс обучения и стажировки у мастера (соответственно побывать учеником и подмастерьем). Только практическое доказательство своей профессиональной пригодности давало право на полноценное членство в цехе. Нередко мастерами становились в зрелом возрасте, а многие навсегда оставались в ранге подмастерьев, что не только не давало права на полноценное участие в жизни цеха, но и не позволяло получать сколько-нибудь стоящих заказов.

Благодаря этим факторам в среде городских ремесленников складывалась культура, которая носила как бы переходный характер от традиционно-общинной к индустриальной.

Ремесленные цехи в российских городах в принципе имели сходные функции и действовали по законам, аналогичным европейским. Однако более низкий количественный и качественный уровень развития российских городов во многом объяснял, почему здесь в рамках цехов не сформировалось столь высокой профессиональной культуры, а сами цехи оказались гораздо менее устойчивыми и значительно меньше влияли на формирование общегородской культуры, чем в Европе.

- Как уже отмечалось, в России цехи существовали гораздо более короткий промежуток времени.
- Цеховыми организациями был охвачен значительно меньший

процент ремесленников, чем в Европе. Во-первых, в России был гораздо выше процент сельских ремесленников и «умельцев», не входивших в цеховые общины, хотя они сохранялись и в Европе. Во-вторых, в городах Европы практически все городские ремесленники были объединены в цехи. В отличие от этого, в российских городах от 30 до 50% ремесленников в разные годы не состояли в цеховых организациях. Цехи были распространены в основном в крупных и средних городах. Многие малые города вовсе не имели цеховых организаций.

• Наконец, цеховые организации российских городов были гораздо менее закрытыми в сословном отношении, чем европейских. Как отмечалось выше, даже чтобы попасть в состав учеников или подмастерьев, в Европе почти обязательно надо было быть выходцем из городского сословия и лучше – из ремесленников. Такой отбор далеко не всегда и не во всех городах был связан с формальными запретами – гораздо большую роль играли механизмы социального отбора, в частности – правила подбора брачного партнера. В российских городах среди учеников и подмастерьев было очень много выходцев из других сословий, прежде всего, из крестьян и мещан. Одной из причин, по которой правительство в 70-х годах XIX в. стало подрывать юридические основы цеховой организации, было то, что крестьяне стали формально «записываться» в цеха, чтобы уменьшить налоговые платежи. Уже сам факт, что в состав цеха можно было *записаться*, не проходя жесткого профессионального и социального отбора, говорит о гораздо более слабой социальной сплоченности их по сравнению с европейскими.

Таким образом, если главными функциями европейских цехов были защита ремесленников от конкуренции, от феодалов и государственной власти, а также регулирование рынков и обеспечение высокого качества изделий, главным в российских ремесленных цехах был механизм сбора налогов и отстаивание корпоративных интересов перед властью (городской и государственной). Недаром российские цеховые организации, просуществовав около 200 лет (против 700–800 – в Европе), стали распадаться сразу же после городских реформ 1870-х гг., в результате которых они утратили фискальные и политические функции.

Все эти факторы способствовали тому, что цехи в России так настоящему и не стали «мостиком» от крестьянской к индустриальной организации. В самих цехах традиционные общинные моменты преобладали, и они гораздо больше напоминали сельскую общину, чем цеха европейские.

В китайских городах также были цеховые структуры. Однако, в отличие от Европы, главным социальным институтом в городе (как и во всем обществе) был клан (*линидж*). (Напомним, что по-китайски он назывался *цзу*.) Это отличало китайские города как от европейских, так и от российских городов. В целом цеха и гильдии исполняли в системе хозяйства те же функции, что и в Европе. В то же время, город в Китае никогда не был самостоятельной социальной единицей, как европейские города. Он скорее был объединением отдельных общин, кварталов. Каждый квартал обычно заселялся по земляческому принципу выходцами из одной провинции или даже из одного уезда. Ведущую роль в таких кварталах имели клановые связи. Соответственно и цеха, как правило, формировались по клановому принципу. В них работали те же механизмы взаимоподдержки и социального контроля, что и в деревне. Именно такие кварталы-землячества, а не город в целом, и были самоуправляющимися общностями. В результате в китайском городе не возникало тесного симбиоза между купцами и ремесленниками, не происходило слияния ремесленных технологий и стремления к наживе, свойственного купечеству. Это препятствовало формированию «духа капитализма» в китайских городах. Влияли земляческие связи и на принцип подбора членов цеха или гильдии. Если в Европе для этого важно было доказать свою профессиональную состоятельность и относиться к одному из городских сословий, то в Китае гораздо важнее было являться выходцем из того же уезда, а лучше – членом того же клана, что и большинство представителей данного цеха.

4.5. Исторические особенности формирования культуры российских деловых кругов

Многие из перечисленных факторов влияли и на культуру деловых кругов дореволюционной России, центральное место среди которых занимало купечество. Здесь также важнейшую роль сыграл экстенсивный фактор развития российской цивилизации.

Идеология протестантизма, сочетающая в себе ориентацию на предпринимательский успех, рационализм и четкий учет в планировании, аскетизм личной жизни, не может формироваться в среде классического ремесленного цеха. Ремесленник в повседневной деятельности не занимался строгой калькуляцией затрат и прибыли, поскольку поддержание стабильного (и невысокого) уровня благосостояния ему было гарантировано. Такая потребность возникала только в связи с массовыми торговыми операциями. А достижение макси-

мальной прибыли вообще выходило за рамки ценностей ремесленных цехов. Поэтому этика предпринимательства могла формироваться только в среде купечества и той части ремесленников, которые вышли на широкие внешние рынки и отказались от ограничений, накладываемых цехами.

Для формирования этики предпринимательской активности необходимо отойти от господствовавшей как в крестьянской, так и в ремесленной общине логики самодостаточности, то есть необходим массовый психологический стимул преодоления социальных ограничений. Поэтому этика предпринимательства формируется не просто среди состоятельных и не лишенных способностей людей, а в социальных слоях, подвергавшихся социальной сегрегации.

В российском обществе XVIII–XIX вв. сложилось два ядра предпринимательской культуры, которые условно можно назвать «московским» и «питерским». Они отличались друг от друга по происхождению, социальному, конфессиональному и этническому составу, по ориентации на роль государства в экономике.

Среди московских предпринимателей в основном были представлены старообрядцы, русские по национальности, выходцы из крестьян, мещан, мелких купцов; они были ориентированы на уменьшение роли государства в экономике и возрастание роли частного предпринимательства. В среде московских предпринимателей были распространены патриотические и даже националистические ориентации.

Предпринимательские круги Санкт-Петербурга гораздо теснее, чем москвичи, были связаны с государственным аппаратом, среди них было больше крупных чиновников и дворян, выше процент иностранцев; они сильнее зависели от государственного регулирования экономики и полагались на госзаказ. Для питерских предпринимателей были характерны прозападные ориентации.

Конечно, это только идеальные типы – в каждой из столиц (так же, как и в других городах) были представлены самые разные слои предпринимателей. Далекое не каждого предпринимателя (или династия) можно однозначно отнести к тому или иному типу. Тем не менее и хозяйственное и идеологическое противостояние двух групп буржуазии хорошо осознавалось в тогдашней общественной мысли.

Одной из характерных черт формирования российского предпринимательства была крайняя степень неустойчивости кругов общения. Огромные состояния создавались в течение нескольких лет, затем так же быстро исчезали. Незначительное число предприятий становилось жертвами конкуренции; чаще же состояния растрчивались, а предприятия перепродавались или просто исчезали в результате неразум-

ного потребления «престижных ценностей» (мотовства). Помимо того, что это имело прямой негативный эффект для экономики, тормозилось и становление экономической культуры молодой российской буржуазии.

Напомним, что социальный опыт накапливается, институционализируется и передается из поколения в поколение тогда, когда все это происходит в рамках социальной группы или категории, имеющей достаточно четкие границы, принадлежность к которой также передается от поколения к поколению.

Слабость российской буржуазии, по сравнению с европейской, обуславливалась, в числе прочего, и тем, что почти не было потомственных предпринимателей. Вчерашний крестьянин, накопив денег, становился купцом, а затем промышленником (или наоборот). После этого он хотел «жить красиво», покупал дома в Париже, заводил романы с примадоннами, отходил от дел. И если он не разорился сам в результате этих неумеренных трат, то его разоряли собственные приказчики, либо по глупости, либо по корысти. Для формирования культуры предпринимательства необходимо было, чтобы в течение жизни поколений взаимодействовали несколько династий, накапливающих опыт делового общения друг с другом, с внешними и внутренними рынками.

В Европе такой механизм накопления культуры был задан еще в цехах и гильдиях. Как обстояло дело в России, мы видели в предыдущем параграфе. Однако и в России были социальные слои, которые добивались исключительных результатов не только в деле становления культуры предпринимательства, но и в служении всему обществу. Одна из деловых субкультур российского общества, представляющая наибольший интерес с современной точки зрения, в которой наиболее ярко проявились противоречия и трагическая судьба русской буржуазии, – *старообрядческое предпринимательство*.

В конце XVII в. в России, по мере превращения церкви в государственную организацию, возник раскол, оформилось старообрядчество. Формально поводом для раскола стала церковная реформа. Патриарх Никон, сподвижник Алексея Михайловича, отца Петра I, принял реформу с целью сверки славяноязычных священных текстов с первоначальными греческими и изъятия икон, отклонявшихся от византийских канонов. Церковный собор 1654 г. отлучил всех несогласных с реформами от церкви. Начались преследования тех, кто остался верен привычным обрядам, их массовые миграции на окраины государства, в частности в состав формировавшегося в конце XVII в. казачества. Оценка общего количества старообрядцев в эти

годы колеблется от 25 до 40% всех православных прихожан. Их идеологом стал протопоп Аввакум. Объективно обновление стало шагом к подчинению церкви государству. Старообрядчество как течение православия сохранилось до сих пор. Оно имеет в своей идеологии целый ряд черт, сходных с протестантизмом (хотя и не являлось в полной мере его аналогией). Недаром старообрядческие села отличались богатством, а многие миллионеры начала XX века вышли из старообрядческих семей. Более того, ряд преуспевающих династий сами перешли в старообрядчество (Рябушинские).

Почему же второстепенные, с точки зрения «чистой экономики», различия между приверженцами старого и нового обряда, оказали такое влияние на экономику?

Старообрядчество – не единая конфессия; оно включает в себя несколько толков. Важнейшее разделение среди старообрядцев касается отношения к священнослужителям. Выделяется два толка: *поповцы* и *беспоповцы*. Поповцы признают необходимость клира и принимают священников, переходящих из официальной православной церкви.

Беспоповцы считают, что приближается конец света, и поэтому антихрист проник во все организации, включая официальную церковь. Поэтому необходимо искать истинных, духовно чистых и просвещенных служителей церкви, а до того времени отказаться от священнослужителей. Нетрудно видеть, что при внешнем сходстве с протестантизмом, позиция беспоповства на самом деле диаметрально противоположна последнему. Протестантизм (кроме англиканской церкви) в принципе отрицает необходимость профессионального клира; беспоповство считает необходимым иметь священников, но полагает, что найти истинного священника очень трудно.

С другой стороны, протестантизм не допускает проведение богослужений вообще без руководителя, а роль пастора выполняют по очереди наиболее достойные миряне, выбираемые общиной. Наоборот, беспоповцы практикуют коллективные богослужения, основанные на одинаковом знании всеми прихожанами обрядов и текстов Священного Писания и особенно Псалмов, и поэтому не требующие присутствия священника.

Отношение властей к старообрядчеству далеко не всегда было резко негативным, и поэтому старообрядческие слободы существовали во многих городах. Так, в Москве было две старообрядческие слободы: Рогожская и Преображенская. *Рогожская община* (храм действует и поныне недалеко от начала шоссе Энтузиастов) относилась к поповскому толку. В *Преображенской общине*, относившейся

к беспоповскому (Федосеевскому – по имени одного из основателей) толку, моления проходили в домах.

Парадокс истории состоит в том, что идеологической подоплекой старообрядчества было сопротивление вестернизации русского общества, первопроходцем которой как раз и был Алексей Михайлович Романов. И в то же время именно выходцы из старообрядческой среды были наиболее предприимчивыми и удачливыми представителями российской буржуазии. Кроме того, их отличал высокий патриотизм.

Причины повышенной деловой активности и успешности купцов и промышленников старообрядцев коренились, конечно, не только в особенностях вероисповедания и обрядности. Сказалось именно маргинальное социальное положение старообрядцев (высокий социальный потенциал, сочетавшийся с пониженным официальным социальным статусом), проявлявшееся в стремлении компенсировать социальное отчуждение деловыми успехами. Социальное отчуждение выражалось не только в формальных ограничениях, налагавшихся церковью и государством, но и в настроенном отношении простого населения, привыкшего видеть в старообрядцах людей угрюмых, замкнутых, «себе на уме». Во многом такое восприятие складывалось под влиянием официальной пропаганды.

Социальная функция старообрядцев в русском обществе была сходной с ролью протестантов в европейской цивилизации. В то же время по социальному происхождению предприниматели-старообрядцы отличались от протестантов. Протестантская культура – целиком продукт длительного (400–500 лет) развития городов. Старообрядцы проживали как в городе, так и на селе, причем корни культуры были скорее сельскими.

Одним из важнейших факторов, отличавших старообрядцев от большинства других групп российских предпринимателей, была высокая степень корпоративности. Так, Преображенская община (напомним, что она принадлежала беспоповскому толку) действовала не только как духовная и идеологическая, но и как экономическая группа. В 1808–1809 гг., в царствование либерального Александра I, община легализовалась. Был принят устав общины, предполагавший не только существование общинной кассы, но и правила взаимного кредитования. Внутриобщинные кредиты были беспроцентными и давались только при условии одобрения «верных попечителей», то есть общинников, пользовавшихся всеобщим доверием. С кредита взимался процент только в случае коммерческого успеха предприятия, под которое он был взят; причем допускались отсрочки в вы-

плате процента до двух лет. По прошествии этого срока долг... прощался; однако случаев неуплаты почти не было.

Несостоятельные родственники членов общины, вносивших взносы в общую кассу (если они оставались старообрядцами), получали единовременное денежное пособие, составлявшее треть вклада родственника. Вся система отношений держалась не на страхе и насилии, а исключительно на этических принципах и неформальном социальном контроле.

В общине действовал принцип коллективной собственности на все финансовые ресурсы; в завещаниях отписывали капитал не на детей (поскольку община не признавала официального церковного брака), а в фонд общины. Это не препятствовало, однако, сохранению династий, поскольку, если предприниматель воспитывал достойных преемников, то отцовский капитал переходил к ним, но уже как кредит от общины.

Одной из особенностей, отличавших предпринимателей-старообрядцев от большинства купцов и дворян, была исключительная скромность личного быта. Шикарные особняки появились только в конце XIX в. К этому следует добавить, что старообрядцы резко ограничивали и контролировали потребление алкоголя, что положительно сказывалось на их деловой культуре.

Конечно, престижная экономика играла роль в жизни купцов и промышленников – старообрядцев; однако выражалось это не в пьяных загулах, а в коллекционировании и благотворительности. Напомним только некоторые примеры подобной деятельности среди русских предпринимателей-старообрядцев.

Одной из наиболее распространенных форм благотворительности был выкуп беглых крепостных крестьян (при условии вступления их в старообрядческую общину), уплата долгов и выкуп должников из тюрьмы (Ефим Гучков, В.А. Кокорев). Огромную поддержку оказали старообрядцы в издании трудов наиболее выдающихся ученых и литераторов. Сказки А.Н. Афанасьева; работы одного из основателей экономической антропологии Н.И. Зибера; произведения В. Шекспира, И.С. Тургенева, А.А. Фета, Я.П. Полонского, Н.Г. Чернышевского, С.Я. Надсона; труды Д. Рикардо, А. Смита, Д. Юма и многих других авторов впервые в России были напечатаны в типографии К.Т. Солдатенкова. Он перевел более 40 000 рублей (огромная по тем временам сумма) на счет Румянцевского музея. На деньги «душегуба» Т.С. Морозова (вспомним Морозовскую стачку), выделенные им по завещанию, построена одна из больниц Москвы. Можно привести множество подобных примеров.

Положение предпринимателей вообще и купечества в частности в российском обществе было крайне неустойчивым. Социальная структура российского предпринимательства в целом напоминала структуру деревенской общины. Семья, которая в течение жизни одного из удачливых и предприимчивых членов выбивалась в купцы второй или даже первой гильдии, могла неожиданно оказаться среди негильдийских купцов или даже мещан. Особенно часто это относилось к нуворишам.

В отличие от этого, купцы-старообрядцы, как правило, образовывали династии. «Дело» передавалось из поколения в поколение, и даже в случае его дробления между братьями они сохраняли устойчивые деловые связи.

Таким образом, как это ни парадоксально звучит, наибольший коммерческий успех приходил как раз к тем российским предпринимателям, кто ориентировался не только на законы «совершенного рынка», но и опирался на определенную идеологию, весьма далекую от рыночной, а также на принципы корпоративизма.

ВЫВОДЫ

Изучение аграрных политарных обществ позволяет сделать ряд важных выводов относительно их экономической культуры.

1. Аграрные политарные цивилизации возникли в результате увеличения плотности населения, разделения труда, в частности, образования городов. Их развитие было ответом обществ присваивающего и раннего производящего хозяйства на угрозу голода и перенаселения. Однако со временем и они столкнулись с кризисом антропогеоценоза, на базе которого развивалась каждая из них.

Из рассмотренных нами цивилизаций раньше всех опасности перенаселения испытала европейская цивилизация (XIV–XVI века). Одним из главных факторов этого кризиса стал значительный прирост населения, при исчерпании возможностей экстенсивного развития. Ответом европейской цивилизации на вызов времени стало создание цивилизации принципиально нового типа – индустриальной, а затем и постиндустриальной. Возможности экстенсивного развития российской цивилизации перестали существовать значительно позже – только к началу XX века.

Экстенсивное развитие китайской цивилизации окончилось раньше, чем европейской, – примерно в X веке н. э. Тем не менее чрезвычайно высокое плодородие почв и постепенное совершенствование аграрных технологий позволяло сохранять ей основные ме-

ханизмы традиционного аграрного общества вплоть до середины XX века. Изменение типа российской и китайской цивилизаций происходило во многом под влиянием достижений европейской цивилизации. С одной стороны, это облегчало переход, поскольку в рамках европейской цивилизации частично уже были созданы новые технологии и институты. С другой стороны, привнесение элементов культуры из других цивилизаций неизбежно порождает культурный конфликт, угрожающий основам принимающей цивилизации. Поэтому проблема взаимодействия культур становится одной из центральных в современной антропологии.

2. Хотя города возникали во всех политарных аграрных обществах, лишь в Европе развитие городов привело к явлению, известному как «европейский капитализм». Классикам социологии (М. Веберу и В. Зомбарту) нередко приписывается положение, что главной предпосылкой его возникновения является определенный «идейный сдвиг» (формирование протестантской этики по Веберу, проникновение еврейских субкультур по Зомбарту), хотя оба они специально подчеркивали, что идеологические причины – необходимый, но далеко не достаточный фактор возникновения капитализма. Например, европейский капитализм не мог бы возникнуть, если бы к XVI–XVII веку Европа не познакомилась со всеми основными технологиями того времени (в том числе созданными в Китае, Индии, на Арабском Востоке). Главное отличие Европы от других цивилизаций, по мнению М. Вебера, состояло в особой функции и социальной структуре городов, отличавших Европу как от России, так и от Китая. Общим у городов России и Китая, в отличие от средневековой Европы, было то, что в них в полной мере не сложилась социальная общность горожан, отделенная и отличная от сельских общностей. Конечно, в России этот процесс зашел дальше, чем в Китае; однако, городские общности в ней в значительной степени развивались по инициативе государства, а не рядовых горожан.

В России активные процессы урбанизации развернулись только после создания централизованного государства, в условиях его экстенсивного развития. Поэтому как сами городские общности, так и их юридическая основа создавались «сверху» государством, представлявшим власть помещиков, хотя в основе этих мероприятий лежала европейская модель.

В Китае же, как и в Европе, города возникали самостоятельно, но их юридический статус, в отличие от Европы и России, не был определен. Их население не составляло самостоятельной общности, а социальные структуры городов являлись продолжением сельских

структур. Таким образом, как в Китае, так и в России было весьма затруднено формирование социальных слоев, обладающих «духом капитализма».

3. Культура предпринимательства (как и любая другая культура) может формироваться только в относительно устойчивых социальных общностях. Поскольку города в России этому условию не отвечали, наиболее эффективно эти процессы могли протекать в отдельных профессиональных группах (например, среди старообрядцев).

4. В городах «классического» аграрного общества личный успех, тем более успех на рыночном поприще, не являлся основной терминальной ценностью. Приоритет всегда отдавался принципу выживания социальной общности, к которой принадлежал индивид, будь то средневековая Европа, Китай или Россия. В частности, гипотеза о главенстве принципа максимизации, состоящего в том, что индивид (или даже община) стремится производить максимум при заданных ресурсах, не подтверждается эмпирическими исследованиями.

Точно так же не подтверждается и основной постулат микроэкономики относительно потребления, говорящий о том, что участник рынка стремится к максимизации уровня своего потребления. В аграрных обществах производятся действия, единственной целью которых является поддержание целостности общины и равновесия антропогеоценоза. Такие действия рассматриваются как неэффективные с точки зрения микроэкономики.

6. Все эти ограничения, существовавшие в любом аграрном политарном обществе, задерживали процесс расслоения общества и нарушения экологического равновесия, но никогда его не останавливали. Поэтому общества могли достаточно долго балансировать на грани социального и экологического кризиса. Коренные изменения, связанные с выработкой новых технологий и изменением социальной структуры общества, происходили лишь тогда, когда нарушение равновесия антропогеоценоза угрожало биологическому выживанию популяции.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Почему и каким образом особенности социальной структуры западного города способствовали возникновению «духа капитализма» именно в Европе, а не в Китае или в России?

2. Почему М. Вебер считал наличие/отсутствие собственной армии важным признаком, отличавшим условия экономического развития западного и восточного города?

3. В чем проявлялся экстенсивный характер развития российской цивилизации и как он влиял на процессы урбанизации?

4. Как различался юридический статус российских и западноевропейских городов в XV–XIX вв., его взаимосвязь с социальной структурой и функциями городов?

5. В чем состояло сходство и каковы были различия в организации цехов и гильдий в европейских и российских городах? Как влияли эти особенности на дальнейший ход урбанизационных процессов?

6. Что такое «социальный характер культуры», и каким образом этот фактор повлиял на особенности процессов урбанизации в Европе, России и Китае?

7. Можно ли считать, что российские города в начале XX века соответствовали модели развития европейских городов в Средневековье и в Новое время?

8. Почему именно старообрядцы, несмотря на архаизм их идеологии и быта, а также преследования со стороны властей, добивались наиболее весомых успехов в торговле и промышленности в России XIX – начала XX века?

9. Как повлияли особенности культуры (религии, идеологии) китайского общества на процессы урбанизации в Средние века?

10. Каким образом влияли контакты с сельским населением на формирование городских культур в России? В чем состояло отличие от Европы и Китая?